

МАТЕРИАЛЫ ПО
АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ
УЗБЕКИСТАНА

MATERIAL ON THE
ANCIENT CULTURE OF
UZBEKISTAN

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

МАТЕРИАЛЫ ПО АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ УЗБЕКИСТАНА

К 70-ЛЕТИЮ
ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА КОШЕЛЕНКО

САМАРКАНД 2005

Ответственный редактор: К.А. Абдуллаев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель: А.А. Анарбаев

А.А. Аскарлов, А.Х. Атаходжаев, М.Х. Исамиддинов, Р.Х. Сулейманов

Рецензенты

К.и.н Т.И. Лебедева

К.и.н А.А. Раимкулов

Зав.редакцией Е.И. Баданова

Компьютерный набор М.В. Кондрикова

Верстка и дизайн Т.Х. Очилов

Editor in Chief: K.A. Abdullaev

EDITORIAL BOARD

President: A.A. Anarbaev

A. Askarov, A. Atakhodjaev, M. Isamiddinov, R. Suleymanov

Head Editorial Office E. Badanova.

M. Kondrikova

T. Ochilov

В данном сборнике рассматриваются новые материалы, полученные с памятников античной эпохи, расположенных на территории Республики Узбекистан. Сборник отражает различные аспекты материальной и художественной культуры и рассчитан на археологов, историков, искусствоведов и интересующихся историей античности Узбекистана

ГЕННАДИЮ АНДРЕЕВИЧУ КОШЕЛЕНКО 70 ЛЕТ

Геннадию Андреевичу Кошеленко в этом году исполнилось 70 лет.

Эту дату профессор Г.А. Кошеленко - ученый с мировым именем - встречает в полном расцвете творческих сил и энергии. На протяжении более двадцати лет Геннадий Андреевич возглавляет Отдел классической археологии Института археологии Российской Академии наук; его имя пользуется заслуженным уважением во всем научном мире благодаря многочисленным трудам по истории и археологии античности. Свыше четырехсот трудов Г.А. Кошеленко отражают различные аспекты и проблемы античной культуры.

Важным вкладом в антиковедческую науку был труд, посвященный греческому полису на эллинистическом Востоке. Огромная работа была проделана ученым при подготовке коллективных трудов – таких фундаментальных изданий, как «Всеобщая история архитектуры» (1974), трех томов «Археологии СССР»: «Античные государства Северного Причерноморья» (1984), «Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии» (1985), «Средняя Азия в раннем средневековье» (1999), а также «The Archaeological Map of the Murghab Delta» (Roma, 1998)

Проблемы расселения и колонизации в истории античных государств, возникновение и развитие постгреческих держав на территории Средней Азии, образование и расцвет Парфянского царства, его политическая и культурная эволюция, история культуры Причерноморья, вопросы религии и культуры античного Востока – вот далеко не полный перечень научных интересов Г.А. Кошеленко, которые воплотились в научные статьи и монографии.

Опытнейший полевой археолог, Геннадий Андреевич в течение 50 лет выезжал в экспедиции, не пропуская ни одного сезона: сначала в Причерноморье – Пантикапей, Фанагория, где он стал одним из первых в стране водолазов-аквалангистов, положив, таким образом, начало развитию в стране подводной археологии, затем были раскопки в Туркмении, Узбекистане, Афганистане, а также Йемене, Алжире, Индии, Сирии.

Особое восхищение вызывает педагогический талант Г.А. Кошеленко. Доцент МГУ, профессор МГПИ, он воспитал не одно поколение ученых - специалистов по античности. Обаяние его личности и дарования, блестящий дар оратора, скромность и доброта, великодушие и мягкий юмор всегда влекли к нему коллег и молодых ученых. На всем пространстве бывшего Союза успешно работают его ученики, продолжая высокие традиции антиковедения.

За научную и педагогическую деятельность Г.А. Кошеленко был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Германский Археологический Институт (Берлин) и Итальянский институт Среднего и Дальнего Востока (Рим) избрали его своим членом-корреспондентом.

Отмечая юбилейную дату, коллектив Института археологии Академии наук Республики Узбекистан желает Геннадию Андреевичу Кошеленко доброго здоровья, дальнейших плодотворных научных изысканий, новых открытий, пополняющих сокровищницу мировой научной мысли.

К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ФЕРГАНЫ ЭПОХИ АНТИЧНОСТИ

Со II в. до н.э. по IV вв. н.э. в Фергане и по всей Средней Азии отмечается экономический подъем, который был зафиксирован археологическими данными (Аскаров, Буряков, 1978, с. 10; Буряков, 1982, с. 109). Об этом свидетельствует резкое увеличение количества поселений, относящихся к этому периоду. Поселения тогда располагались не только в равнинной Фергане и по берегам крупных рек Карадарьи и Сырдарьи, но занимали и берега небольших горных речек, как показали исследования, проведенные А.Н. Бернштамом и Н.Г. Горбуновой (Бернштам, 1952, с. 217, 221; Горбунова, 1979, с. 25, 27-28). По сведениям Н.Г. Горбуновой, в первые века нашей эры общее количество поселений достигало шестисот (Горбунова, 1977, с. 108), а по Ю.А. Заднепровскому - не менее 1000 поселений (Заднепровский, 1985, с. 312). Однако эти данные тоже занижены, поскольку Фергана издревле отличалась высокой плотностью населения; освоение земель происходило постоянно.

Значительные перемены произошли и в расширении ирригационной сети, создании крупных городских центров, широком распространении сельских укрепленных поселений, замков, усадеб отдельных патриархальных семей.

В ирригационных районах поселения располагались отдельными группами - микрооазисами, концентрируясь вокруг наиболее крупных городских центров, крепостей, замков, усадеб.

Типичными были города средней площадью 7,5-12 га. Как показали археологические исследования, вокруг города располагался пригород, где имелись усадьбы, замки, кварталы ремесленников, культовые сооружения, кладбища и др.

Сельские поселения Ферганы эпохи античности исследованы слабо, поскольку они перекрыты более поздними наслоениями. Исследованные памятники отличаются друг от друга планировкой и площадью, основную массу составляют отдельно стоящие тепа, остатки замков площадью 0,01-0,05 га, выделяются крупные усадьбы. О функциональном назначении их можно судить только после археологических вскрытий. По внешним признакам, величине и планировке в предварительном порядке их можно подразделить на несколько типов.

Тип 1. Поселения двухярусные (тепа с площадкой). Площадка в плане квадратной или прямоугольной формы, высотой 2-3 м, на которой выделяется более возвышенная часть - монументальное здание, расположенное на одной стороне или в центре, или в одном из углов. Здание имело прямоугольную или квадратную форму с крутыми склонами, возвышалось над площадкой на 3-5 м. Исследованы поселения Деватепа, Тепа-4 в Кургантепинском районе, Коштепа (Яккатепа) в Избасканском районе Андижанской области.

Деватепа расположено в 5 км юго-западнее городища Султанабад, на правом берегу Шахрихансая, его площадь: 40х90 м, в северной стороне огромный холм - остатки здания величиной 25х30 м. Площадка имеет обводную стену из сырца и представляет собой остатки жилых сооружений. Монументальное здание также имело обводную стену; въезд пандусный на южной стороне.

Тепа-4 расположено в 2 км юго-западнее городища Султанабад, также на правом

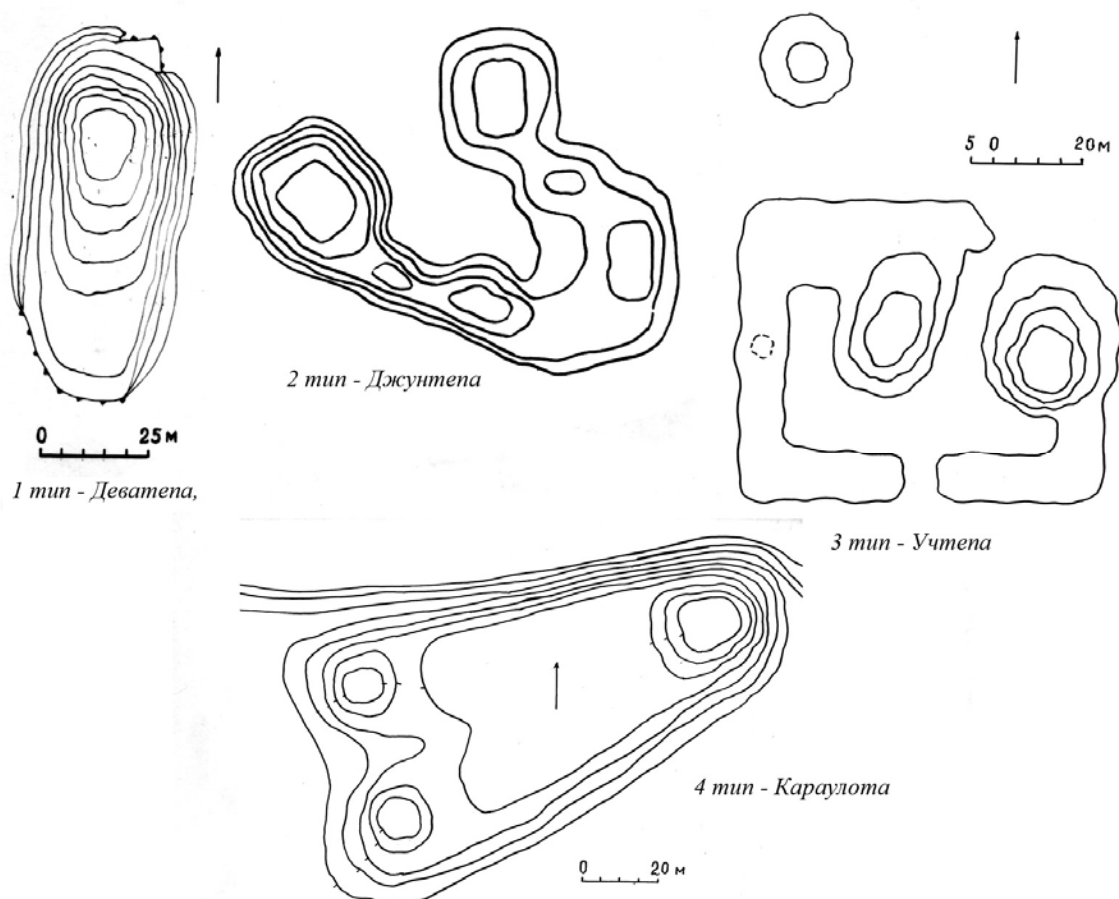
берегу Шахрихансая, и имеет примерно такую же величину, как и Деватепа. Оно сильно разрушено. Шурф площадью 2х6 м, заложенный в более высокой части монументального здания, выявил 4 строительных горизонта с помещениями жилого характера. В западной части памятника, на площадке, видимо, располагались подсобные помещения складского назначения, где найдено более 6 хумов.

Два крупных поселения Кулунчакские, площадью 0,5 га исследованы П.П. Гаврюшенко на берегу р. Яссы. О продолжительности существования одного из них свидетельствуют 6 выявленных горизонтов. К периоду расцвета памятника относятся II и III горизонты. Поселение было окружено оборонительными стенами. Внутри имелось более 20 помещений жилого и хозяйственного назначения (Гаврюшенко, 1970).

Поселение типа 1 представляет собой укрепленную сельскую усадьбу, вокруг которой концентрируются небольшие тепа, видимо, дома рядовых общинников.

Тип 2. Отдельно стоящий дом-массив, площадь 0,2-0,5 га, прямоугольной или округлой формы, высотой 4-10 м, верхняя часть сравнительно ровная, склоны крутые. Одна сторона более пологая, здесь, видимо, имелся пандусный въезд.

На поселении Оппокхужадеваси, расположенном в 15 км юго-восточнее города Кургантепа, южнее Андижансая, проведены зачистки обнажившихся культурных слоев, выявлено несколько строительных горизонтов общей толщиной слоев около 6 м. Первоначальное здание возведено на выровненной поверхности земли. Нижние

Типы поселений эпохи античности

слои относятся III-I вв. до н.э. Поселение продолжало существовать и позже - в VI-VII вв. н.э.

Поселение Аралтепа, расположенное в 9 км северо-западнее городища Мархамат (Мингтепа) имело обводные стены с внутрисканальным коридором-галереей. Видимо, этот тип представляет собой жилище патриархальной общины.

Тип 3. Отдельно стоящие дома. Этот тип самый многочисленный. Дома разной формы и величины, площадью 0,01-0,2 га, овальные, округлые диаметром 15-30 м, высотой 2,5-5 м, квадратные, прямоугольные с крутыми склонами, пологими с одной стороны, где, видимо, имелся пандусный въезд. Верхняя площадка сравнительно ровная величиной 20х35 м. Они представляют собой укрепленные усадьбы.

Тип 4. Крепости, убежища площадью в основном 0,5-2 га. Они прямоугольной, подтреугольной формы, чаще всего, с мощной системой укреплений, башнями по углам и на пролетах стен. Въезд один, с проходом в стене или пандусный, фланкирован башней с одной или обеих сторон. Валы стен высотой 2-5 м, внутреннее пространство без видимых следов застройки или это просто огороженное пространство.

Памятники расположены на окраинах земледельческих микрооазисов как мощные укрепления, сторожевые посты, охраняющие подступы со стороны гор, адыров, а также на границе с кочевой степью или в центре земледельческих микрооазисов головных ирригационных сооружений. Эти крепости использовались как убежища на случай осады. Видимо, они могли быть и каравансараями, так как располагались на магистральных торговых путях и их ответвлениях.

Подступы к городищу Мархамат (Мингтепа) и земледельческому оазису с южной стороны (со стороны гор) охранялись расположенными на адырах замками и крепостями. Одной из таких крепостей являлась Караулота, расположенная в 6 км юго-восточнее городища Мархамат, в 300 м южнее дороги Мархамат-Араван-Ош. Крепость возведена на скальной гряде, на высокой террасе, возвышающейся над дорогой на 20 м. В фортификационных целях использован рельеф местности и планировка поселения подчинена ему: крепость подтреугольной формы, на углах крепостных стен возвышаются башни, самая высокая из которых находится в северо-восточном углу. Крепость возвышается над окружающей местностью более чем на 10 м. Она могла играть роль убежища в период опасности для местного населения, а также могла служить каравансараям. Крепость расположена над дорогой, по которой проходила трасса Великого шелкового пути (Абдулгазиева, 1992, с. 27).

Основным занятием населения являлось земледелие, а также животноводство и различные виды ремесел. Высоко было развито садоводство; по всей видимости, в то время культивировались такие же виды фруктовых деревьев, что и в настоящее время. В крупных усадьбах имелись специализированные помещения, связанные с обработкой продуктов сельского хозяйства.

Большой интерес вызывают находки семян винограда в археологических слоях. Основой выведения культурных сортов винограда могли явиться дикие виды, произраставшие в Средней Азии. Семена дикорастущего винограда, похожего на современный сорт «Изабелла», были найдены в поселении 5а, расположенном к югу от города Ферганы (Горбунова, 1985, с. 67). Археологические данные в совокупности с письменными источниками свидетельствуют о том, что в Давани (древняя Фергана) выращивали столовые и винные сорта винограда и умели хранить его в течение длительного срока. Как повествует китайский историк Сыма Цянь (155-88

гг. до н.э.): «... в Давани делают вино из винограда. Богатые хранят его до 10000 дань. Старое вино несколько десятков лет стоит без порчи» (Бичурин, 1950, с. 149, 161). Судя по археологическим данным, виноделие было широко развито. Так, в поселении Султанабад в 50 км восточнее Андижана в строительном горизонте I в. до н.э. - I в. н.э. вскрыто большое помещение, видимо, винодельня. В нем обнаружено 5 больших хумов высотой 150-160 см, вкопанных в земляной пол, который был сильно пропитан соком и насыщен семенами винограда. Помещение сохранилось не полностью, поэтому вполне можно предположить, что хумов было больше и сама винодельня сохранилась частично; в относительной целостности сохранилась винодавильная площадка (Абдулгазиева, 1994; Абдулгазиева, 1995).

Винодельня III в. н.э. вскрыта в поселении 5а. По остаткам этого сооружения можно представить его устройство и процесс изготовления в нем вина. Это было довольно большое помещение, юго-западный угол которого занимала винодавильная площадка с алебастровым полом, обрамленным бортиком. Сок по каналу стекал в два чана-отстойника общей емкостью около 400 л. В помещении вдоль стен стояли еще 4 хума, в которых, видимо, хранилось вино, а также в соседнем помещении, где во время раскопок было найдено много обломков хумов (Горбунова, 1977).

Одним из распространенных видов ремесла было керамическое производство. В каждом ирригационном районе, видимо, были свои центры гончарства. Археологические исследования свидетельствуют, что имелись специализированные поселения по производству посуды на рынок. Исследованы два таких поселения, представлявшие собой торговые центры. Одно из них вышеупомянутое поселение Султанабад в окрестностях одноименного городища. Поселение существовало довольно длительное время (Абдулгазиева, 1993; Абдулгазиева, 2000). В нем вскрыто 5 строительных горизонтов, и в каждом обнаружены следы керамического производства, а в верхнем горизонте вскрыты остатки керамической мастерской, состоящей из двух больших помещений (сохранились частично). Они прямоугольной формы, сохранившаяся длина одного из них 8 м, в полу имела яма, в которой была замешана глина с камышовым пухом, на полу найден необожженный фрагмент венчика хума. Видимо, в этом помещении производили формовку сосудов, а смежное служило подсобным; в нем найдены два небольших терочных камня и небольшая яма в полу. Примечательно, что и в соседних поселениях также занимались керамическим производством.

Другой центр керамического производства - Камолтепа (III-V вв. н.э.) расположен в 25 км западнее Андижана. Он сильно разрушен, но о его значимости можно судить по остаткам керамических печей, от которых сохранились только днища топочных камер в количестве более 50 штук и отвал бракованной керамики неподалеку от них (Абдулгазиева, 1995).

Ткачество было одним из важных занятий сельского населения. Ценные сведения о ткацком производстве, прежде всего, дают прясла, отпечатки тканей на керамических сосудах и остатки самих тканей. Прясла разной величины, из различных материалов, в основном керамические, встречаются из камня, металла. Разнообразие прясел свидетельствует о развитии ткачества. По наблюдениям Б.А. Литвинского, для разных видов сырья (хлопок, шелк, шерсть, лён) использовались прясла разного веса, что свидетельствует о специализации прядения в текстильном производстве (Литвинский, 1978, с. 41, 42). В Карабулакском могильнике (III-IV вв. н.э.) в юго-западной Фергане, обнаружены ткани шести сортов различной толщины, шел-

ковые и шерстяные. Шерстяных тканей 5 типов и две вышивки, все они полотняного переплетения. Техника изготовления шелковых тканей различна: гладкие, камки, полихромные и вышивки (Баруздин, 1957, с. 102; Лубо-Лесниченко, 1982, с. 48-49).

Основной религией населения был, видимо, зороастризм. О храме огнепоклонников даёт представление комплекс из трех помещений, вскрытый во II строительном горизонте (конец III- начало II вв. до н.э.) поселения Султанабад. Хотя помещения сохранились не полностью, но и оставшаяся часть позволяет в общих чертах реконструировать его план, который аналогичен культовым сооружениям эпохи раннего средневековья. Центральное помещение - святилище было довольно большим (сохранившаяся длина более 4 м), с толстыми стенами (170 см). Окружено обводным коридором (сохранились частично стены с двух сторон), ориентировано по сторонам света. В центре святилища на уровне нижнего пола имелись два одинаковых соединенных прямоугольных очага без устьев, заполненные белым пеплом. По четырем сторонам вдоль стен было расположено по одному очагу (сохранилось два), их устья обращены к центру. Очаги продолговатой формы с округлым дном, неглубокие, в них имелась черная зола. После ремонта был нарашен новый пол, но планировка при этом изменилась: теперь в центре имелся только один очаг, его форма аналогична предыдущим. О том, что в святилище длительное время горел огонь, свидетельствует слой копоти на стенах святилища. Изменение количества очагов, видимо, говорит о некоторых изменениях в религиозном ритуале (Абдулгазиева, 1994, с. 27-28).

Литература:

- Абдулгазиева Б. Археологические памятники Мархаматского района // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1992.
- Абдулгазиева Б. Эллинистическая керамика Ферганы // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III археологического семинара в 2-х частях. Ч. 2. Новочеркасск, 1993.
- Абдулгазиева Б. Стратиграфические исследования памятников шурабашатской культуры // Фергана в древности и раннем средневековье. Самарканд, 1994.
- Абдулгазиева Б. Керамика поселения гончаров Камолтепа // ОНУ, 1995, № 5-8.
- Абдулгазиева Б. Исследования поселения Султанабад // Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В. Шишкиной. М., 2000.
- Аскарлов А.А., Буряков Ю.Ф. Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане // СА, 1978, № 2.
- Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. М., 1952.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.-Л., 1950.
- Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
- Гаврюшенко П.П. Кулунчакское укрепленное поселение (к истории Восточной Ферганы второй половины I тыс. до н.э.). Автореферат диссертации канд. ист. наук. Ташкент, 1970.
- Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры // СА, № 3. М., 1977.
- Горбунова Н.Г. Итоги исследования археологических памятников Ферганской области // СА, № 3, М. 79.
- Горбунова Н.Г. Памятники керкидонской группы в южной Фергане // АСГЭ, вып. 26. М., 1985.
- Заднепровский Ю.А. Фергана. Средняя Азия в античную эпоху. В кн.: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР. М., 1985.
- Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
- Лубо-Лесниченко Е.И. Тканые узоры // По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. Фрунзе, 1982.

ИЗОБРАЖЕНИЕ АФРОДИТЫ В НАОСЕ ИЗ ТИЛЛЯТЕПА (ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В САКО-ЮЭЧЖИЙСКИЙ ПЕРИОД)

Открытие погребений I в. до н.э. - I в. н.э. Тиллятепа в Северном Афганистане явило миру уникальные произведения художественного ремесла, отразившие многообразие художественной культуры Бактрии.

Сокровища тиллятепинского комплекса представляют собой образцы бактрийской торевтики, в которых отражены традиции различных художественных школ, распространенных в Центральной Азии в первых веках до н.э. - первых веках н.э. Наряду с образцами явно привозного характера, комплекс демонстрирует ряд произведений, созданных под сильным влиянием эллинистической торевтики. Однако не все они легко атрибутируются как работы греко-бактрийских мастеров. Лишь подробный анализ деталей изображения позволяет вычленить изначально греческий образ из общего сильно измененного иконографического контекста. Примером такого произведения может служить изображение на подвесках из погребения № 6 с фигурой обнаженной богини (Sarianidi, 1985. p. 48, 49, Ills. 48-50. Cat., №6,4, p. 254-255.).

Подвески довольно крупных размеров почти квадратной формы (5,8 на 4,6 см). Общая схема композиции напоминает фасад культового сооружения. В парадно оформленном входе (проеме) показана обнаженная фигура женского божества, задрапированная лишь ниже пояса тканью, тяжелые складки которой следуют от правого бедра, закругляясь к левому колену и далее вдоль тела вниз. В нижней части подчеркнута выделена центральная складка между ног. Носки намечены полукруглыми вдавлениями (рис. 1).

Бюст фигурки украшен скрещенными на груди лентами с округлой бляшкой в точке пересечения. На плечах и запястьях поперечными полосками показаны браслеты. Из-за плеч исходят два сердцевидных выступа, инкрустированные бирюзой, отдаленно напоминающие крылья (?). Прическа довольно оригинальной формы: ровно подстриженная челка из прямых волос обрамляет лоб, с каждого виска спадает на плечи длинная тонкая прядь с раздвоенным, слегка изогнутым концом. На голове персонажа убор плоской формы с выпуклым валиком и узкой тульей. Орнамент нанесен на выступающую часть глубоко вдавленными линиями и отдаленно напоминает силуэты птиц, обращенных в разные стороны. В левой руке, прижатой к животу, персонаж держит круглый плод (яблоко, гранат ?).

Особый интерес представляет собой верхняя часть композиции (здание). Нечетко выделенный фронтон по центру украшен розеткой:

Рис. 1

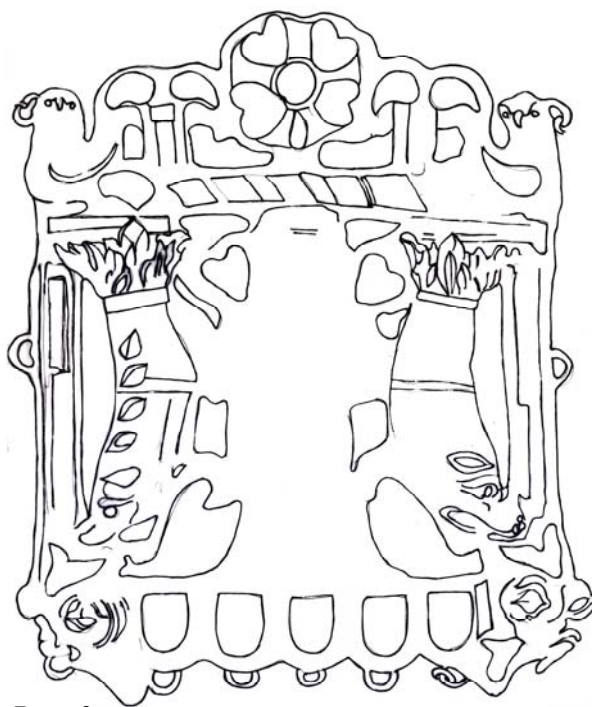

Рис. 2

четыре лепестка показаны в виде сердечек, пятый по центру внизу имеет треугольную форму. Середина розетки округлая и сквозная. По обеим сторонам от нее расположены вертикальные столбики, верх которых оформлен в виде обращенных в разные стороны «запятых». Последние, как и лепестки розетки, инкрустированы бирюзой. Розетка и столбики опираются о поперечную перекладину, как бы несущую верхнюю часть конструкции. На концах этой перекладины по верхним углам сооружения (на месте акротерия) помещены фигурки двух птиц, обращенные в разные стороны, между тем как голова птицы повернута к зрителю. Голова большого размера, с широко поставленными глазами и острым коротким клювом. Тело и вздернутое вверх крыло покрыты частыми насечками, передающими оперение. Формой головы и оперением птица напоминает сову (рис. 2).

Поперечная перекладина покоится на абаке, показанной горизонтальной планкой; по ее краю расположены птицы; их длинные когти как бы распластаны по контуру этой архитектурной детали. Далее вниз конструкция развивается совершенно необычным образом. Колонны «здания» показаны двояко. Крайняя колонна изображена в виде вертикального столбика с продольной выемкой по стволу, однако тут же, ниже абаки показана капитель другой колонны: она чуть смещена к центру всей композиции. По бокам капители расположены два листа аканфа в профильном ракурсе, между ними по центру вписан еще один вертикальный лист заостренной формы. Основание капители подчеркнуто поперечной полосой. Далее колонна превращается в туловище фантастического животного, обращенного головой вниз, хвост которого оформлен в виде вышеописанной капители. Эти животные, фланкирующие фигуру богини, показаны с хищным оскалом разверстых пастей, схвативших голову другого животного. Этой головой оформлены концы нижней рамки композиции. Если хвосты существ, оформленные в виде капителей, еще напоминают (хоть и отдаленно) рыбы, то отростки ближе к голове еще менее схожи с плавниками. Они показаны в виде скрученных жгутов. Более всего на рыбы похожи головы, оформляющие нижние углы декоративной рамы; они напоминают голову сазана - рыбы, распространенной в местных водоемах (*Cirgynus carpio*). Впечатление, что перед нами именно рыба голова, усиливается подчеркнуто выступающими плавниками. Верхний плавник неестественно продвинут вперед и раздвоен, за него ухватился хищный монстр. Нижний плавник, помещенный под жабрами, также раздвоен и инкрустирован бирюзой. Жабры обозначены вдавленной полукруглой линией. Рот рыбы широко открыт, нижняя губа приспущена. Подобные головы часто встречаются на других украшениях.

Некоторые детали изображения представляют особый интерес, они несут дополнительную информацию и позволяют выявить характерные признаки в иконографии богини. Это касается, например, формы прически. Четко намеченные прямые черточки, отходящие от заглубленной линии, подчеркивающей линию волос, создают впечатление коротко остриженной челки. Между тем длинный локон, спускающийся от ушей, по всей очевидности, является височным. Несмотря на странную, на первый взгляд, форму прически, бактрийский изобразительный комплекс дает, тем не менее, еще одну аналогию к ней, происходящую из того же тиллятепинского комплекса. Речь идет о гребне из слоновой кости из погребения № 3 (Sarianidi, 1985, ill.142, Cat.: No 56, p. 243; 2). На фрагменте гребешка в технике гравировки изображен юный персонаж, пол которого определить затруднительно. Голова с явной лобнозатылочной деформацией черепа (1), волосы сбриты и показаны точечками, однако от виска вниз следует длинный и тонкий локон (Сарианиди, 1989, с. 80-81, рис. 29, 43).

Прическа связана в определенной мере с этническими признаками населения Бактрии периода, которым датируется некрополь Тиллятепа. Некоторую близость обнаруживает фрагмент настенной росписи из Халчаяна (Пугаченкова, 1966, с. 150-151б рис. 88.), памятника, хронологически близкого и географически не столь удаленного от Тиллятепа. Роспись демонстрирует изображение молодого персонажа, возможно юноши, голова которого гладко выбрита, пучки волос оставлены на темени, на висках и надо лбом. Подобная форма прически прослеживается и в материалах Восточного Туркестана (Bussagli, 1963, p. 86-87). Во всех этих прическах имеются как общие детали, так и отличительные, объяснить которые можно как этническими признаками населения Бактрии, так и индивидуальностью мастера (2). К сожалению, данный аспект остается еще не полностью разработанным (Abdullaev, 1995, pp. 151-161; Бернар, Абдуллаев, 1997, с. 68-86.). Более или менее определенно можно говорить о связи формы прически с возрастной категорией изображаемых. Наголо остриженные головы с пучками оставленных волос, скорее всего, свойственны для мальчиков и девочек. И если халчаянский фрагмент настенной росписи показывает юношу с несколькими пучками, то изображение на гребне из Тиллятепа скорее передает облик девочки с длинными височными локонами. Во всяком случае персонаж на золотой пластине, передающий, по нашему мнению, женское божество, показан именно с таким длинным височным локоном.

Другой особенностью украшения богини на пластине являются перекрещивающиеся на груди ленты. Такой элемент украшения женских изображений, связанных с образом Афродиты, встречается на ряде терракотовых статуэток Бактрии и Южного Согда (Древности Южного Узбекистана, 1991, № 185, с. 291; Воробьева С., 1991, стр.111-116, рис. 1), которые датируются первыми веками н.э. Наконец, еще один элемент в иконографии женского божества из Тиллятепа - это подчеркнута выраженная складка ткани между ног. Деталь эта характерна для многих женских изображений Бактрии первых веков н.э. Сам тиллятепинский комплекс демонстрирует эту деталь в costume Ариадны в сцене шествия Диониса. Одним из наиболее популярных терракотовых изображений, распространенных к северу от Амударьи (Окса) и особенно в Чаганиане является изображение женского божества, сидящего на троне. Образ этот мы связывали с богиней Наной (Abdullaev, 2003, p. 15-38. 8). На большинстве терракотовых статуэток такая складка между ног становится характерным признаком не только в определенном жанре, но и для пластического искус-

Рис. 3 ства Бактрии вообще.

Наряду с характерными для образа Афродиты признаками тиллятепинское изображение демонстрирует и не совсем типичные для ее иконографии элементы. Это касается, в первую очередь, двух сердцевидных деталей, выступающих из-за плеч. Они инкрустированы бирюзой и напоминают крылья. Однако, учитывая конфигурацию крыльев, их можно ассоциировать с крыльями бабочки. Последние характерны, как известно, для иконографии Психеи. Такая идентификация была бы преждевременной, если принять во внимание одну особенность в произведениях (в работах) бактрийского торефта, а именно, он наделяет крыльями, как это видно, многие персонажи тиллятепинского комплекса. Один из них, без сомнения, передающий образ «Афродиты у колонки» также имеет крылья (Sarianidi, 1985, ill. 99).

Близкую аналогию к композиционной схеме тиллятепинской подвески можно найти в терракотовой пластике позднеэллинистического времени. В частности, это два терракотовых рельефа (возможно из одной матрицы), один из которых происходит из Бруса и датируется первыми веками н.э. (Besques, 1972, p.90, pl.114, d; LIMC vol. VIII, t. 1 (texte) p. 207, t.2, pl. 153 b). Он демонстрирует стоящую фигуру Афродиты цестофоры в наосе, фронтона которого украшен розеткой (по центру) и тремя акротериями. Богиня изображена на фоне лепестков розетки; левым локтем она опирается о лутрофор, драпированный тканью (рис. 3). Данный рельеф хранится в музее Лувра (CA1832 - Besques, 1972, ill. E/D 528, n 13, p. 309-310). На рельефе изображено архитектурное сооружение, фланкированное двумя колоннами с капителями дорического ордера (условно) и базами на высоком (квадратном) плинте. Сооружение покоится на стилобате, возможно также, что это изображение ступеней. Верхняя часть сооружения представляет треугольный фронтон, по углам которого акротерии в виде листов аканфов, причем крайние акротерии показаны в профиль, верхний центральный помещен фронтально. Обнаженная фигура богини изображена в центре между колоннами.

Второй из рельефов происходит из частной коллекции.

Более схематично наос изображен на другом рельефе из коллекции музея Лувра, происходящем из южноиталийских городов (Besques, 1986, pl. 03; D/E 3345 bis). На этом экземпляре также изображены акротерии, венчающие треугольный фронтон по бокам и сверху. Фигура Афродиты помещена между колонн по центру, правая рука поднята к волосам, левая рука согнута в локте (неясно, держит ли она атрибут или же касается колонны). Слева от фигуры внизу изображен столбик с расширением в верхней части (рис. 4).

Еще один рельеф представляет интерес как изображение Афродиты в проеме храма. Рельеф происходит из Мирины и передает более сложную многофигурную композицию, заключенную между колоннами с продольными углубленными линиями (каннелюры?). Фигура богини изображена с жестом Афродиты Анадиомены и

смещена вправо от центра. Слева от нее примерно на уровне середины колонны маленькая фигурка летящего эрота. Справа от Афродиты Анадиомены фигурка Приапа на пьедестале, еще левее фигурка крылатого Эрота, держащего зеркало, он также стоит на сооружении с биконической ножкой и широким полусферическим навершием (рис. 5).

Интересно представлено архитектурное сооружение: одни детали явно подчеркнуты, другие показаны весьма условно. Последнее касается в полной мере акротерия; полностью сохранился лишь правый акротерий, показанный в виде выступа с закругленным краем. В центре фронтона изображена четырехлепестковая розетка, причем лепестки ее исполнены в виде сердечек. Фронтон покоится на колоннах ионийского ордера, основание их украшают базы с двумя валиками и плинтом. Храм сооружен на высоком стилобате.

По утверждению автора публикации Симона Молар-Беска наискос Афродиты, по-видимому, имитирует *paiskoí* Кибелы, однако не совсем совпадает, например, форма акротериев. Другим отличительным признаком, свойственным изобразительному комплексу Мирины, является состав персонажей, включающий Эрота с зеркалом, статую Приапа, Афродиту Анадиомену и летящего эрота (Mollard-Besques, 1963, p.155, pl. 190, a (CA 1632). Для нас наиболее важным является изображение самого сооружения с фигурой Афродиты. Нельзя также обойти и украшение фронтона в виде четырехлепесткового цветка, повторяющего своей формой тиллятепинскую деталь.

Сходная композиция встречается и в произведениях глиптики; в частности, на сердоликовой гемме из Берлинского музея (Staatl. Museum, FG 3006 AGDII Nr 455), датированной первым веком н.э. Обнаженная фигура богини показана на фоне проема антиса в позе Афродиты Анадиомены (LIMC, T. VIII, 1, p. 206; VIII, 2, pl. 144) (рис. 6).

Архитектурные формы, рассмотренные выше, применяются в композициях для украшения не только предметов малого искусства. Изображение храма находит широкое применение в оформлении, например, надгробных каменных stel. Здесь

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

можно привести лишь одну из них, датированную II в. до н.э. - это боспорская надгробная стела с изображением двух женских фигур на фоне храма. Фронтон его украшен, как и на вышеприведенных произведениях, акротериями по бокам и розеткой по центру тимпана (Шелов, 1956, с. 124, рис. 39.).

Здесь мы привели лишь некоторые образцы рельефов с аналогичным сюжетом, отличающиеся лишь рядом деталей в оформлении здания и в передаче образа Афродиты. Мы приводим в настоящей статье в качестве аналогий лишь один рельеф на лекифах, которые также, хоть и отдаленно, напоминают сюжет тиллятепинской пластины-подвески (Trumpf-Lvritzaki fon M., 1969, taf. 6, Fv. 58, 99; LIMC, T. II, 2, № 1011, 1013) (рис. 7).

Рассмотренные выше примеры дают нам основание полагать, что образ Афродиты на фоне храма был довольно популярным в греко-римском искусстве. Мастер, исполнявший тиллятепинскую пластину, вносит ряд совершенно новых деталей в композицию, но при этом утрачивает детали, без которых изображение становится почти неузнаваемым. Это касается, в первую очередь, архитектурного сооружения. Отсутствие фронтона, эклектичная манера в передаче колонн, форма которых приобретает совершенно причудливый характер - все это уводит мастера далеко от привычных для эллинистического искусства иконографических типов, но в то же время пластическая концепция художника получает новое решение формы.

Таким образом, анализ изображения на подвеске из Тиллятепа дает нам основание поставить это произведение бактрийской торевтики в ряд памятников изобразительного искусства, которые наглядно демонстрируют трансформацию изначально греческих образов в новые формы. Трудно сказать, было ли это направление в искусстве творческим осмыслением греческих мастеров, продолжавших работать в Бактрии и после падения греческой власти, но учитывающих уже новые вкусы и новые требования «заказчика». Нет основания исключать и такой вариант, как развитие изобразительных традиций у мастеров восточного происхождения, получивших мощный импульс греческого искусства.

Как демонстрируют образцы тиллятепинского комплекса, мастер, создающий какой-либо образ греческого характера, не всегда следует изначальной иконографической схеме. Неизвестно, искажал ли он некоторые детали сознательно, внедряя в изображение совершенно «новые» и непривычные для него элементы. Часто при анализе этих деталей создается впечатление, что мастер не понимает сути передаваемой им детали, а иногда и образа в целом. В результате такого «переосмысления» появляется произведение, трудно поддающееся атрибуции и в то же время несущее в себе элементы разных стилей.

Рис. 7

Примечания:

1. Устное сообщение антрополога С. Мустафакулова.

2. Так, например, длинный височный локон у некоторых персонажей Халчаянского изобразительного цикла ассоциируется с изображениями на ранне-согдийских монетах. См.: Abdullaev K. Nomadism of Central Asia. In: In the Land of the Griphons. Ed. A. Invernizzi. Florence, 1995, pp. 151-161; Бернар П., Абдуллаев К. Номады на границе. Бактрии. К вопросу культурной идентификации. Российская археология. 1997, №1, с. 68-86.

Литература

- Sarianidi V.I. Hoard of Bactria : from the Tillya-tepe excavations in northern Afghanistan. New York, 1985.
- Sarianidi V.I. Bactrian Gold. Leningrad, 1985.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.
- Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966
- Bussagli M. Le peinture de l'Asie centrale. Geneve, 1963.
- Древности Южного Узбекистана. Каталог. Университет Сока. 1991.
- Воробьева С. Женская терракота из городского храма Еркургана. ИМКУ, вып. 25. Ташкент, 1991.
- Abdullaev K. Nana in Bactrian Art. New Data on Kushan Religious Iconography based on the material of Payonkurgan in Northern Bactria. In: Silk Road Art and Archaeology. Vol. 9. Kamakura, 2003.
- Besques S. Catalogue raisonne des Figurines et Reliefs en terre-cuite grecs etrusques et romains. III / Epoques hellenistiques et romaine Grece et Asie Mineure. Paris, 1972.
- Besques S. Catalogue raisonne des figurines et reliefs en terre-cuite grecs etrusques et romains. T. IV-1. Epoques hellenistique et romain. Italie meridionale-Sicile-Sardaigne. Paris, 1986.
- Mollard-Besques S. Catalogue raisonne des figurines et reliefs en terre-cuite grecs etrusques et romains. Tom. II. Myrina. Paris, 1963.
- Lexicon Iconographicorum Mythologiae Classicae, T. VIII. Zurich und Dusseldorf, 1987.
- Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.
- Trumpf-Lvritzaki fon M. Griechische figurenvasen. Bonn. 1969.
- Lexicon Iconographicorum Mythologiae Classicae. T. II, 2 Artemis Verlag, Zurich und Munchen. 1967.

**КАМЕННЫЕ ОРУДИЯ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ
НА ПРИМЕРЕ ПАЕНКУРГАНА
(СЕВЕРНАЯ БАКТРИЯ)**

Байсунский район, расположенный в южной части системы Гиссарского хребта, является одним из наименее изученных в археологическом отношении регионов и слабо освещен в научной литературе, однако работы последних лет показали, что предгорная полоса Байсунтау в античное время представляла собой развитую зону с поселениями и крепостями, контрольными пунктами, расположенными по разветвленной сети караванных дорог и магистральных трасс.

Паенкурган находится на одном из участков, соединяющих древние культурные регионы Согда и Бактрии. Он расположен на линии Дербент - Базартепа (каравансарай тимуридского времени) - Акрабат; далее дорога шла, по всей видимости, через расщелины невысоких отрогов Байсунтау (Абдуллаев, 1999; Абдуллаев, 2002). В результате опроса местного населения удалось выяснить, что такая дорога существовала ранее, еще до прокладки современной асфальтовой дороги из Байсуна в Термез. От Базартепа дорога раздваивалась; одно из направлений вело на Байсун и далее на юг в Чаганиан; второе, скорее всего, шло через современный кишлак Кафрун и далее вдоль речной поймы Акджар также в Чаганиан. Относительно первой дороги, проходящей через Байсун, удалось выяснить, что дорога из Байсуна в Чаганиан (современные города Денау и Шурчи) проходила по урочищу Карадара. В юго-восточной части дорога следует вдоль Байсунсая. Если старая дорога шла в основном вдоль поймы рек, то современная отклоняется на юго-запад.

Паенкурган находится примерно в 12 км к востоку от Железных ворот и в 5 км к югу от районного центра Байсуна Сурхандарьинской области. Памятник небольшого размера (чуть более 1 га), по своей форме приближается к кругу, в рельефе вытянут в западной части. Здесь предполагается наличие пандуса. Изначально Паенкурган выполнял, по всей вероятности, функцию контрольного пункта и представлял собой крепость, о чем свидетельствуют остатки мощной стены, окружающей памятник. Однако в финальный этап существования (I-II вв. н.э.) он превратился в рядовое поселение. Топографически Паенкурган как бы доминирует в ландшафте после выхода из теснин и горных дорог Байсунтау на относительно ровное плато. Вплоть до начала XX века караванная дорога, проходившая вблизи памятника, на этом коротком участке следовала от селений Рабат и восточнее Кафрун на Танги Муш и далее в Чаганиан.

Как показал материал стратиграфического шурфа, заложенного в южной части памятника, самый ранний период обживания поселения относится к концу IV-III вв. до н.э. Археологические раскопки были сосредоточены в основном в южной части на сооружениях, примыкающих к оборонительной стене. В начале работы пространство было разбито на квадраты (4 на 4 м) с бермой шириной в 1 м. Впоследствии эти бермы были с nivelированы. В процессе раскопок выяснилось, что в этой части памятника были сосредоточены в основном помещения хозяйственного характера с большими хумами, расположенными вдоль стен и заглубленными в грунт или пахсу. На некоторых хумах сохранились следы ганчевой или из-

вестковой обмазки. Материал этот применялся для ремонта крупных форм - это явно видно в местах «склейки» сломанных частей. Однако наряду с этим на некоторых хумах обмазка белым раствором носит явно нарочитый характер и покрывает почти всю поверхность. Возникает мысль, не являлась ли эта операция мерой предосторожности от насекомых и грызунов? Во многих помещениях с хумами найдены плоские камни горной породы, служащие в качестве крышек для этих хумов. Было найдено несколько фрагментов керамических дисков, по всей очевидности, предназначенных для той же цели - закрывать устья хумов.

Верхние слои, судя по керамическому комплексу и нумизматическим находкам, относятся ко времени царствования царей Канишки и Хувишки, то есть к началу второй четверти II в. н.э. (по дате Канишки 127 г. н.э.) - середине II в. Следует отметить также наличие небольших слоев, как правило, сконцентрированных на определенных участках - ямах. Мусорные ямы, которые прорезали более древние стены и сооружения, относятся к более позднему времени. Материал этих слоев, обычно это глазурованная керамика: ляганы с яркой сине-бирюзовой, желтой поливой, неглазурованные обтова; скопление костей животных преимущественно крупного и мелкого скота - датируется позднесредневековым временем XVIII-XIX вв. По всей видимости, эти хаотичные культурные напластования при отсутствии каких-либо следов архитектуры - результат сезонных обживаний - летовок на Паенкургане.

В результате раскопок удалось зафиксировать уровень трех полов, относящихся к верхнему строительному периоду. В самой южной части памятника помещения располагаются на самой крепостной стене - свидетельство того, что в последнем периоде обживания крепость уже утратила свою оборонительную функцию. Интересно отметить, что сама крепостная стена ремонтировалась неоднократно, о чем свидетельствует пахсовый футляр, примыкающий непосредственно к самой стене, сооруженной из сырцовых кирпичей квадратного формата (34-37х34-37 толщиной в 12-13 см). Из этих же кирпичей, видимо, взятых из стены, выложены стены помещений последнего периода обживания. Контур крепостной стены был изменен после ремонта, о чем говорит угол, который образован пахсовыми блоками и крепостной стеной и забутован обломками сырцовых кирпичей и земляным грунтом.

В процессе археологических раскопок был получен богатый керамический материал, относящийся в основном к эпохе Великих кушан, медные монеты, самые ранние из которых - медные подражания тетрадрахмам Гелиокла, монеты Сотер Мега-са, Вимы Кадфиза, Канишки и Хувишки. Раскопки Паенкурмана дали коллекцию терракотовых статуэток антропоморфного характера (Абдуллаев, 2004). Из предметов, имеющих непосредственное отношение к оборонительной функции памятника, можно назвать каменные ядра, наконечники копий и стрел. Наконечники стрел в основном кочевнического типа - трехперые с короткими и длинными черенками и опущенными жальцами.

Большое количество хумов крупных размеров (приблизительно от 100 до 300 литров) на относительно маленьком поселении заставляет предположить, что в них закладывался на хранение урожай какой-то зерновой культуры (установить, какой именно, пока затруднительно), предназначенный для собственного потребления, а возможно, частично и для рынка. О развитии злаковых культур, помимо найденных *in situ* «контейнеров», говорят также многочисленные фрагменты, а иногда и целые формы зернотерок. Наиболее крупные из них по длине достигают 40-50 см. Многие из них имеют чуть вогнутую рабочую поверхность. Зернотерки изготовлены из

камней твердой породы (разновидности гранита).

Ясно то, что основной или одной из основных сфер хозяйственной деятельности населения Паенкургона было земледелие. Однако было бы слишком категоричным выделение лишь одного этого вида хозяйства. Многочисленные находки костей животных, в том числе крупного и мелкого рогатого скота, могут свидетельствовать в пользу того, что хозяйство было смешанным. Находки костей диких животных говорят о том, что здесь практиковалась и охота. Особый интерес в материале Паенкургона представляют орудия производства, в основном, металлические и каменные. Анализ каменных орудий раскрывает виды деятельности, которые обычными методами установить трудно. Представленный в настоящем сообщении материал из Паенкургона является лишь частью комплекса находок каменных орудий, который, тем не менее, дает представление о материальной культуре населения Паенкургона в кушанскую эпоху.

Представление о том, что каменные орудия существовали и развивались только в эпоху каменного века, давно устарели. Работами С.А. Семенова, Г.Ф. Коробковой и др. исследователей доказано, что камень продолжает играть важную роль в хозяйстве и в последующие эпохи, вплоть до средневековья (Семенов, 1969; Коробкова, 1994; Ширинов, 1999, Алмазова, 2002). Отдельные находки каменных орудий фиксировались археологами в слоях античного, кушанского, раннесредневекового времени на разных поселениях. Наиболее значительная коллекция каменных орудий античного периода (более 400) была собрана на городище Афрасиаб французским академиком Полем Бернаром (Р-2, северо-западная часть Афрасиаба). К изучению данной коллекции была привлечена известный специалист—трассолог Г.Ф. Коробкова. Обработка коллекции методом трассологического анализа, осуществленная Г.Ф. Коробковой совместно с Н. Алмазовой, позволила конкретизировать функции орудий и осуществить их привязку к определенным видам хозяйственно-производственной деятельности. Этот метод был также применен к небольшой коллекции каменных орудий из Паенкургона. Каменные орудия, найденные на поселении, можно разделить на 4 группы по принадлежности к различным видам производств:

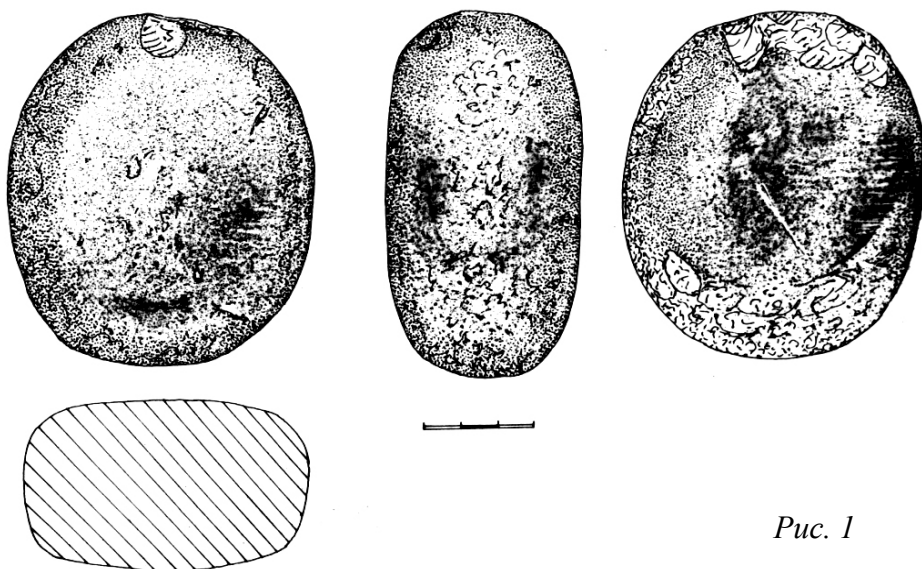

Рис. 1

1. Орудия, связанные с обработкой металла;
2. Орудия для обработки кожи;
3. Орудия для обработки краски
4. Орудия для обработки камня.

1.Металлообрабатывающие орудия:

Эта группа представлена разнообразным набором орудий: абразив-полировальник, подставка-наковаленка, гладилка-выпрямитель, молотки среднего и легкого действия. Для орудий по металлу характерна многофункциональность. Так, например, подставка-наковаленка (рис.1) для холоднойковки металлических изделий располагалась на одной из сторон гальки, другая ее сторона использовалась в качестве рабочей поверхности гладилки-выпрямителя.

Исходными заготовками для орудий служили гальки серого мелкозернистого песчаника или диорита различной формы. В данном случае была выбрана галька поддисковидной формы, которую предварительно обработали по всему периметру точечной техникой, упростив рабочие поверхности и придав орудию необходимую форму. Затем эти поверхности были выровнены, выглажены и зашлифованы абразивной техникой. Там, где располагалась рабочая поверхность наковаленки, четко видны следы от ударов в виде скопления точечных углублений и выбоинок. Пятно не имеет четких границ. На отдельных участках заметен металлический блеск. Следы на противоположной стороне гальки характерны для гладилки-выпрямителя. Здесь видна сточенность, заглаженность, зашлифовка от утилизации, металлический блеск, пятна окислов металла, однонаправленные, часто расположенные царапинки. Эта поверхность могла служить для раскатывания листового металла. Таким образом, пе-

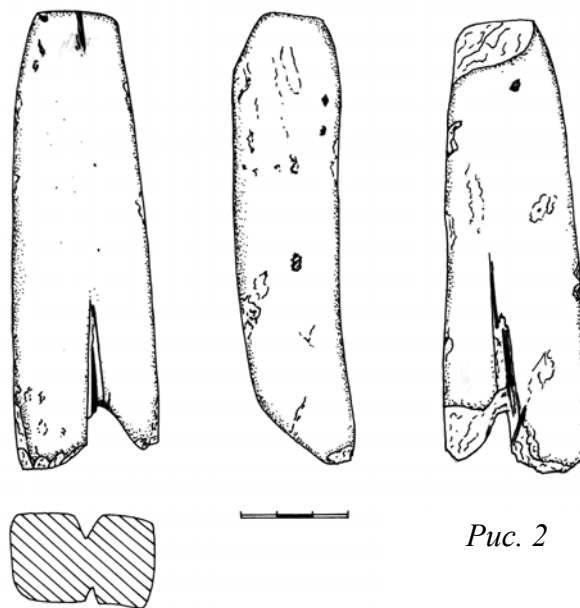

Рис. 2

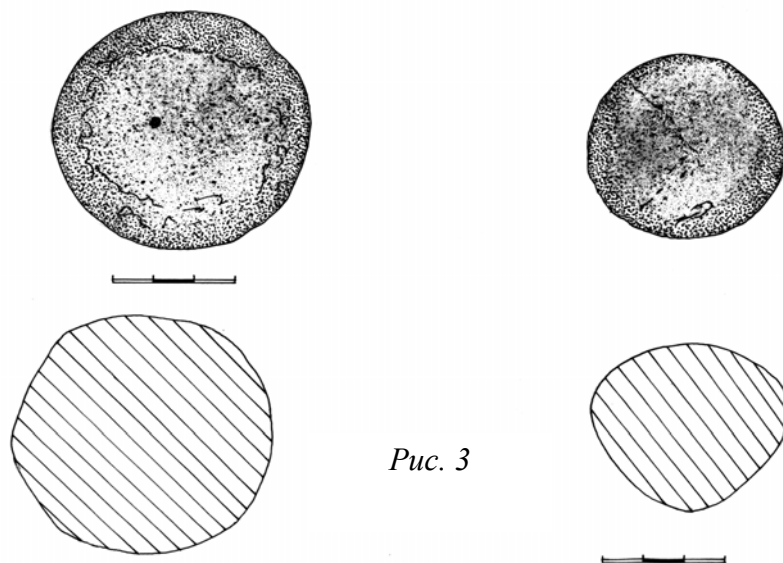

Рис. 3

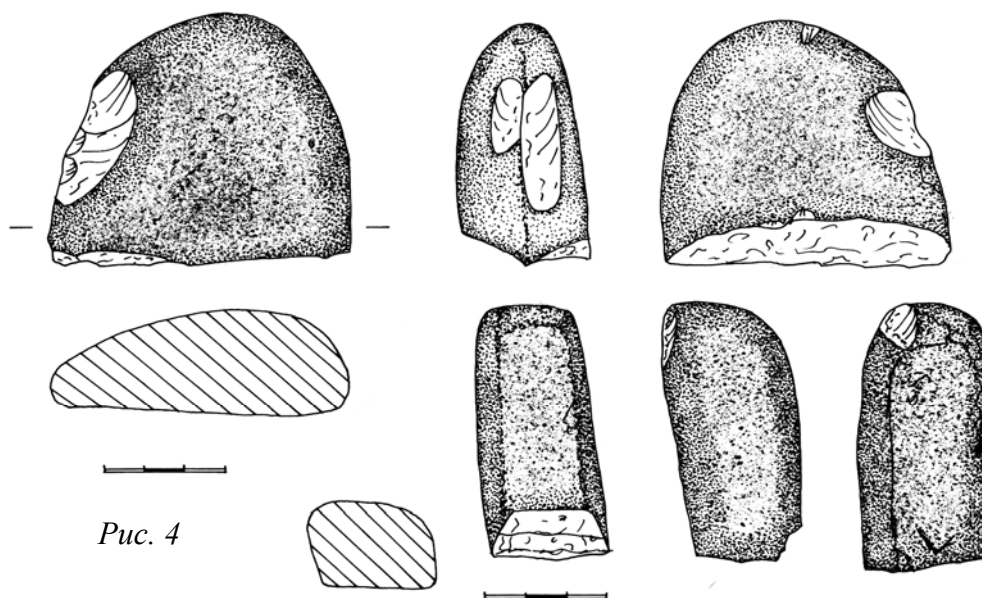

Рис. 4

ред нами универсальное орудие ювелира с двумя рабочими поверхностями. Размер: диаметр 9,2 см, толщина 4,4 см.

Следующее орудие (рис.2) также является полифункциональным. У него четыре рабочие поверхности, расположенные на брускообразной плитке с поднятым вверх торцом, напоминающим полоз саней. Выполнено орудие из плотного известняка светло-серого цвета. Орудие выполняло функции абразива-полировальника-гладилки. Удобная форма с плоским, слегка вогнутым и выпуклым участками позволяла использовать орудие как активный абразив и полировальник для обработки фигурных изделий, а также как абразив для остроугольных предметов. Следы этой операции в виде остроугольных углублений пересекают широкие торцы бруска. Размер: 12,7х3,6х2,8 см.

Гладилка-выпрямитель (рис.3) служила для снятия шероховатостей, заусениц и т.п. дефектов послековки. Рабочая поверхность гладилки располагалась на одной из сторон округлой гальки серого песчаника. Размер: 5,3х4 см., толщина 4,6 см.

Найден также обломок оселка (рис.4) для заточки и правки лезвий металлических ножей кинжалов и т.п. Для орудия была использована песчаниковая плитка в виде бруска. На выпуклом торце плитки располагалась рабочая поверхность молоточка легкого действия. Оселок раскололся в древности. Размер: ширина 2,8 см; толщина 2,4 см.

Молотки среднего действия служили для холоднойковки металла. Всего было найдено 3 экземпляра. Первый (рис.5) сделан на торце подпрямоугольной песчаниковой гальки с клиновидным окончанием. Камень использовался без какой-либо подправки. От обушкового торца отслоился по трещине

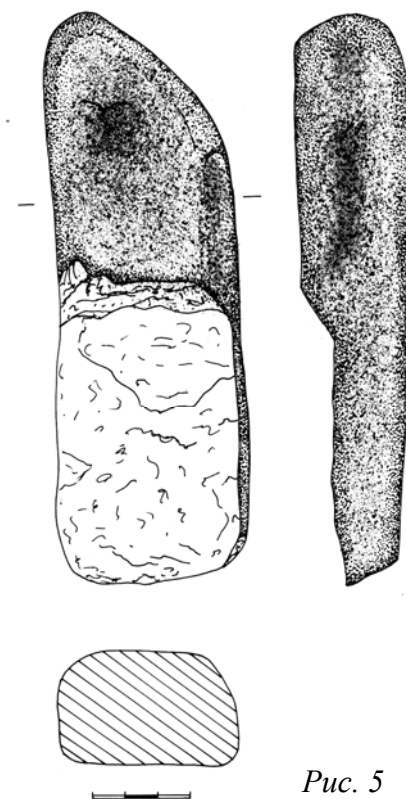

Рис. 5

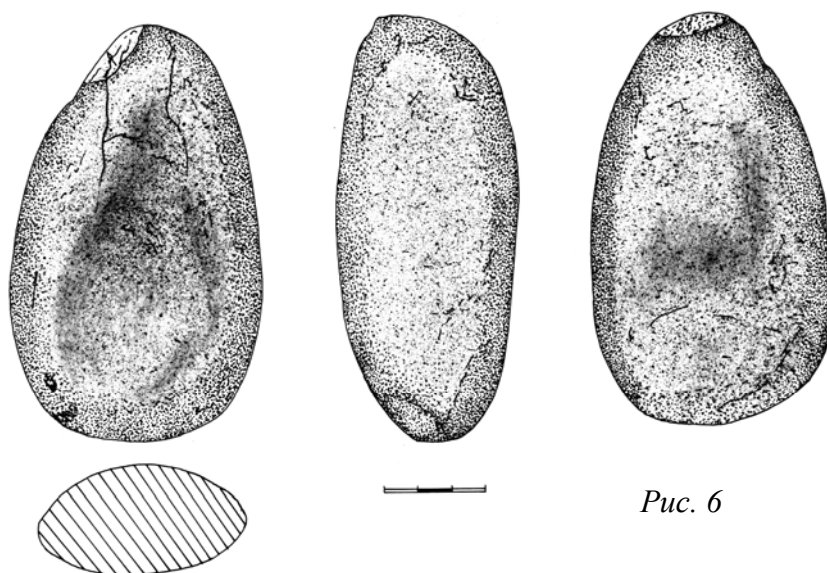

Рис. 6

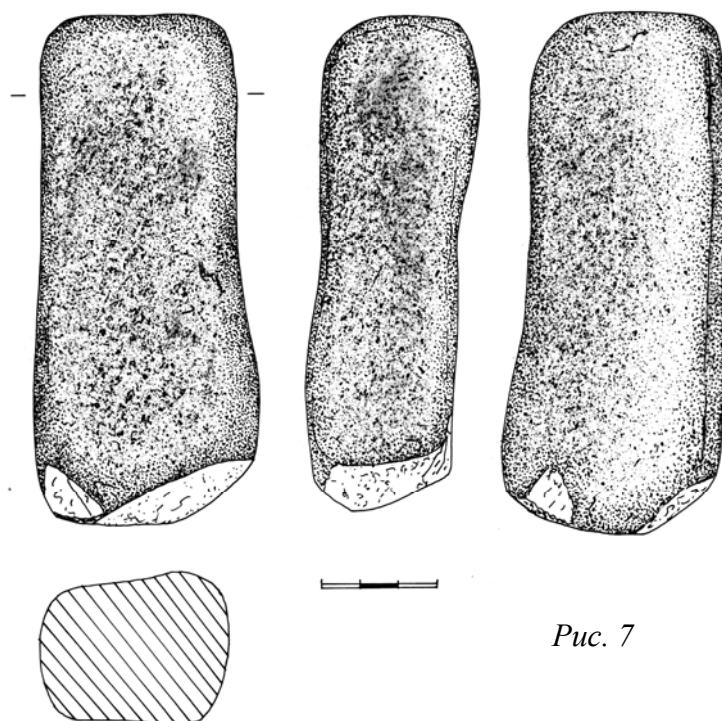

Рис. 7

крупный вертикальный скол. Его острый край был притуплен техникой обивки. Следы износа видны на подклиновидном торце и характерны для молотков по металлу - уплощение микрорельефа, мелкие выбоинки и вдавления. Размер: 16,7х5,4х3,5 см. На втором молотке (рис.6) использовались оба торца подклиновидной гальки серого песчаника. Одна из сторон гальки использовалась в качестве абразива-гладилки для снятия шероховатостей. Рабочая поверхность абразива визуально выделяется потемнением, есть зашлифовка, металлический блеск, продольные линейные следы. Размер: 11,8х7,2х4,7 см. Третий молоток (рис.7) имеет две рабочие поверхности на торцах брускообразной песчаниковой гальки. Одна из боковых и широких сторон гальки использовалась как оселок для заточки и правки

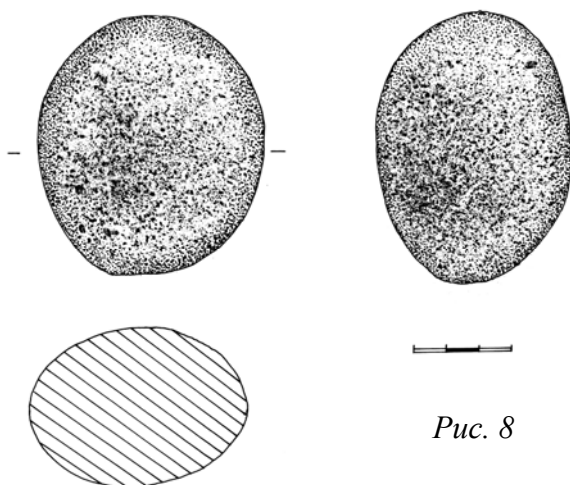

Рис. 8

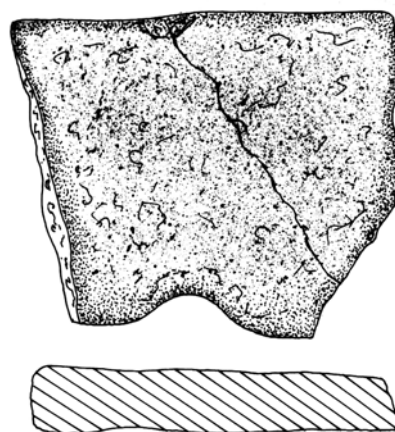

Рис. 9

лезвий металлических ножей, кинжалов и т.п. Размер: 13,2х5х4,5 см.

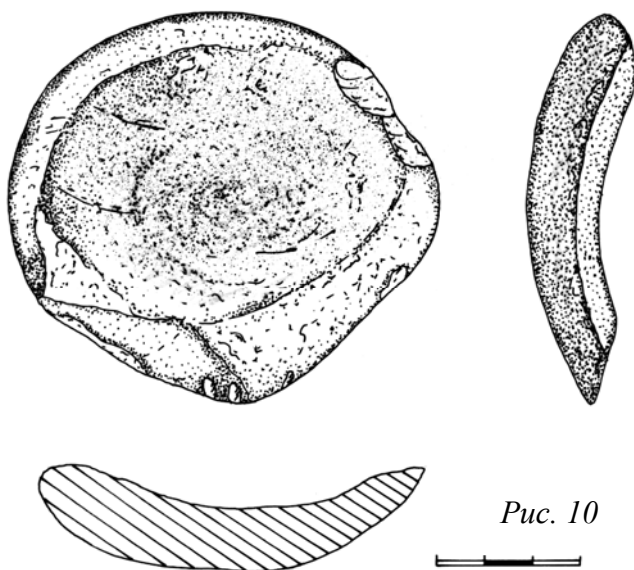

Рис. 10

2. Орудия для обработки краски. Производство краски характеризуется следующим набором орудий: пест для растирания краски, палитра и ступочка.

Пест (рис.8) для дробления и растирания краски имеет одну рабочую поверхность на торце подшаровидной гальки серого песчаника. Орудие было специально подготовлено для такой работы - оформлено точечной техникой по всем сторонам и абразивной техникой по двум широким сторонам.

Следы износа показательны. Размер: 7,8х 7,2 см.

Палитра (рис.9) выполнена на песчаниковой плитке подквадратной формы. На ней разводили красновато-оранжевую краску, частицы которой сохранились в западинах рельефа. Размер: 9х8х1,2 см.

Небольшая по размеру ступочка (рис.10) из серого песчаника служила для раз-

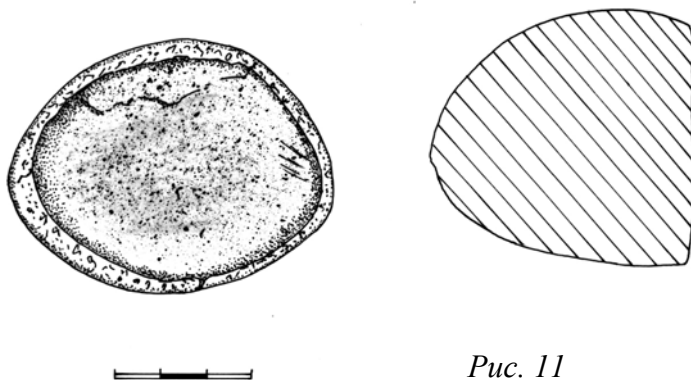

Рис. 11

мельчения краски. Скорее всего, это орудие личного пользования. Размер: 8,8х 7,8х 2 см.

3. Орудия для обработки кожи.

Единственный экземпляр ложила для кожи (рис. 11), конечно, не дает возможности для широких выводов, но, тем не менее, свидетельствует, что обработка кожи имела место. Орудие выполнено на округлой гальке серого песчаника. Камень был поперечно расколот, поверхность скола, предварительно обработанная точечной и абразивной техниками, использована под ложило. Следы износа характерны для этого типа орудий: жирный блеск, линейные, продольные, параллельные друг другу царапины, залощенность. Размер: 7х6х5,5 см.

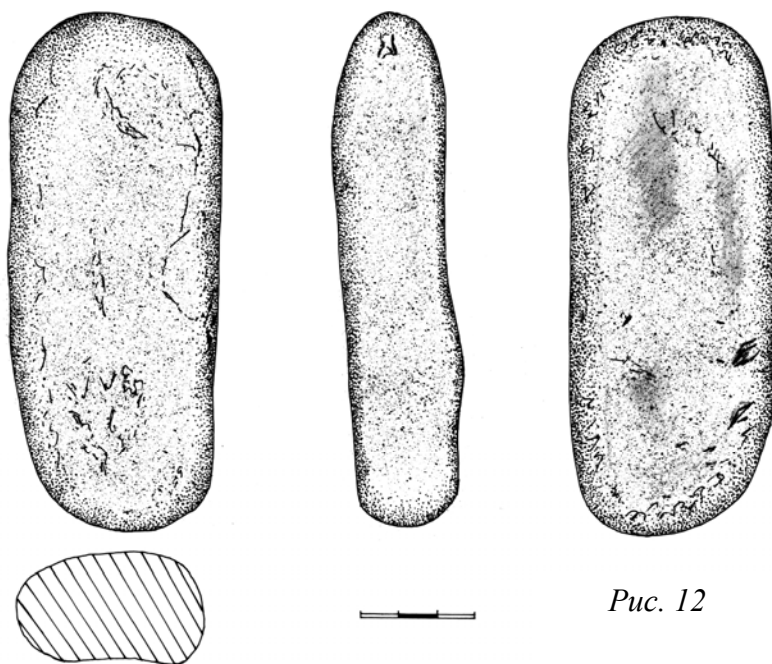

Рис. 12

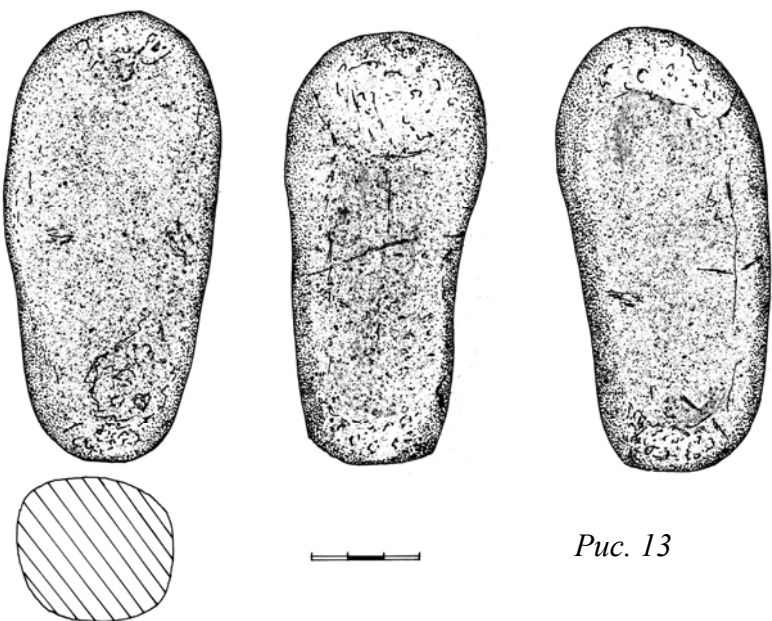

Рис. 13

4. Орудия для обработки камня.

Найдено два отбойника для пикетажа (рис. 1.12, 13). В обоих случаях использовались оба торца брускообразной гальки, которые выполняли функцию отбойников для обработки камня точечной техникой оббивки. Размер соответственно: 13,2х5х3 см; 12,3х5,5х5 см.

Коллекция каменных орудий из Паен-курмана немногочисленна, но дает нам определенные представления об видах производства на поселении. По данным изучения каменных орудий выделяется: обработка камня и изготовление каменных орудий, кожевенное дело, металлообработка, включая ювелирное дело и производство остроугольных предметов типа игл, шильев и т.п., производство краски. Дальнейшие раскопки на поселении позволят не только пополнить коллекцию каменных орудий, но и дать более четкие планиграфические сведения по распределению находок на территории поселения и тем самым определить местоположение ремесленных мастерских и центров домашнего производства.

Литература:

- Абдуллаев К. Археологические работы на Паенкурмане в 2003 году (Байсунский район, Сурхандарьинская область. Археологические исследования в Узбекистане. 2003 год. Тошкент, 2004, 9-14.
- Абдуллаев К. Работы Байсунского отряда на Паенкурмане в 2001 году. Археологические исследования в Узбекистане. 2001 год. Тошкент, 2002, с. 14-19.
- Абдуллаев К. Эллинистические мотивы в терракотовой пластике Паенкурмана (Северная Бактрия). ИМКУ, вып. 30, Самарканд, 1999 с.126-132;
- Abdullaev K. New Archaeological Discoveries in Northern Bactria. Circle of Inner Asian Art. Newsletter, issue 10, London, 1999, pp.
- Алмазова Н.И. Каменные орудия древнего и средневекового Согда (по данным комплексного изучения). Автореферат дисс. канд. ист. наук, Самарканд, 2002.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана, Ташкент, 1978, с.92-128.
- Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, Ташкент, 1960.
- Francfort H.-P. Le sanctuaire du temple a niches indentees. Fouilles D'Ai Khanoum III // Memoires de la delegation archeologique francaise en Afganistan. Tome XXVII, Paris, 1984.
- Альбаум Л.И. К датировке верхнего слоя поселения Кучуктепа, ИМКУ, вып. 8. Ташкент, 1969, с.69-79.
- Коробкова Г.Ф. Экспериментально-трасологические разработки как комплексное исследование в археологии // Экспериментально-трасологическое исследование в археологии, СПб., 1994.
- Семенов С.А. Каменные орудия эпохи ранних металлов // СА. 1969, № 2.
- Ширинов Т.Ш. Трасологический метод в изучении комплексов эпохи ранних металлов в Средней Азии // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии, СПб., 1999.
- .

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ГЛИПТИКЕ СОГДА ПО БУЛЛАМ ГОРОДИЩА КАФЫРКАЛА ПОД САМАРКАНДОМ

Публикуемые в настоящем сообщении буллы составляют часть большого собрания, найденного в ходе археологического исследования городища Кафыркала. Городище расположено в 12 км к югу от Афрасиаба на левом берегу канала Даргом. Общая площадь Кафыркалы составляет 16 га, состоит из цитадели, шахристана и рабада. Шахристан и цитадель вместе составляют в плане четырехугольник со стороной в 360 м. Археологические исследования Кафыркалы начались еще в 1939 году, когда Зарафшанской экспедицией под руководством А.Ю. Якубовского был заложен раскоп в 5 км на юг от Тали-Барзу, в квартале гончаров, на восточном берегу Илан-сая. По словам авторов раскопа, «был обнаружен сасанидский материал. Среди находок мы имеем сосуды или фрагменты сосудов с отпечатками гранатов и следами слюды. На поверхности терракотовые человеческие фигуры, фигуры животных и другие предметы, из которых многие носят следы ярко выраженного сасанидского стиля» (Якубовский, 1940, с. 52). В другой своей работе А.Ю. Якубовский отмечает, что здесь же недалеко от стратиграфического шурфа №1 Г.П. Савельевым были заложены еще два шурфа, давшие тот же «ярковыраженный сасанидский материал» (Якубовский, ТОВЭ, 1940, с. 69).

В 40-ые годы археологические исследования на Кафыркале были продолжены Г.В. Григорьевым и И.А. Сухаревым. В частности, Г.В. Григорьев отмечает, что «в 12 км на юго-восток от Самарканда», «на берегу арыка Даргом возвышаются руины замка с поселением вокруг него. И.А. Сухарев на одной из окраин его обнаружил и раскопал кладбище оссуариев, которое, судя по монетным данным, относится к VI-VII вв. н.э. Им же найден здесь квартал гончаров, от которого остался целый ряд печей» (Григорьев, 1946, с. 94-96; Григорьев, 1941, с. 195). Материал Кафыркалы Г.В. Григорьев относит «к разряду так называемого сасанидского искусства» и хронологически связывает его со слоем Тали-Барзу-V (V-VII вв. н.э.). Автор выделяет ряд керамических форм, которые повторяют сасанидскую серебряную посуду (Григорьев, 1940, с. 96-99).

В начале 90-х годов работы на памятнике были возобновлены археологическим отрядом Института археологии АН РУз под руководством А. Бердимуратова. В результате этих раскопок в северо-восточном углу была расчищена башня и вход в цитадель. Впоследствии работы продолжались в рамках Узбекско-итальянской археологической экспедиции (Бердимуратов, Менги, Самибаев, 2003, с. 45-48). В 2001 году у входа в цитадель был выбран участок размером 10 на 12 м, который охватывал раскоп предыдущих лет.

В процессе раскопок выяснилась следующая стратиграфическая картина. Верхний кроющий слой органического характера продолжался на глубину 20 см, затем на глубину 30-55 см следовал слой, включавший керамику, фрагменты костей, куски пахсы и глины. Следующий слой мощностью 90-100 см имел зольную структуру, причем наряду с золой встречались куски обуглившегося дерева, горелой гли-

ны. Среди относительно хорошо сохранившихся фрагментов горелых бревен встречались и те, что несли на себе следы художественной резьбы.

В слое пола толщиной 20 см были расчищены остатки баз от шести колонн. На полу также были найдены фрагменты керамики.

Все имеющиеся налицо архитектурные и планировочные признаки свидетельствуют в пользу того, что раскопанный участок цитадели представлял собой здание (полуоткрытое) с колоннами типа вестибюля (?).

Одной из наиболее достопримечательных находок на Кафыркале стали буллы, найденные здесь в большом количестве. На полу вестибюля их было обнаружено около 300 экземпляров. Одни буллы лежали в куче вместе с документами, другие были как бы преднамеренно разбросаны. В следующем году на этом же участке было найдено еще 114 буллы. Общее количество их составляет 414 штук. Большая часть булл имеет удовлетворительную сохранность, возможно, из-за прокаленности вследствие пожара.

Среди всего разнообразия сюжетов, большая часть которых тяготеет к так называемому «сасанидскому» типу, на оттисках особое внимание привлекают изображения, выполненные в античной традиции. По всей вероятности, геммы или печати, которыми выполнены оттиски, относятся к более раннему периоду, хотя использовались в раннесредневековое время.

Ниже мы приводим некоторые образцы булл с изображениями, выполненными в манере, характерной для греко-римской глиптики.

1. Булла с изображением сцены посвящения.

Булла довольно крупных размеров. Отпечаток с геммы с овальным щитком. Высота 30 мм, ширина 22 мм, толщина 10-12 мм. На сколе с тыльной стороны имеется отверстие от шнура диаметром 1,5 мм. Два отверстия, расположенные рядом на расстоянии 1 мм сохранились в верхней части по краю тыльной грани. Поверхность буллы серовато-желтого цвета, скол темно-серого цвета, тонкий верхний слой розово-красного оттенка.

В центре композиции, по ее длинной оси изображена обнаженная фигура юноши, обращенная вправо. Согнутая в колене нога придает фигуре динамизм. Правая рука согнута в локте и вытянута вперед. На вытянутой ладони предмет, очертания которого напоминают шлем коринфского типа с рельефно выделенной верхней частью в виде полусферы, от которой следуют на расширение затылочная часть и узкая передняя часть. Над верхней частью полусферы параллельно контуру проходит тонкая рельефная линия (султан ?). От кисти, держащей предмет, вниз спускается вертикальная линия, возможно, означающая ленту. В нижней части на уровне колен горизонтальная линия, чуть ниже две косые насечки. Левая рука также согнута в локте и поднята вверх, сама кисть показана в указующем

жесте. За спиной персонажа изображены складки развевающегося плаща. Они показаны косыми, чуть закругленными линиями, которые в середине преломляются и спадают вертикально вниз крупными фалдами. Округлый выступ в области шеи и отходящие от него мелкие тонкие складки, передают фибулу, скрепляющую края плаща. Не совсем ясно, к чему относится петлеобразная линия за спиной персонажа, можно лишь предположить, что это также элемент костюма. Небольшая голова на мускулистой шее (соотношение головы ко всей фигуре оставляет 1/7,8) обрамлена крупными выющимися локонами. Едва заметная линия по верху волос означает, вероятно, диадему. Можно отметить крупные черты лица с широким разрезом глаз, длинную форму бровей, гладкое безбородое лицо.

Фигура юноши атлетического сложения, пластические приемы в передаче мускулатуры свидетельствуют о высокой квалификации художника и прекрасном знании анатомии. Совершенная пластика с четко проработанными деталями в сочетании с динамизмом отличают это произведение от других изображений того же комплекса. Не вызывает сомнения, что перед нами высокохудожественный образец античной глиптики.

Близкую аналогию по композиции и сюжету к кафиркалинскому образцу обнаруживает гемма, приведенная в сводной работе А. Фуртванглера (Furtwangler, 1964, taf. XXII, 33). На вытянутом овальном щитке изображена обнаженная фигура юноши, шагающего влево. Его правая нога согнута в колене и чуть отставлена назад. Правая рука персонажа на вытянутой ладони держит предмет (жест подношения?), левая, согнутая в локте, поднята в указующем жесте.

Другая гемма с овальным щитком из того же свода близка к публикуемому сюжету наличием схожего атрибута (Furtwangler, 1964, taf. XVIII, 2.8). Фронтально стоящая фигура воина с головой, обращенной вправо, облачена в кирасу и птериги. В левой руке, на вытянутой ладони изображен шлем со свисающим вниз хвостом. Сюжеты с обнаженными фигурами, снабженными атрибутами для приношения или посвящения являются довольно распространенными в греко-римской глиптике. Хронологические рамки сюжета по его стилистическим признакам можно предположительно ограничить первыми веками до н.э. - первыми веками н.э.

2. Женская головка (Афродита?).

Булла крупных размеров, овальной формы. Размеры : 25 мм на 21 мм, толщина 6 мм. Булла темно-серого цвета, приближающегося к черному - результат пожара (?). Тыльная поверхность светло-серого цвета. Отверстия расположены на тыльной стороне. На этой же стороне имеется поперечное вдавление шириной 14 мм. Сохранность удовлетворительная за исключением скола в височной части.

Судя по рельефу оттиска, он оставлен геммой - инталией. Голова обращена влево и показана в профиль. Она вписана в овал и занимает почти всю поверхность щитка. Прическа сложной формы. Округлые завитки волос обрамляют голову. Два наиболее крупных из них расположены за

ухом и предположительно под ушной раковиной (неясно из-за скола). Надо лбом небольшой удлинённый валик волос; над ним неширокая рельефная полоска, передающая ленту.

На затылочной части фактура волос показана гладким рельефом и тонкими прямыми линиями. Под затылком два крупных завитка полукруглой формы – один за другим. Далее вниз на шею и плечи спадают крупно завитые локоны с тонкими параллельными линиями, передающими фактуру волос.

Лицо правильных очертаний с прямым гладким лбом и прямой формы нос с рельефно выраженными крыльями. Короткими, косо расположенными один над другим рельефами показан чуть приоткрытый, пухлый рот. Широко раскрытые глаза переданы двумя черточками, образующими угол, между которыми помещен зрачок. Взор устремлен вперед и чуть вверх. Гладким плавным рельефом переданы подбородок и шея.

Оттиск передает идеализированный портрет, такой тип изображения свойствен, как правило, божественным образам в искусстве античности, тема также применяется в изображениях царственных особ. Блестящим примером в этом отношении может служить образ царя Митридата VI. Портрет этого прославленного в эллинистическом мире правителя был весьма популярен и воплощен в различных категориях изобразительного искусства, включая глиптику. Идеализированный портрет Митридата представляется художниками в различных ипостасях популярных греческих богов, таких, например, как Геракл или Дионис (Неверов, 1973, с. 41-45). В образах Митридата привлекает внимание экспрессивная манера трактовки прически с развевающимися локонами. Выражение устремленного вверх взгляда сближает этот образ с портретом на кафыркалинской булле.

Более близкую аналогию к портрету на булле дает образ Афродиты, запечатленный на монетах эллинистического периода. В частности, в схожей манере передана прическа богини с венком-диадемой над валиком волос (ЛМС, II, 2, р. 29, No 257).

3. Женское божество с рогом изобилия.

Булла очень крупного размера. По длинной оси 42 мм, ширина 30 мм, толщина 17 мм. С правой стороны оттиск декоративного обрамления печати в виде полоски из зерни шириной в 1 мм. Булла темно-серого цвета. Оттиск имеет форму неправильного овала. На грани тыльной стороны имеется по паре (снизу и сверху) несквозных отверстий. Тыльная сторона разглажена пальцем.

Центральную часть композиции занимает обнаженная женская фигура. Ее левая рука поднята на уровень плеч, от сжатой кисти вниз следует длинная тонкая линия, передающая (в условной манере), по всей вероятности, шарф. В правой, чуть приспущенной руке «рог изобилия» – кривой, заостренный книзу. Верхняя часть выделена поперечным рельефом, от которого отходят три вертикальные линии, символизирующие плоды. От кисти, держащей рог, ниспадает другой, более короткий конец шарфа. По левому

полю, параллельно краю оттиска следует согдийская надпись (от 11 часов сверху вниз до 6). Согласно любезно сообщенному чтению профессора Н. Симс-Уильямса, надпись передает имя божества Нанайи.

Фигура богини трактована в удлинённых пропорциях, в особенности это касается подчернуто удлинённого живота; высоко посажены груди. Головка относительно всей фигуры маленькая, она обрамлена крупными завитками, нос довольно крупный, выдающийся.

Определяющим иконографическим признаком на данном изображении является атрибут в виде рога изобилия. В эллинистическом искусстве этот атрибут характерен, как известно, для богини Тихе-Фортуны. Функция этого божества связана с понятиями «удачи», «изобилия», «плодородия» и т.д. В качестве аналогии можно привести гемму, найденную на городище Дальверзинтепа в Северной Бактрии (Пугаченкова, Тургунов, 1974, рис.3). В кушанском религиозном пантеоне рог изобилия более характерен для богини Ардохшо. Она занимает главенствующее положение в монетной иконографии кушанского царя Васудевы. В предшествующий период на монетах царя Аминтаса богиня Тихе изображается сидящей на троне с рогом изобилия в левой руке (Vorearachchi, 1991, pl. 46, C). Тихе, стоящая влево с рогом изобилия в левой руке, представлена на монетах царя Гиппострата (Vorearachchi, 1991, pl. 64,1).

Функционально, помимо Ардохшо, с богиней Тихе в кушанском пантеоне сближается и другая богиня, а именно Нана (Abdullaev 2003, pp. 21-25). Нана (Нанайя) в определенной мере также олицетворяет богатство и благоденствие и, как указывает надпись Канишки из Рабатака (Афганистан), она наиболее почитаема в кушанском государстве (Sims-Williams, Cribb, 1995/96, pp. 75-142). Культ Наны получает развитие и в Согде, в особенности, в раннесредневековое время (Grenet, Marshak, 1998).

4. Портрет в шлеме.

Булла явно раннесредневекового времени, однако в иконографии прослеживаются элементы, характерные для античного искусства. Это, в первую очередь, касается головного убора.

Оттиск осуществлен на овальной глиняной заготовке, повторяющей контуры оттиска. Судя по объёмности оттиска, можно полагать, что он оставлен геммой, оправленной в перстень. Размеры: по длине оси 22 мм, ширина 16 мм, длинная ось самого оттиска 15 мм, ширина 10 мм. Над оттиском округлое вдавление диаметром 3 мм. Толщина буллы неравномерная: с одной стороны 15 мм, с другой 7 мм. Поверхность имеет пузырчатую фактуру - спекшаяся в пожаре глина. Цвет темно-серый, на тыльной стороне глубокая бороздка - след от шнура.

В овальную рамку вписан мужской бюст вправо. Черты лица правильной формы с большим разрезом глаз и прямым носом. На голове персонажа шлем с козырьком. Над сводом темени маленький

округлый рельеф, соединяющий шлем с пышным султаном. Султан крупных размеров с утолщением, нависающим спереди и свисающим на затылок хвостом.

Округлое вдавление на булле указывает на то, что перстень с геммой имел шип. Это один из характерных признаков в изготовлении перстней для раннесредневекового периода. В археологических комплексах перстни такого типа встречаются довольно часто (Маршак, 1964, с. 242-243; Беленицкий, 1977, с. 105-154, рис. 48; Распопова, 1980, рис. 76, 20.17; 18; 19).

Описанное выше изображение по своему стилю также тяготеет к сасанидскому изобразительному комплексу. Однако элемент в портрете в виде шлема с султаном - явная дань традиции античной глиптики. Если учитывать тот факт, что античные геммы продолжали использоваться, как это подтверждает кафыркалинский комплекс, а может быть, и периодически входили в моду, то подражание античному стилю в среде согдийских камнерезов вполне понятно.

5. Волчица, кормящая двух младенцев

Сюжет следующей буллы связан напрямую с античной мифологией. Речь идет об изображении волчицы, кормящей двух младенцев. Внешне булла выглядит примерно так же, как и предыдущие. По длинной оси размер ее 22 мм, ширина 13 мм, толщина 12,5 мм. Щиток по длинной оси 13 мм, ширина 10 мм. Справа на булле сохранилась вмятина от округлого шипа диаметром 3 мм. Булла светло-серого цвета. На тыльной стороне имеется глубокая бороздка шириной в 4 мм. Отверстие от шнура диаметром 2 мм располагается на грани тыльной стороны.

Композиция развернута по горизонтали и все пространство ее занимает фигура волчицы. Голова ее с удлинённой мордой и торчащими ушами опущена вниз и повернута влево по направлению двух обнаженных фигурок младенцев, сидящих под ее животом. Фигурки младенцев повернуты друг к другу. Левая рука у правой фигуры и правая рука у левой фигуры подняты вверх к сосцам волчицы; их припавшие к брюху волчицы головы обращены вверх. Ноги младенцев слегка подогнуты в коленях. Передние ноги волчицы как бы упираются об ободок (геммы) в виде рельефной линии. Прямой хвост, вытянутый назад, и вся поза волчицы выражает напряженное внимание и готовность защитить в любой момент своих питомцев.

Изображение волчицы, кормящей младенцев, в искусстве Средней Азии не уникально, хотя встречается довольно редко. Первая находка с аналогичной композицией была зафиксирована при раскопках второго храма древнего Пенджикента в комплексе хозяйственно-жилого характера. Это был золотой брактеат с высоким рельефом, передающим волчицу, кормящую младенцев. А.М. Беленицкий, издавший этот брактеат, связывает композицию с символикой Рима и с иконографией многих римских монет, несущих этот герб. Время проникновения этого

образа в Среднюю Азию автор связывает с VI веком н.э. - периодом наиболее интенсивных культурных контактов с западным миром (Беленицкий, 1954, с.47, рис. 11; его же, 1957, с.4-5, рис. 1; его же, 1958, с. 106, 135, рис. 33,3). Иконографическая близость брактеата с римско-византийскими монетами была подтверждена исследованиями В.В. Кропоткина (Кропоткин, 1962, с.51).

Другая находка, связанная с рассматриваемым сюжетом, была осуществлена во время работ в урочище Гульдурма по левобережью р. Ахангаран. Речь идет о золотом медальоне с бюстом византийского правителя; его обратная сторона была украшена композицией в виде волчицы и младенцев, сидящих друг против друга на корточках и тянущихся к соскам волчицы. М.Е. Массон связывает композицию на медальоне с солидами императора Юстиниана (527-565 гг.) (Массон М.Е., 1972, с. 29-38).

Если все эти памятники ювелирного искусства могли быть легко транспортированы на территорию Средней Азии, или же могли быть созданы местными мастерами в подражание опять-таки привозным оригиналам, то открытие настенной живописи в Таджикистане на городище Шахристан во дворце уструшанских авшинов (другое название городища Калаи Кахкаха I) позволило взглянуть на значение этого мотива несколько иначе. Изображение волчицы, кормящей младенцев, в живописи Шахристана свидетельствует об этом сюжете как о популярном и известном как мастерам, создавшим его, так и населению, знакомому с легендой. Религиозно-мифологический контекст композиции, восходящий к более древним истокам культуры Востока и Запада, связан с конкретным культурным комплексом населения раннесредневековой эпохи Средней Азии.

В своем исследовании авторы публикации росписей Шахристана дают исчерпывающую сводку аналогий к сюжету «капитолийской волчицы» и его распространению в Средней Азии. Живопись датируется временем не позднее VII в. н.э. (Негматов, Соколовский, 1975, с. 438-458).

Публикуемая в настоящем сообщении булла по своему композиционному построению и ракурсам персонажей более всего тяготеет к золотому медальону из Ахангарана. По всей видимости, и датировку буллы с изображением волчицы, кормящей младенцев, можно отнести этому же периоду, т.е. к VI в. н.э. Следует отметить, что круг рассмотренных памятников изобразительного искусства, близких по своему смыслу, отражает мифологическую ситуацию раннесредневековой Средней Азии, где переплелись традиции Востока и Запада в сюжетах, кочующих с античности до раннего средневековья.

Литература

- Abdullaev K. Nana in Bactrian Art. SRAA. Vol. 9. 2003.
Беленицкий А.М. Археологические работы в Пенджикенте. КСИИМК, вып. 55, М., 1954.
Беленицкий А.М. Археологические заметки. Известия Отделения общественных наук АН Тадж. ССР. Вып. 14. Сталинабад, 1957.
Беленицкий А.М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951-1953 гг.). Труды ТАЭ, т. III, МИА, №66, М.- Л., 1958.
Беленицкий А.М. Искусство античных и средневековых городов Средней Азии. // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977.
Бердимуратов А.Э., Менги Э., Самибаев М.К. Раскопки на Кафир-кале. Археологические исследования в Узбекистане. 2002 год. Тошкент, 2003.
Vorearachchi O. Monnaies Greco-Bactriennes et Indo-Grecques. Catalogue raisonne. Paris, 1991.
Григорьев Г.В. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, XII, М.-

Л., 1946.

Григорьев Г.В. Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда. Фонд № 35, оп. 2, дело № 92, архив ЛОИА АН, 1941.

Григорьев Г.В. Городище Тали-Барзу. ТОВЭ, т. II. Л., 1940.

Furtwangler A. Die Antiken Gemmen. Geschichte der steinscheidekunst im Klassischen altertum. Tafeln. Amsterdam-Osnabrueck, 1964.

Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4-4. М., 1962.

Массон М.Е. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана (еще к вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии. ОНУ, 1972, № 7.

Неверов О. Митридат-Дионис. Сообщения Государственного Эрмитажа. XXXVII. Ленинград, 1973.

Негматов Н.Н., Соколовский В.М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии. Памятники культуры. Новые открытия 1974. М., 1975.

Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae (LIMC). II, 2. Zurich und Munchen, 1967.

Пугаченкова Г.А., Тургунов Б.А. Исследование Дальверзин-тепе в 1972. Древняя Бактрия. Ленинград, 1974.

Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian Inscription of Kanishka the Great. SRAA. Vol. 4. 1995/96.

Grenet F., Marshak B. Le mythe de Nana dans l'art de la Sogdiane. Arts Asiatiques, 1998.

Маршак Б.И. Отчет о работах на объекте XII за 1955-1960 гг. В: Труды ТАЭ. Т. IV/ 1954-1959 гг. (МИА СССР, № 124). М.-Л., 1964.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980.

Якубовский А.Ю. Зарафшанская археологическая экспедиция 1939 г. КСИА, № 4. М.-Л., 1940.

Якубовский А.Ю. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа (ТОВЭ), т. II. Л., 1940.

**РАННЕАНТИЧНЫЕ МОНЕТЫ С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ
(НОВЫЕ НАХОДКИ)**

История Самарканда, или Мараканды античных авторов, центрального города древней историко-географической области Согдиана (Согда) и, если смотреть шире, история всей области уже в течение полутора столетий является объектом пристального внимания историков и археологов. Одним из вопросов является характеристика денежного хозяйства Согда в античный период и вопрос о начале денежного обращения в Согде и в Трансоксиане в целом. Единства мнений по этому вопросу не существует. Е.В. Зеймалем, на основе наличествующего на определенный момент нумизматического материала был теоретически обоснован вывод о том, что возникновение монетной чеканки и собственного денежного обращения развивалось путем поступательного проникновения в этот регион привозных иноземных монет (включая и селевкидские, и греко-бактрийские монеты), которые послужили образцами для появления местных подражательных выпусков (Зеймаль, 1983 а, с. 61-81; 1983 б). Оформление этого процесса выливается здесь в выпуск монетных эмиссий, генетически происходящих от «варварских» подражательных выпусков. Данная модель не является окончательной и Э.В. Ртвеладзе, на основании последующего нумизматического материала, предлагает скорректировать ее, особенно в отношении роли и места селевкидских и греко-бактрийских монет в денежном хозяйстве Трансоксианы и Согда в частности (Ртвеладзе, 2002). Одним из важнейших инструментов, способным внести определенные коррективы во взгляд на сложившуюся проблему, может быть фиксация монетных находок.

В отношении Самарканда данный вопрос давно разрабатывается (Ерназарова, 1969; она же, 1974; Атаходжаев, Кочнев, 2004) В опубликованной недавно сводке находок селевкидских монет, паспортизация которых не вызывает сомнения, представлены дихалк Селевка I, а также халк и тетрадрахма Антиоха I (Ртвеладзе, 2002). В недавнее время на городище Афрасиаб (Самарканд) обнаружено еще несколько монет интересующего нас периода.

Почти все монеты, предлагаемые к вниманию в данной заметке, были обнаружены на территории цитадели Афрасиаба (руины древнего Самарканда-Мараканды) осенью 2003 - весной 2004 гг. местными жителями и доставлены для изучения в Институт археологии Академии наук Узбекистана. Экземпляр, представленный далее под № 1, был обнаружен в юго-восточной части городища.

1. Л.с. Голова Афины в шлеме вправо.

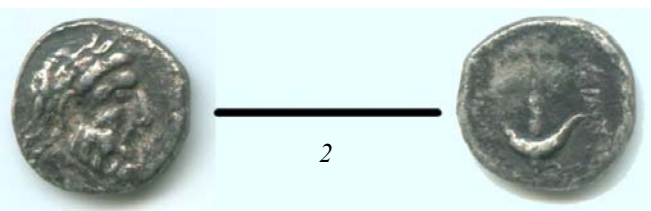
О.с. Стоящий влево орел с прижатыми крыльями и повернутой вправо головой; позади головы орла виноградная ветвь с двумя кистями.

Д - 0,8 - 10 мм, В - 1.4 г. ↑↓

2. Л.с. Повернутая вправо голова бородатого Зевса лауреата. Завитки бороды переданы прямыми резкими ниспадающими линиями.

О.с. Якорь в центре поля. Легенда передана двумя вертикальными строками ΒΑΣΙΛΕΩΣ ... ΛΕΥ (?) ...

Д - 10 мм, В - 3,1 г. ↑↓

3-7. Л.с. Голова правителя в диадеме

О.с. Голова коня. За ней и внизу – искаженная, нечитаемая надпись и монограмма.

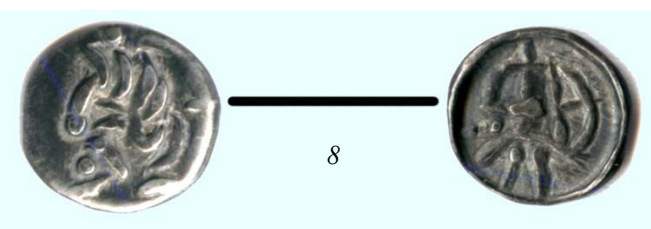
Д - 15; 15; 14; 13-17; 14 мм, В - 2,44; 1,6; 0,8; 2,2; г.

8. Л.с. Схематизированное изображение головы правителя.

О.с. Схематизированное изображение обращенного влево стоящего воина с луком.

Д - 0,8 мм, В - 0,3 г.

Монета № 1 является хорошо известным образцом подражательной серии, восходящей как к прототипу к драхам г.Афины с изображением головы богини в шлеме и совы (Gardner, 1879; он же, 1881; Head, 1906). Относительно времени и места этих подражательных выпусков в последнее время было высказано несколько предположений. Ареал находок этих монет традиционен – северный Афганистан (Schlumberger, 1953; Nicolet-Pierre, 1973). Из этого же региона происходит и недавний клад, включавший в себя не менее 70 экземпляров, что позволяет предположить, что местом выпуска этих подражаний была южная Бактрия (от Кабула до Амударьи) (Nicolet-Pierre, Amandry, 1994; Vorearachchi, 1996). Хронологическое определение монет этой группы и типологически отличающихся последовательных серий внутри группы, соответствующих различным этапам чеканки, затруднительно. В последней по времени публикации, посвященной этим монетам, типологический анализ всех серий предполагает относить выпуск монет этой серии к концу IV в. до н.э. и атрибутирует их как предселевкийский выпуск локального правителя Софита (Vorearachchi, 1996).

Особенно стоит отметить тот факт, что до сих пор, следуя сводке нумизматических находок, к северу от Амударьи не было найдено монет, подражающих чекану Афин, и данный экземпляр является первым. Если же признать верной предлагаемую датировку монет этой серии, то данный экземпляр становится самой ранней из надежно зафиксированных монетных находок в Трансоксиане.

№ 2. От имени эмитента данного экземпляра остались читаемыми три буквы – «лямбда», «ипсилон», «йота», что предполагает только одно прочтение -/ΣΕ/ΛΕΥ/ΚΟΥ. Типологически данная монета наиболее близка к драхам и тетрадрахам Селевка I (Newell, 1978), хотя и не находит прямых аналогий среди известных нам эмиссий восточноселевкийских монетных дворов. Иконографически и метрологически эта монета наиболее близка драхам Селевка I, выпущенным на неизвестном восточном монетном дворе – *голова Зевса лауреата/слоновья квадрига; протомы рогатого коня/якорь* (Newell, 1978, pl. LV, № 1; 8-12). Передача деталей аверса – постановка головы, линии, передающие пряди бороды и волос – сближает эту монету с аверсом драхмы этого же правителя, чеканенной в Бактрах (Newell, 1978, pl. LI, № 22), и позволяет допустить, что данная драхма была выпущена также на востоке владений Селевка I и может являться новым, неизвестным типом монет, который Э.Ньюэлл относит к эмиссиям неизвестного восточного монетного двора.

№№ 3-7. Монеты этого типа относятся к подражательным выпускам в Трансоксиане – подражаниям драхам Антиоха I, выпуск которых начался в Согде очень рано и, следуя мнению Е.В. Зеймалю, был растянут с конца III в. до н.э. до середины I в. до н.э. (Зеймаль, 1983 а, с. 81-93). Данные подражания разбиваются на отдельные серии, которые принято сейчас разделять на 5 этапов - от более менее точного следования прототипу до последнего, который уже можно рассматривать как самостоятельный этап чеканки и которые, согласно Е.В. Зеймалю, были синхронны раннесогдийским монетам с изображением лучника (№ 8).

Литература

- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе. 1983, с.61-81
Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983, с. 71-76.
Ртвеладзе Э.В. Модели генезиса монетной чеканки в Среднеазиатском Междуречье // Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002, с. 62-79.

- Ерназарова Т.С. О монетных находках на Афрасиабе в 1965 г // В сб. Афрасиаб. Афрасиабская комплексная археологическая экспедиция. Выпуск I. Ташкент, 1969 г.
- Ерназарова Т.С. Денежное обращение Самарканда по археолого-нумизматическим данным (до начала IX в.) // В сб. Афрасиаб. Афрасиабская комплексная археологическая экспедиция. Выпуск III. Ташкент, 1974 г.
- Атаходжаев А.Х., Кочнев Б.Д. Нумизматические находки на городище Афрасиаб – новейшие материалы к истории денежного обращения в центральном Мавераннахре (древность, раннее средневековье, средневековый период) // В сб. История материальной культуры Узбекистана, вып. 34. Самарканд, 2004 г.
- Ртвеладзе Э.В. Находки раннеэллинистических монет в Средней Азии // Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002, с. 82-85.
- Gardner P. New coins from Bactria.- NC. New series. Vol.XIX, 1879, p. 1-12.
- Gardner P. The coins from Central Asia.- NC.3d series. Vol. I. 1881, p. 8-12.
- Head B.V. The earliest Graeco-Bactrian and Graeco-Indian coins.-NC. 1906, p.1-16.
- Schlumberger D. L'argent grec dans l'empire Achéménidé. –MDAFA. T. XIV. 1953, p. 3-64.
- Nicolet-Pierre H. Monnaies grecques trouvées en Afghanistan. – RN. VI série. T.XV. 1973, p. 35-42.
- Nicolet-Pierre H., Amandry M. Un nouveau trésor de monnaies d'argent pseudo-athéniennes venu d'Afghanistan. -RN.1994, p. 34-54.
- Bopearachchi O. Sophytes, the Enigmatic Ruler of Central Asia.- *Nomismatika Khronika*, 15/1996. p. 19-33.
- Newell E. The coinage of the Eastern Seleucid Mints. From Seleucus I to Antiochus III. New York, 1978.

ЖИЛЫЕ КВАРТАЛЫ КАМПЫРТЕПА КУШАНСКОГО ВРЕМЕНИ

В течение пяти полевых сезонов (2000-2004 гг.) отряд ГМВ в составе Тохаристанской археологической экспедиции проводил археологические исследования в северной части «нижнего города» Кампыртепа.

Еще до раскопок, на основании визуального анализа сохранившегося микрорельефа, вся территория нижнего города была разделена на жилые блоки-кварталы, которые обозначались латинскими буквами В1 с соответствующим порядковым номером (Русанов, 2000, с. 19). Считалось, что они ограничиваются радиальными переулками, соединяющими улицу, окружавшую центральную часть Кампыртепа, с «военной» улицей, проходящей вдоль крепостной стены по периметру городища. Раскопки последних лет дают основание сделать заключение, что структура жилого квартала на Кампыртепа была принципиально другой.

В ходе работ на участках, обозначенных ранее как В1-10 и В1-9, удалось выяснить, что здесь расположены массивы плотной застройки, разделенные глухими стенами на две группы небольших зданий, вплотную пристроенных друг к другу, - восточную и западную, которые, в свою очередь, являлись частями разных жилых кварталов. В настоящее время полностью раскопан жилой квартал «А», включающий в себя восточную и центральную части В1-10, большая часть квартала «Б» - западная часть В1-10 и восточная часть В1-9, а также несколько помещений квартала «В» в западной части В1-9 (рис. 1).

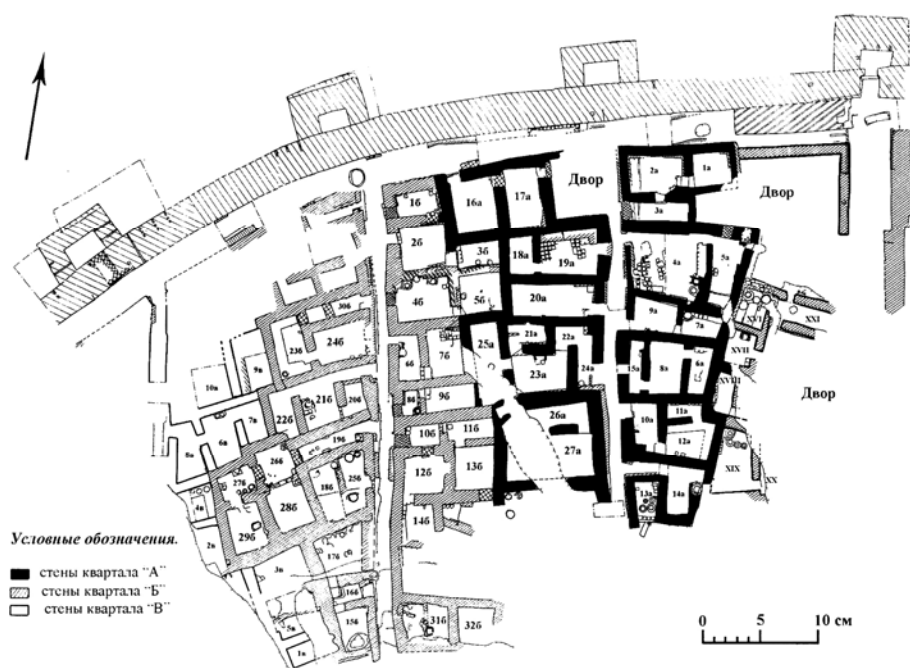
Квартал «А» состоял из десяти жилых блоков-секций: пять в западной части и пять в восточной части квартала. Также пять жилых секций было и в раскопанной полностью восточной части квартала «Б» и не менее пяти их было в нераскопанной до конца западной части этого квартала. Все эти секции следует, по всей видимости, считать небольшими жилыми домами.

Жилые секции между собой напрямую не сообщались, но все они имели выходы в переулок. В большинстве случаев входы в дома располагались друг против друга. Таким образом, переулок являлся центральной связующей доминантой и объединял между собой две части жилого квартала - восточную и западную.

В планировочной схеме квартала «А» выделяется северный двор, которым заканчивается внутриквартальный переулок (рис. 1). Можно предполагать, что здесь находились квартальные ворота, которыми можно было перекрыть улицу в случае опасности. Следы таких ворот в виде вертикальных гнезд для дверной коробки зафиксированы в проходе из «военной» улицы в переулок квартала «В».

По многочисленным монетным находкам в культурных слоях на полах помещений и в обмазках стен основной период функционирования жилых кварталов датируется в пределах второй половины I - первой половины II вв. н.э.

Основным элементом планировочной структуры «нижнего города» Кампыртепа был квартал, состоящий из двух почти равных частей по обе стороны переулка. Аналогичная планировка открыта на городище Топрак-кала (Неразик, 1981, с. 140). Некоторые элементы подобной структуры, может быть, выраженные не столь ярко, отмечаются на участке жилой застройки Емши-тепе в северном Афганистане (Кругликова, 1973. С. 109, рис. 40). Схожую, но не идентичную структуру имели

участ- ки жи-
лой застройки, вскрытые на Дильберджине (Кругликова, 2001. Рис. 21, 27, 31 и да-
лее).

В Таксиле, которую можно считать образцом центрально-азиатского города с регулярно-сетчатой планировкой, блоки жилой застройки шириной 36,5 м или чуть больше, располагались между переулками, отходящими под прямым углом от центральной улицы. Вместе с тем эти кварталы не являлись взаимосвязанным единым организмом. Например, квартал G1 (или блок по Дж. Маршаллу) был разделен глухой стеной на две части - северную и южную. Каждая состояла из относительно изолированных домовладений с выходами в переулок. В некоторых кварталах были небольшие улочки, проходившие через всю их территорию, которые можно рассматривать как внутриквартальные переулки (Marshall, 1951. Pl. 10).

В Иране в эпоху раннего средневековья (в III-V вв. основным планировочным компонентом города был квартал, который делился на «ряды», являвшиеся замкнутыми элементами городской структуры (Солодухо, 1963. С. 156). Видимо, в данном случае «ряд» вполне сопоставим со среднеазиатским «кварталом», по большей части в социальном понимании этого термина.

В исследованиях, посвященных древнему среднеазиатскому городу, уже не раз отмечалось сходство между структурой жилого квартала первых веков н.э. и кварталами-гузарами Средней Азии. В Отраре XVI-XVII вв. кварталом являлся участок улицы с выходящими на нее домами, каждый из которых имел индивидуальный выход на внутриквартальную улицу. Со стороны центральных улиц и внутри жилых массивов кварталы, как правило, окружены глухими стенами (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1982. С. 122; Байпаков, 1989, с. 89). В позднесредневековых городах Средней Азии границы кварталов в социальном значении этого термина были не очень выразительными и проходили в виде неправильной ломаной линии по задним стенам домовладений (Сухарева, 1976. С. 326).

Точно такая же система выявлена в результате раскопок Кампыртепа. Совпадает

не только принцип планировки, но и детали: входы из переулка в домовладения противоположных частей квартала чаще всего располагались друг против друга, переулок квартала «А», начинавшийся на главной улице, заканчивался небольшим двором. Таким образом, можно констатировать, что выявленная на Кампыртепа структура жилого квартала на территории Средней Азии существовала почти без изменений, по крайней мере, две тысячи лет.

Жилые блоки, из которых состояли кварталы, включали в себя от двух до пяти помещений, соединенных проходами. Почти в каждой жилой секции зафиксирован один пристенный очаг, сложенный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей. В некоторых жилых блоках обнаружены стационарно установленные хумы.

Обращает на себя внимание тот факт, что пока не выявлено ни одного хозяйственного или кухонного помещения, напрямую связанного с отдельной жилой секцией. Можно говорить с уверенностью лишь о том, что жители Кампыртепа интенсивно растирали зерно, практически в каждой секции найдено не менее 3-5 зернотерок.

В то же время в каждом из раскопанных кварталов был блок помещений, который с уверенностью можно интерпретировать как кухонно-хозяйственный. В квартале «А» такой блок находился в северо-восточной части и состоял из двух помещений (рис. 1; п.4а и 5а). В помещении зафиксировано несколько уровней полов, на каждом из них обнаружено два явно кухонных очага, по два или три тандыра, а также закром.

В квартале «Б» двухкомнатный хозяйственный блок располагался также в северо-восточной части квартала (рис. 1; п.4б и 5б). В нем находилось несколько тандыров, округлый напольный очаг и зерновая яма, рядом с которой *in situ* найдены две зернотерки.

Еще один хозяйственный блок, но значительно меньших размеров, располагался в центральной части квартала «Б». Он состоял из одного помещения площадью чуть более 8 кв. м и небольшого вестибюля перед ним, в котором был установлен тандыр (рис. 1; п. 8б и 9б).

Обращает на себя внимание тот факт, что эти хозяйственные блоки так или иначе были связаны с выпечкой хлеба.

Жилые блоки различны по площади и планировочной схеме. В настоящее время по количеству помещений предварительно можно выделить две наиболее многочисленные группы: двухкомнатные и трехкомнатные жилые секции.

Общая площадь двухкомнатных жилых блоков составляет 40-42 кв. м, при этом полезная площадь помещений не превышала 20 кв.м. Общая площадь трехкомнатных жилых секций чуть более 60 кв.м, полезная 23-26 кв. м.

Особняком стоят домовладения, состоявшие из четырех и более помещений. Одно из них, расположенное в центральной части квартала «А» (рис. 1, пом. 21а-25а) занимало площадь 84 кв. м. и включало в себя четыре помещения и Г-образный вестибюль. К югу от этого домовладения расположен плохо сохранившийся жилой блок, который занимал еще большую площадь - 90 кв.м. Сравнительно крупное домовладение компактной планировки площадью более 80 кв.м, включавшее в себя 4 помещения и, возможно, небольшой дворик-айван, раскопано в центральной части квартала «Б» (рис. 1, пом. 10б-14б). Схожий по планировке жилой блок располагался в западной части квартала «Б», различие состоит лишь в том, что из жилых помещений в переулок можно было пройти только через коридор (рис. 1; пом. 19б, 26б).

296).

Г.А. Пугаченкова на основании анализа планировочных схем выделяла два типа жилых домов северной Бактрии, которые были соотнесены с имущественным и социальным положением их владельцев: жилище рядовых горожан и жилые дома городской верхушки (Пугаченкова, 1976. С. 38-39; Пугаченкова, 1976а. С. 151-157).

Раскопки последних лет, в первую очередь, на Кампыртепа, позволяют говорить еще об одном типе жилого дома, являющимся основным и, надо полагать, самым распространенным элементом сплошной жилой застройки. Это небольшие блоки-секции, включающие в себя несколько помещений, обычно не более пяти, связанные между собой проходами и имеющими общий вход.

Жилые секции, включавшие в себя 2-3 помещения, обычно трактуются как место обитания небольшой парной семьи, входящей в состав большой семьи, отождествляемой с БУТ' (Толстов, 1962. С. 215-220; Неразик, 1976. С. 213-216; Лившиц, 1984. С. 265-269). Принято считать, что количество членов малой семьи не превышало 4-6 человек (Массон, 1976. С. 101-105; Распопова, 1990. С. 176). В средневековом Хорезме, в домах площадью менее 100 кв. м могла проживать семья из 4 человек (Неразик, 1976. С. 234). В самых малых жилищах раннесредневекового Пенджикента, не имевших второго этажа, проживало не более 3 человек (Распопова, 1990. С. 178). Учитывая эти расчеты, можно предположить, что на Кампыртепа в двухкомнатных блоках малой площади проживала семья из 3-4 человек; в более крупных трехкомнатных и четырехкомнатных домах площадью около 60 кв.м. и более 4-6 человек. В полностью раскопанном жилом квартале «А» выявлено три малых двухкомнатных блока, в которых соответственно проживало 9-12 человек. В остальных домах, более крупных жилищах, по самым максимальным подсчетам могло разместиться 42 человека. Таким образом, общее количество жителей квартала могло составлять от 51 до 54 человек. Учитывая общую площадь квартала - 600 кв.м, на каждого его жителя приходилось 11,1-11,7 кв. м. Как можно предполагать, приблизительно столько же людей проживало и в соседнем квартале «Б».

Пока у нас нет однозначного ответа на вопрос, - входили ли малые семьи Кампыртепа в состав домового патриархальной общины или являлись полностью обособленными парными семьями, ведущими раздельное хозяйство?

Анализ планировочной структуры и интерьера раскопанных помещений дает основание полагать, что все жители относились в одному социальному слою и находились приблизительно на одном, весьма невысоком, социально-экономическом уровне существования.

Учитывая то, что в кварталах были общие кухонно-хозяйственные блоки, можно предполагать, что здесь проживали члены небольшой общины. Однако характер связей между ними в настоящее время по археологическим данным установить невозможно.

Возможно, это была соседская община - сообщество людей, объединявшихся по территориальному или профессиональному признаку. Последнее предположение кажется наиболее вероятным, учитывая специфику Кампыртепа, являвшимся, в первую очередь, крепостью, защищавшей одну из важнейших переправ через Амударью и, возможно, важным пунктом, перевалочной базой в системе транзитной торговли между областями Древнего Востока. Не исключено, что часть жителей, если не все население крепости обеспечивало ее охрану и нормальное функционирование переправы. Другими словами, были служилыми, «государевыми людьми»

не ведущими собственного хозяйства и проживавшими здесь со своими семьями. По-видимому, этим объясняется отсутствие остатков производства и следов масштабной хозяйственной деятельности в жилой зоне Кампыртепа.

Литература:

- Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Жилище позднесредневекового Отрара // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.
- Байпаков К.М. Средневековый Отрар // Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989.
- Кругликова И.Т. Города Боспора в III в. н.э. // Античный город. М., 1963.
- Кругликова И.Т. Городище Емши-депе в северном Афганистане // КСИА, № 136. М., 1973.
- Кругликова И.Т. Цитадель Дильберджина // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. Москва-Магнитогорск, 2001, с. 312-413
- Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Лившиц В.А. Документы // Топрак-кала. Дворец. Труды ХАЭЭ, т. XIV, М., 1984.
- Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме // Труды ХАЭЭ, т. IX. М., 1976.
- Пугаченкова Г.А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии) // История и культура народов Средней Азии. М., 1976.
- Пугаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры северного Афганистана // Северная Бактрия. Материалы САЭЭ, вып. 1. М., 1976а.
- Распопова В.И. Жилища Пенджикента. Л., 1990.
- Русанов Д. Градостроительная культура Кампыртепа эпохи кушан // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы ТЭ, вып. 1. Ташкент, 2000.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Marshall J. Taxila. Vol. 1-3. Cambridge, 1951.

ИЗУЧЕНИЕ НИЖНИХ СЛОЕВ ГОРОДИЩА БУРКУТТЕПЕ (ДРЕВНЕЙ КАРМАНЫ)

Городище Буркуттепе расположено в г. Кармана Навоийской области, к югу от автотрассы Самарканд-Бухара. В 1986 г. оно обследовалось отрядом, возглавляемым Ю.П. Маньловым. Полученные материалы позволили наметить хронологические рамки обживания городища, начиная с III-II вв. до н.э. до раннего средневековья (Маньлов, 1987, с. 171, 173, рис. 19.). В 2000-2001 гг. городище исследовалось Карманинским отрядом Института археологии АН Узбекистана. В результате сделано предположение, что здесь располагалось античное ядро Кармана (Кермине), выросшего впоследствии в городской пункт Бухарского оазиса на одной из ветвей Великого шелкового пути (в средневековье Шахской дороге) и сохранившего свое значение вплоть до позднего средневековья (Бартольд, 1973, с. 141, 385, 456; Белецкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 187, 324-325). На памятнике было заложено несколько раскопов. Наиболее древние материалы получены из шурфа, расположенного у подножия цитадели (Р-5), где прослежены культурные слои, давшие материалы античного времени. Раскоп удалось довести до материка еще до выхода грунтовых вод. Каких-либо конструкций не зафиксировано, за исключением остатков жилища типа полуземлянки, вырытой в материковом лёссе (Хужаназаров, Грицина, Мирзаахмедов, 2002, с. 179-187).

В ходе раскопок выделено три основных слоя. Первый (нижний) слой соответствует XXXVIII-XXXVII ярусам от репера на вершине тепе); он состоял из зольно-органических накоплений с преобладанием гумусных отложений внутри упомянутой выше полуземлянки, часть которой попала в раскоп. Глубина ее составляет 75-80 см. Грунт в этом месте очень влажный. Некоторые участки пола были сильно, докрасна обожжены. Возле восточной стены помещения расчищен очаг размерами 21х24 см. Следующий слой, перекрывающий землянку и лежащий в восточной части шурфа на материковом грунте (XXXVI и частично XXXV и XXXIV ярусов), содержал в основном органические накопления средней плотности. Цвет грунта более светлый по сравнению со слоем из полуземлянки. Лишь в нижней части, непосредственно над полуземлянкой, зафиксированы линзы грунта желтого и насыщенного зеленого цветов. Не исключено, что желтый грунт представлял собой оплывы материка, свидетельствующие о некотором перерыве в обживании данного участка городища (рис. 1).

Вышеописанный слой перекрыт следующим, в котором выделяется свита слоев, различающихся по цвету, в зависимости от большего или меньшего количества гумусных включений (XXXIV- XXXII яруса).

Керамика

Керамика из нижнего слоя (полуземлянки) представлена как груболепной, так и гончарной посудой с небольшим преобладанием в процентном отношении груболепной (59%). Эти цифры носят достаточно условный характер, так как вскрыта только небольшая часть жилища.

Набор форм груболепной посуды довольно ограничен: это сосуды для приготовления пищи: котлы, сковороды (жаровни), горшки или кувшины. Котлы сформова-

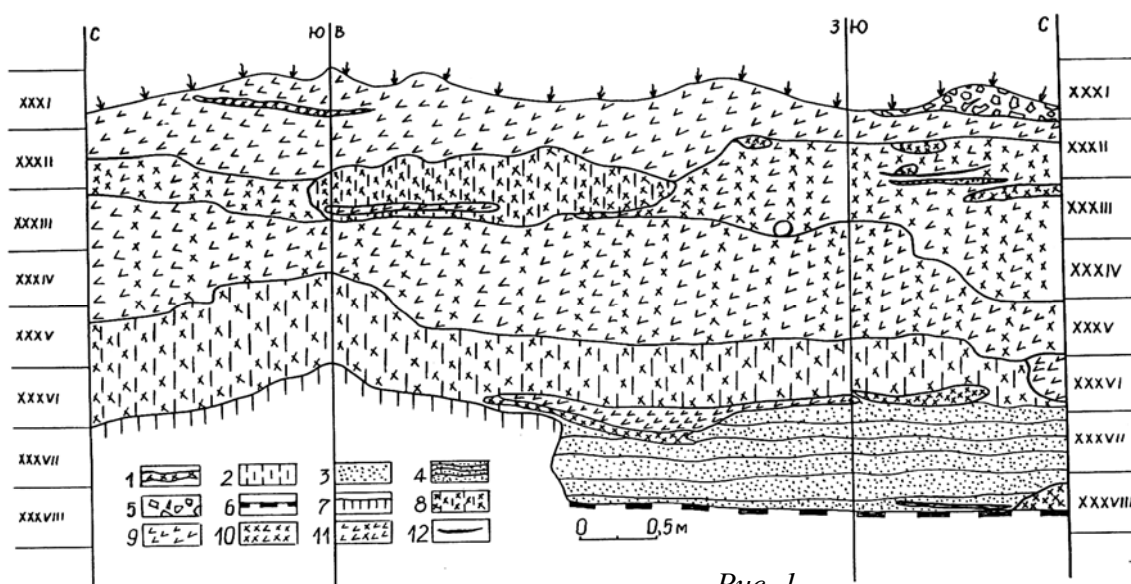

Рис. 1

ны ленточным способом из жаростойкой глины с включением дресвы и шамота. Поверхность, как правило, закопчена, хотя встречаются сосуды и без копоти. Последние обычно представлены фрагментами от крупногабаритных сосудов. Не исключено, что они являются не котлами, а сосудами типа корчаг, использующихся для хранения продуктов. Подобные сосуды хорошо известны по материалам нуртепинской культуры Уструшаны (Буряков, Грицина, 1989, с. 41, рис. 1, 2, 8). По толщине черепка и качеству изготовления их можно разделить на два типа. К первому типу относятся толстостенные сосуды (толщина черепка их достигает 1,5 см) с двумя массивными ручками-упорами, концы которых загнуты книзу. Венчики устьев сосудов наклонены вовнутрь (рис. 2А, 1-2, 5-6). Ко второму типу относятся котлы с более тонким черепком (до 1 см толщиной), более тщательным промесом теста и внешним оформлением. Закраины их либо с сильным уклоном вовнутрь, либо почти прямые. Ручки-упоры не такие массивные, как у котлов первого типа (рис. 2А, 3-4). Днища котлов обоих типов плоские, с выступом в центре (рис. 2А, 7-9). Сковороды (жаровни) представлены фрагментарно. Они сформованы из грубой, жаростойкой глины, имеют обычную для подобных сосудов форму в виде круга, ограниченного по периметру невысоким бортиком. Днище плоское, неровное, грубо сформованное. Внутренняя поверхность заглажена. Подобные изделия могли использоваться и как сковороды, и как жаровни. Некоторые исследователи считают, что их использовали для выпечки мучных изделий (Негматов, Беляева, 1986, с. 185). Однако следует отметить, что в комплексе имеется подобное изделие без следов копоти (рис. 2А, 10-11).

Набор станковой посуды более обширен: хумча, горшки, миски, кубки. Хумча формовались из глины среднего качества, грубой отмучки, в тесте имеется примесь песка или шамота. Поверхность пористая светлого цвета. Венчик овальный в сечении, профилирован наружу. Короткая шейка переходит в характерный валик, как бы отделяющий шейку от тулова сосуда (рис. 2Б, 1). Горшки также формовались из плохо отмученной глины с примесью песка и мелкозернистого шамота. Поверхность покрыта нестойким ангобом светло-коричневого цвета (рис. 2Б, 2). Миски формовались из глины среднего качества с примесью песка. Внешняя поверхность

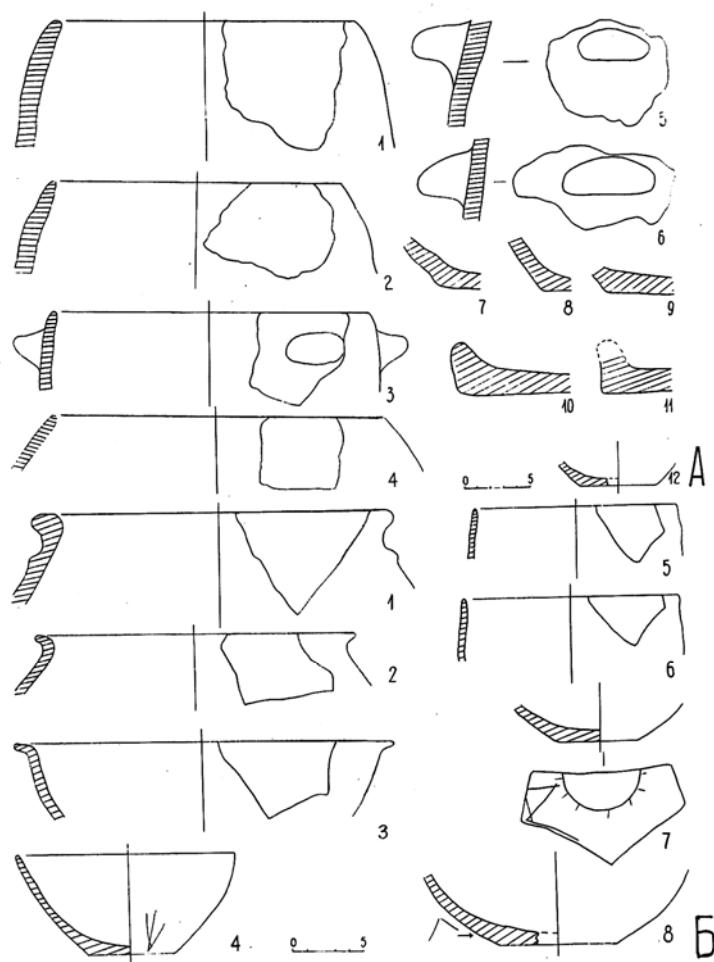

Рис. 2

без ангоба, светлого цвета. Внутренняя поверхность коричневого цвета и залощена (рис. 2Б, 3). Среди керамики есть археологически целый сосуд, который можно назвать кубковидной чашей, также сформованный из глины среднего качества с примесью песка и шамота. Внешняя поверхность шероховатая, светлорычневого цвета. В нижней части тулова прочерчен знак (рис. 2Б, 4). Кубки сохранились во фрагментах. Формовались из глины аналогичного качества. Поверхность светлорычневого цвета. Сосуды в месте перехода цилиндрической (верхней) к конической (нижней) части имели не резкий, а плавный переход (рис. 2Б, 5-6). Отметим сосуды с подрезом в придонной части и знаки, прочерченные еще до их обжига

га (рис. 2Б, 4, 7-8).

Вопрос о знаках на керамических сосудах неоднократно дискутировался в научной литературе. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим, что традиция ставить метки на сосудах, зародившаяся еще в эпоху бронзы, дожила до наших дней и по-разному трактуется исследователями (Грицина, 1984). Кроме керамики, в нижнем слое найден обломок зернотерки, свидетельствующей о занятии местного населения земледелием.

Керамика из среднего (второго) слоя (XXVI-XXXIV ярусов) делится на лепную и станковую. Лепная керамика представлена фрагментами хумов и котлов. От тех и других имеются только стенки. По имеющимся фрагментам хумов затруднительно определить, каким именно способом они сформованы: ручным или на гончарном круге. Вероятно, был использован круг или вращающаяся подставка. Тесто среднего качества с включением песка и шамота, равномерного обжига. Цвет черепка в изломе рычневый, поверхность светлого или рычневого цветов. Толщина стенок до 2 см. Котлы по составу теста и качеству изготовления мало чем отличаются от котлов из нижнего слоя. В комплексе имеется груболепной сосуд типа миски (рис. 3А, 1). Он также сформован из жаростойкой глины с добавлением шамота. Толщина черепка до 2 см. Однако, в отличие от котлов, у него закопчена внутренняя часть. По-видимому, данный сосуд использовался в ритуальных целях или в

качестве переносной жаровни.

Станковая посуда представлена кубками, донцами от горшков или кувшинов. Кубки - двух типов. К первому принадлежат относительно тонкостенные сосуды, сформованные из глины среднего качества с включением песка. Цвет черепка в изломе кирпично-красного цвета, толщина до 0,5 см. Поверхность шероховатая, коричневого цвета. Более тщательно обработана внутренняя ее часть. Закраина слегка отогнута. Диаметр венчика до 15 см (рис. 3А, 4). Ко второму типу относятся относительно толстостенные сосуды (толщина черепка до 0,8 см), сформованные из глины аналогичного качества. Поверхность с обеих сторон покрыта ангобом черного цвета. Закраина загнута вовнутрь. Диаметр 10 см. Судя по имеющимся фрагментам, кубки имели стакановидную форму с плоским дном и плавным переходом тулова от верхней части к нижней (рис. 3А, 5). Что касается вышеупомянутых донц, то все они изготовлены из глины достаточно высокого качества, хотя среди них встречаются и пережженные до черноты и с неравномерным обжигом. Все эти изъяны указывают на местное производство керамической продукции (рис. 3А, 2, 6-9, 11). Отметим, что посуды с различными прочерченными знаками, как на тулове, так и на донцах здесь встречается гораздо больше, чем в нижнем слое (рис. 3А, 6-9, 11).

Керамика верхнего слоя наиболее многочисленна и разнообразна по ассортименту. Вся она сформована на круге быстрого вращения и представлена хумами, мисками, чашами, пиалами, горшками, кувшинами, кубками, бокалами, флягами. Хумы формировались из хорошо отмученной глины, как правило, равномерного обжига, хотя встречаются и пережженные черепки. По форме венчиков их можно разделить на два типа. К первому типу относятся сосуды с подпрямоугольным в сечении венчиком, профилированным наружу. Поверхность лессового цвета. Днище плоское, дос-

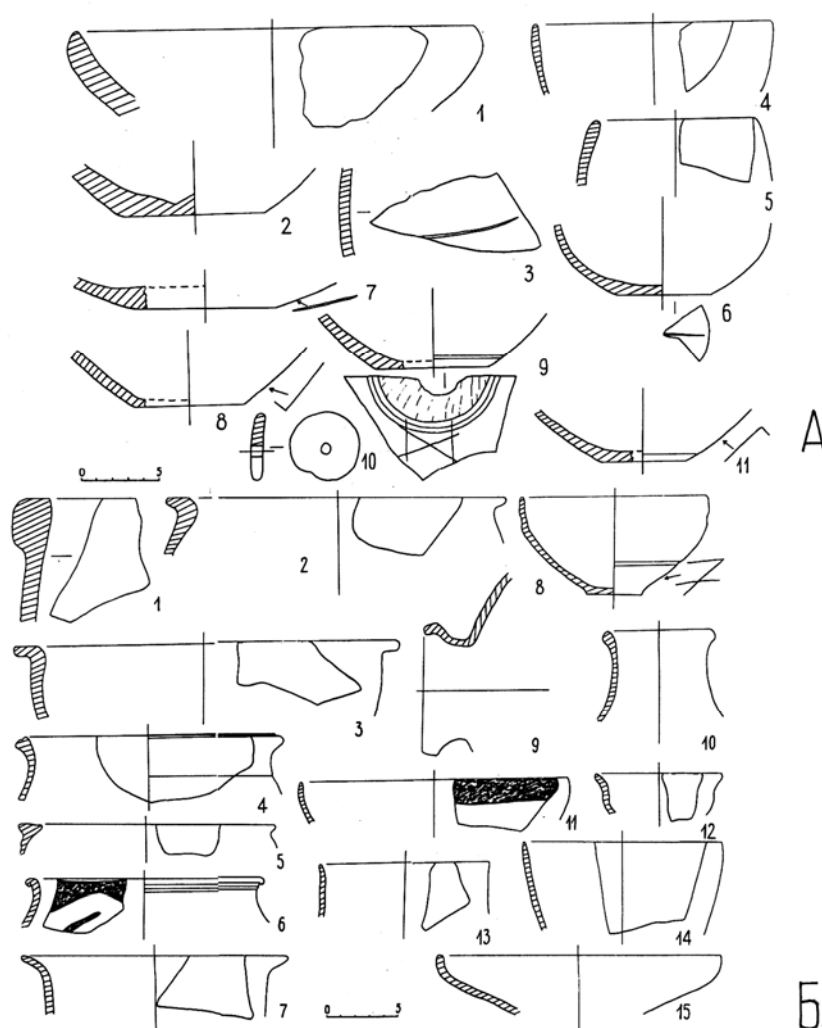

Рис. 3

таточно хорошо заглаженное. Диаметр венчика достигает 45 см и более, днища от 20 см и более (рис. 3Б, 1). Ко второму типу относятся хумы с загнутой вовнутрь закраиной. Венчик овальный в сечении и отделяется от тулова глубокой ложбинкой и рельефным пояском. Судя по целому экземпляру, они яйцевидной формы, без шейки (Грицина, Хужаназаров, Мирзаахмедов, Рахимов, 2000, с. 81, рис. 2). Сосуды типа горшков отличаются разнообразием оформления венчиков. Глина плотная, равномерного обжига. Поверхность тщательно обработана, коричневого цвета. Но встречаются сосуды, покрытые плотным черным ангобом (рис. 3Б, 2-7). Чаши изготовлены из глины высокого качества, без посторонних примесей и делятся на два типа. К первому типу относятся тонкостенные сосуды полусферической формы, покрытые с обеих сторон ангобом красно-коричневого цвета. Толщина черепка до 0,3 см. Такие чаши обычно украшались с тыльной стороны полосой черного ангоба ниже закраины. Второй тип - это относительно толстостенные сосуды с S-образным в сечении изгибом тулова. Толщина черепка до 0,6 см. Чаши с обеих сторон покрывались ангобом коричневого цвета. Украшением служила светлая полоска ангоба ниже венчика (рис. 3Б, 15). У более мелких по размерам сосудов закраина отделяется от тулова ложбинкой. Некоторые чаши закопчены, видимо, в них готовили пищу. К разряду чаш, вероятно, следует отнести и цилиндрико-конические сосуды с выделенным основанием, которые точнее назвать чашевидными кубками. У археологически целого сосуда цилиндрическая часть отделяется от конической ложбинкой. Поверхность с обеих сторон покрыта ангобом коричневого цвета. В нижней части сосуда прочерчен крестообразный знак, которые обычно относят к числу солярных символов (Грицина, 1984, с. 85-88). Пиалы имеют в сечении S-образный изгиб тулова. Тесто более грубое, чем у чаш. Поверхность темно-коричневого цвета, со следами копти (рис. 3Б, 12). Кувшины формовались из хорошо промешанной глины без посторонних включений. Черепок тонкий (до 0,4 см толщиной). Венчик профилирован наружу. Горловина довольно четко отделяется от тулова. Поверхность покрыта плотным ангобом темно-коричневого цвета (рис. 3Б, 10). Бокалы представлены двумя типами: с относительно широким резервуаром (диаметр 12-14 см) и узким резервуаром (диаметр венчика до 7-8 см). Первый тип подразделяется на два подтипа: с цилиндрической или конической верхней частью (рис. 3Б, 13-14). Сосуды покрывались ангобом коричневого или черного цвета. Бокалы с узким резервуаром представлены фрагментами тулова. Внешняя сторона покрыта ангобом и украшена вертикальным полосчатым лощением. В комплексе имеется также венчик кубка. Фляги представлены единственным экземпляром (рис. 3Б, 9).

Датировка комплексов

Как отмечалось выше, нижний слой включал жилище полуземляночного типа, видимо, овального или округлого в плане. По этнографическим данным, жилища полуземляночного типа лишь частично углублялись в землю, в отличие от землянок. Следовательно, при раскопках полуземлянок могут фиксироваться остатки стен и стоек, поддерживающих кровлю. К сожалению, полностью раскопанных полуземлянок интересующего нас времени известно немного, а раскопанных *in situ* и того меньше. Тем не менее, полуземлянка с остатками ямок из-под столбов раскопана под архитектурным комплексом на городище Дальверзинтепе в Сурхандарье. Жилище датируется III в. до н.э. Яма «представляла полуземлянку типа своеобразного жилища капа, распространенного до недавнего времени в южных районах Таджикистана и Узбекистана» (Ртвеладзе, 1978, с. 75, 146). Традиции использования

жилищ полуземляночного типа тянутся с эпохи бронзы и раннего железа и связаны с носителями культуры лепной расписной керамики. В Центральном Согде подобные жилища обнаружены на городище Коктепе под Челеком в Самаркандской области (Исамиддинов, Рапен, 1999, с. 71, 73), а также во многих пунктах Западного и Южного Согда (Сагдуллаев, 1987; Лушпенко, 1990, с. 24-28; Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 113-131; Мухамеджанов и др., 1990, с. 161). В Чаче подобные жилища характерны для бургулюкской культуры (Дуке, 1982, с. 19-43), в Фергане для чустской (Заднепровский, 1962), Уструшане нуртепинской культур (Негматов, Беляева, Мирбабаев, 1982; Грицина, 1992, с.22).

Для обоснования датировки нижнего слоя прежде всего привлечем материалы сельских поселений Согда и соседних областей. В Южном Согде полностью раскопано раннеантичное поселение полуземляночного типа Курганча близ Карши. Здесь отмечено три этапа обживания. Бургуттепинский керамический комплекс наиболее близок к раннему этапу. В отличие от нашего комплекса, здесь явно преобладает станковая посуда, тогда как лепная составляет всего лишь около 18% (Хасанов, 1991, с. 57). Это объясняется близостью городов и сильным влиянием городской культуры. Некоторые типы цилиндро-конических и тарных сосудов также характерны для производства именно в городских центрах. Что касается Бургуттепинского поселения, то в данный период оно было довольно слабо связано с носителями городской культуры. Населенные пункты на месте Бухары, Пайкенда и Варахши начали складываться приблизительно одновременно с поселением в Кармана (Мухамеджанов, Мирзаахмедов, Адылов, 1982, с. 81-84, 95; Мухамеджанов, Адылов, 1987, с. 78-80; Мухамеджанов и др. 1988, с. 148-152), а Еркурган и Мараканда (Самарканд) находились слишком далеко. Что касается поселения Курганча, то нижний его комплекс отнесен к первой половине IV-III вв. до н.э. (Хасанов, 1991, с. 56, 61).

В Уструшане обнаруживается явное сходство не только в груболепной, но и в станковой посуде. В частности, здесь нет сосудов с резким перегибом тулова. Кубки, как лепные, так и станковые, также имеют плавную линию перегиба стенок. Очень похожи миски с оттянутым краем. Подобная посуда здесь датируется VI-III вв. до н.э. (Негматов, Беляева, Мирбабаев, 1987, с. 312-331; Буряков, Грицина, 1989, с. 40-45). Что касается станковой керамики, то аналогичные миски с оттянутым венчиком, кубки встречаются в раннеантичных слоях (Исамиддинов, Сулейманов, 1984, с. 35-36, рис. 18). По уточненной хронологии они датируются временем ЕК - 4-6, то есть - V-III вв. до н.э. (Сулейманов, 2000, с. 162-165). Определенные аналогии наш комплекс находит в керамике времени Афрасиаб II (Шишкина, 1974, с. 39, рис. 5, с. 48; Иваницкий, 1992, с. 27, рис. 5, с. 36, рис. 8). В Хорезме схожие комплексы датируются первой половиной V в. до н.э., хотя лепные сосуды с ручками-упорами встречаются довольно редко (Воробьева, 1973, с.128, рис. 37, с.130-131, рис. 38, с.138-139).

Таким образом, нижний слой раскопа 5 можно предварительно датировать IV-III вв. до н.э. Ограниченность материалов не позволяет пока уточнить датировку, однако не исключается и изменение ее в сторону некоторого углубления. Что касается керамики среднего (второго) слоя, то по качеству изготовления и форме она мало отличается от керамики нижнего слоя и по времени не слишком удалена от посуды нижележащего слоя. Учитывая отсутствие в этом слое бокалов и аналогии с материалами комплекса Афрасиаб II (Шишкина, 1974, с. 40, рис. 6), его можно датиро-

вать III-II вв. до н.э. Посуда верхнего слоя, как отмечалось выше, отличается многообразием форм. Здесь уже широко используются не только кубки, но и бокалы. В целом этот комплекс сопоставим с материалами времени Афрасиаб III (Шишкина, 1969, с. 230, рис. 3, с. 238; Кабанов, 1973, с. 54, 60; Лебедева, 1990, с. 54; Мухамеджанов и др., 1982, с. 84-86, рис. 1; Буряков, Грицина, 1994, с. 63-66).

С этим слоем связана находка остатков кубурной линии и целого хума. Кубуры сформованы на гончарном круге из глины с примесью песка и слюды, которая при соответствующем освещении придает поверхности характерный блеск. Ангобом покрыта только внутренняя, ребристая часть изделия. Диаметр выходного отверстия 19 см. Учитывая, что кубурная линия и хум были опущены в нижележащий слой, по сопровождающему материалу и морфологическим особенностям самого хума, данную кубурную линию можно датировать рубежом н.э. Подобные хумы этого времени известны по раскопкам в Западном Согде (Мухамеджанов и др., 1982, с. 82, рис. 1; Сулейманов, Ураков, 1977, с. 58). Кубуры раннеантичного времени известны по раскопкам в Центральном Согде. Однако по способу изготовления и размерам наши трубы ближе к кубурам архаического и раннеантичного времени из Елхараса в Хорезме (Левина, 1991, с. 127-129, рис. 45). На данный момент это древнейшая кубурная линия, найденная в Западном Согде. В целом керамический комплекс верхнего слоя укладывается в рамки второй половины II в. до н.э. - I в. н.э., а по шкале, разработанной для городища Еркурган, - к этапу ЕК-8-9 (Сулейманов, 2000, с. 169-172, рис. 102-107).

Таким образом, археологические исследования, проведенные на городище Буркуттепе, подтвердили наши выводы о том, что Кармана является одним из древнейших согдийских городских пунктов. Несомненно, что основали поселения осевшие на землю первые «карманинцы», возводившие свои примитивные жилища - полуземлянки в IV-III вв. до н.э., а, возможно, и несколько раньше. Основание посёлка карманинцев по времени совпадает с основанием аналогичных поселений на месте Пайкенда, Бухары, Варахши и Рамиша. В более позднее время прослеживаются тесные связи с крупнейшими городскими центрами Центрального и Южного Согда.

Литература

- Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан. Соч. т. VIII. М., 1973.
Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. М., 1973.
Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. Античные памятники Северной Уструшаны // ОНУ, 1989, № 7.
Буряков Ю.Ф., Грицина А.А. К открытию античного ядра Заамина // ОНУ, 1994, № 8.
Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме. М., 1973.
Грицина А.А. К семантике знаков на керамике каунчинской культуры // ИМКУ. Вып. 19. Ташкент, 1984.
Грицина А.А. Археологические памятники Сырдарьинской области. Ташкент, 1992.
Грицина А.А., Хужаназаров М., Мирзаахмедов Д.К., Рахимов К. Археологические исследования Карманинского отряда в 2000 г // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Самарканд, 2000.
Дукс Х. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.
Заднепровский А.Ю. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л., 1963.
Иваницкий И.Д. Саратепе - поселение керамистов середины I тысячелетия до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992.
Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган. Ташкент, 1984.
Исамиддинов М.Х., Рапен К. К стратиграфии городища Коктепа // ИМКУ. Вып. 30. Самарканд, 1999.
Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. II.

- Ташкент, 1974.
- Лебедева Т.И. Керамика Афрасиаба // ОНУ. 1990, № 8.
- Левина Л.М. Елхарас // Древности Южного Хорезма. М., 1991.
- Лушпенко О.Н. К истории изучения поселений раннежелезного века долины Кашкадарьи // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
- Манылов Ю.П. Отчет о работах в Навоийской области в 1986 г. Архив ИА АН Узбекистана. Самарканд, 1987. С. 171, 173, рис. 19.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д.К., Адылов Ш.Т. Керамика нижних слоев Бухары // ИМКУ. Вып. 17. Ташкент, 1982.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т. Городские памятники низовьев Зарафшана в IV в. до н.э. VIII в. н.э // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987.
- Мухамеджанов А.Р., Мирзаахмедов Д., Адылов Ш., Вульферт М. Результаты исследования археологических памятников Варахшинского массива // Археологические работы на новостройках Узбекистана. Ташкент, 1990.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. Ташкент, 1988.
- Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи поздней бронзы и раннего железа Нуртепа // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). Душанбе, 1982.
- Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. Начало исследований городища Нуртепа // АРТ. Вып. XX. Душанбе, 1987.
- Ртвеладзе Э.В. Храм в северной части Дальверзинтепе // Дальверзинтепе. Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
- Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного городища селения Рамиш // ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Ташкент, 2000.
- Хасанов М. Лепная керамика поселения Курганча // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991.
- Хужаназаров М., Грицина А.А., Мирзаахмедов Д.К. Археологические исследования Карманинского отряда // Археологические исследования в Узбекистане 2001 год. Ташкент, 2002.
- Шишкина Г.В. Материалы первых веков до н.э. из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969.
- Шишкина Г.В. Керамика конца IV-II вв. до н.э. (Афрасиаб II) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974.

"СКОРПИОН ИЗ АЛТАРЯ"

В 1980 г. в ходе раскопок Узбекистанской искусствоведческой экспедиции на цитадели Дальварзинтепа, С.А. Курбановым (Савчуком) в завале стены в пом. 12 на раскопе ДТЦ-3 была найдена миниатюрная база или подставка, выточенная из известняка [Курбанов 1999, с. 45]. Микробаза имеет высоту 8 см, размеры основания в виде квадратного плинта 10,8x10,9x10,4x10,5 см. Верхняя часть имеет форму уплощенного тора диаметром 10,2 см, выточенного на станке. В нижней части основания выточен желоб, образующий две параллельные ножки, имеющие на торцах рельефное оформление. По центральной оси проходит сквозное отверстие, округлое в верхней части и квадратное в нижней. Край одной ножки отбит в древности; на поверхности микробазы сохранились следы красной краски, нанесенной на нее уже после повреждения. На плоской боковой поверхности одной из ножек острым инструментом нанесено изображение скорпиона, обращенного вправо, с вытянутыми вперед педипальпами и загнутым на конце хвостом. Общая длина изображения 9,2 см. Рисунок схематичный и явно непрофессиональный, однако на нем вполне узнаваемо переданы характерные особенности данного представителя класса паукообразных: клешни, четыре пары ног и хвост.

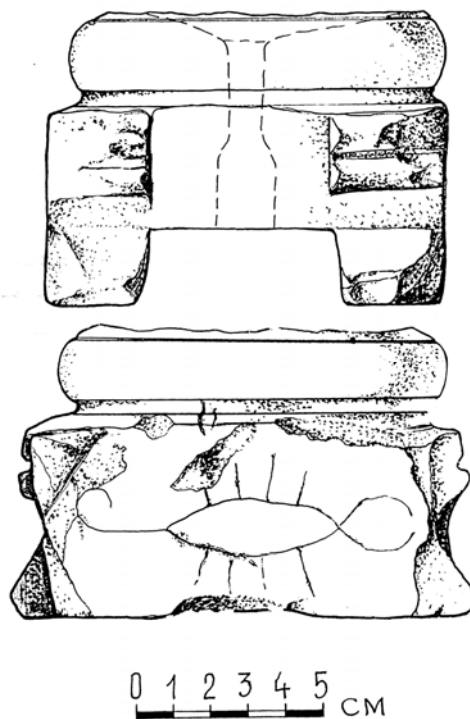
Аналогичные дальварзинской микробазе базы-подставки найдены при раскопках в Ай-Ханум [Francfort 1984, p. 81, pl. 28: В 2, В 9, pl. XXXVI: В 2, В 4, В 9], что дает дату II в. до н.э., и на Илонтёпа в Сурхандарьинской области [Пугаченкова 1973, с. 88, рис. 9]. А.-П. Франкфор называет их маленькими подставками, имитирующими форму греческой скамьи с возвышающимся над ней тором.

Дальварзинская база найдена на глубине 40 см от дневной поверхности, в кладке упавшей стены жилого комплекса, который автор раскопок датировал в широких пределах V-VIII вв. [Курбанов 1999, с. 50] (скорее всего, речь должна идти о VI-VII вв.). По-видимому, древний предмет был найден при рытье ям во время строительства жилья на руинах цитадели (напомним, что строительство укрепления, ставшего в кушанский период основой цитадели Дальварзинтепа, относится к греко-бактрийскому периоду). Конечно, трудно сказать, когда на микробазу было нанесено изображение скорпиона - вскоре после ее изготовления или в раннем средневековье, когда ее использовали вторично. Можно лишь предположить, что изображение уже было на микробазе, когда ее нашли; и это могло послужить причиной, по которой предмет замуровали в стену, скорее всего, в качестве оберега, охраняющего дом от вредных созданий.

В связи с этим уместно вспомнить приводимые Беруни данные о восходящем к доисламскому празднику Муждгиран так называемом "дне писания записок", когда простой люд писал записки и наклеивал их на стены домов, чтобы уберечься от укусов насекомых, и особенно скорпионов [Антонова 1984, с. 224, прим. 15]. По всей вероятности, с магией подобного рода мы и имеем дело на Дальварзинтепе.

Как бы то ни было, несомненно одно - скорпион изображен на votivном предмете, служившем первоначально для оформления алтарной ниши, или использовавшемся в качестве подставки под небольшую статуэтку, переносной алтарь или курильницу. Если изображение скорпиона было вырезано в период использования

микробазы по прямому назначению, т.е. в первых веках до н.э., то оно является, кажется, едва ли не единственным в Средней Азии изображением подобного рода, относящимся к античному периоду. В период раннего средневековья подобные изображения также неизвестны, если не считать встречающиеся в Средней Азии сасанидские геммы, а также керамическую печать из Кувы с сомнительным (судя по опубликованной иллюстрации) изображением пары скорпионов у дерева [Булатова 1972, с. 28, рис. 7]. Кроме этого, можно упомянуть знаки-тамги раннесредневекового периода, происхождение которых некоторые специалисты связывают с изображением скорпионов [Ртвеладзе, Ташходжаев 1973, с. 234; Смирнова 1981, с. 23]. Несмотря на редкость реальных изображений, существование в среднеазиатском ковроделии и вязании XIX-XX вв. мотива под названием "скорпион" [Андреев, 1928, с. 19, 23, табл. II: 14; Фахретдинова, 1972, с. 17] может означать, что на протяжении веков этот сюжет мог встречаться на не дошедших до нас изделиях декоративно-прикладного искусства.

Образ скорпиона имеет древнюю и сложную семантику, в которой тесно переплелись различные представления о нем: скорпион—хтоническое существо, сопровождающее богов потустороннего мира, мира магии и темных сил природы; он - символ плодovitости, связанный с божествами плодородия и органами воспроизводства; кроме того, он является символом одного из зодиакальных созвездий. Эти характеристики часто сочетались и переходили друг в друга.

Обширный комплекс представлений, связанных с образом скорпиона, существовал в самых различных древних традициях. Однако объем статьи не позволяет нам рассматривать их подробно. Отметим лишь, что скорпион был символом переднеазиатской богини Ишхары (идентифицированной с богиней Иштар) и египетской Серкет; скорпионы вместе со змеями сопровождали западносемитского демона-врачевателя Шадрату, культ которого засвидетельствован с середины I тыс. до н.э.; скорпионов и змей можно видеть на каменном рельефе из Хатры II-III вв. н.э., на котором изображен ассирийский бог Нергал [МНМ 1991, с. 595-596; МНМ 1992, с. 429, 636; Rosenfield 1967, p. 170, fig. 143; The Oasis and Steppe 1988, pp. 46, 189]. Изображения скорпионов встречаются на изделиях IV-II тыс. до н.э. - печатях (Джемдет-Наср, Урук, Сузы, Хабуба Кабира, Тепе Хиссар, Шахри-Сохта, Тепе Яхья, Тепе Гиян) и керамике (Сиалк, Сузы) [Сарианиди, 1976, с. 66; Сарианиди, 1977, с. 92; Антонова, 1984, с. 63, 156, 158, 171; Антонова, 1990, с. 234, 235; The Sea Route 1988, pp. 31, 165]. Скорпион помещался на печатях Хараппской культуры (по мнению В.М. Массона, как наследие тотемистических представлений, по мнению других исследователей, в качестве символа созвездия), а также был атрибутом некоторых из ипостасей Шивы Вирахадры и Агхоры [Массон, 1964, с. 384; Волчок 1972, с. 287-289]. В греческой мифологии скорпион был связан с мифом об Орионе

[Аполлодор, 1972, с. 130, прим. 9; Палефат, 1988, с. 232]. Этот список можно было бы продолжить.

Существование представлений, связанных со скорпионом, на юге Средней Азии в эпоху бронзы демонстрируют печати из Маргианы и Бактрии [Сарианиди, 1976, с. 51; Сарианиди, 1977, с. 92; Сарианиди, 2002, с. 271, 279; Антонова, 1984, с. 149]. В.И. Сарианиди пишет, что скорпионы, встречающиеся на печатях Южной Бактрии и Маргианы, символизируют идею всеобщей плодовитости, так как на месопотамских печатях они часто сопровождают эротические сцены, а кроме того, он предполагает, что ведущие ночной образ жизни членистоногие могли олицетворять устрашающие, тайные, порой смертоносные силы природы. На территории Афганистана и Средней Азии, смежные с Северо-Восточным Ираном, мотив проник из Юго-Западного Ирана, а в опосредованной форме из Месопотамии, в середине II тыс. до н.э. [Сарианиди, 1977, с. 92].

Кроме печатей, нам известно еще одно изделие из Бактрии, которое, по-видимому, можно датировать эпохой бронзы. Речь идет о золотом ожерелье с тремя подвесками в виде инкрустированных бирюзой и агатами скорпионов, выполненным в реалистической манере. Оно хранится в частной коллекции (г. Карлсруэ, Германия), демонстрировалось на выставке "Наследники шелкового пути: Узбекистан" в штутгартском Линден-Музее и опубликовано в каталоге этой выставки [Кальтер, Павалой, 1997, с. 50, илл. 58]. Датировка в публикации отсутствует, однако техника изготовления этого ожерелья, так же, как и второго украшения из той же коллекции [Кальтер, Павалой 1997, с. 50, илл. 59], очень близка к золотому ожерелью с тремя подвесками в виде змеиных голов, найденному в одном из погребений в некрополе Гонура в Южной Туркмении [Сарианиди 2002, с. 108, 116].

После гибели цивилизаций эпохи бронзы на юге Средней Азии, изображения скорпионов практически исчезают, по-видимому, вместе со связанными с ними представлениями. Однако, вместе с древним субстратом доиранского населения, некоторые отголоски бывшего почитания скорпиона могли сохраниться и в ираноязычной среде. Хотя для зороастрийской традиции данный образ однозначно отрицателен и относится к сонму "храфстра", показательна популярность его на сасанидских геммах, которые были распространены и в Средней Азии [Gignoux, Gyselen 1987, pl. X: 30.99-30.103, 30.110; pl. XIII: 8, pl. XX: 30.52; Gyselen 1993, pl. XIX: 30.E.6, 30.E.25, pl. XX: 30.E.47, 30.E.48, 30.E.53, 30.E.62-64, pl. XXX: 30.T.1-17, pl. XXXVI: 33.57, pl. XLII: 50.B.5]. Обычно эти изображения причисляют к астральным символам, знакам Зодиака [Берзина, 1998, с. 19]. А.Я. Борисов и В.Г. Луконин отмечают, однако, что изображения скорпионов на сасанидских резных камнях вряд ли были "просто символом созвездия, поскольку созвездия считались 'добрыми', 'благими' божествами" [Борисов, Луконин, 1963, с. 35], а Р. Жислен подчеркивает, что скорпионы на геммах имеют в определенном контексте позитивный аспект [Gyselen, 1993, p. 51].

Геммы рассматриваемой группы, по-видимому, служили амулетами, оберегами. Ношение подобного амулета помогало не только тем, кто рожден под зодиакальным знаком Скорпиона, но также должно было оберегать любого человека от яда распространенного в Средней Азии членистоногого (среди населения Ташкента и Ферганской долины до сих пор сохранилось табуирование, согласно которому скорпиона называют "оти йок" "безымянный", так как считается, что если назвать по его имени "чаен", он услышит и приползет).

Принцип действия амулета - исцеление "подобного подобным" - напоминает об известной библейской истории о Медном змее: во время скитания по пустыне после исхода из Египта много людей погибало от яда "огненных змеев", и для спасения от этой напасти Моисей изготовил, по наущению бога, медного змея, которого выставил на знамя, и "когда змей жалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив" [МНМ 1992, с.131-132]. По-видимому, в результате постепенного развития образ скорпиона трансформировался в символ, своим грозным жалом отвращающий вообще всякое зло, то есть стал одним из универсальных апотропеических знаков.

Скорпион - один из постоянных спутников Митры в западном митраизме, участник тавроктонии [Кюмон, 2000, с. 178] (отметим, что сцене убийства Митрой быка некоторые ученые предлагают астрономическую интерпретацию, в которой животные и предметы символизируют соответствующие созвездия [Barton, 1994, pp. 201-202]). Исследования А.Д.Х. Бивара, посвященные проблеме взаимоотношения римского митраизма и культа Митры у ираноязычных народов, позволили ему сделать важные заключения о существовании митраизма как религиозной системы ("эзотерический митраизм"), проявившей себя, в частности, в митраизме Римской империи [Bivar, 1979; Bivar, 1988; Бивар 1991; Бивар, 1998, Bivar, 1998]. Л.А. Лелеков высказывал мнение о характерном для юга Средней Азии почитании Митры, а Ф. Грене интерпретировал как изображение Митры знаменитую бамианскую роспись [Лелеков, 1985, с. 59; Грене 1993, с. 153-156]. Можно предположить, что изображения скорпионов, в частности, на геммах, могли быть связаны с реликтами дозорастрийского культа Митры в ирано-среднеазиатском регионе [Ильясов, Мкртычев, 1999, с. 13-14].

Пример позитивной символики дает сасанидская гемма из Королевского музея искусств и истории (Брюссель), на которой скорпион представлен в обрамлении пары крыльев, обычно сопровождающих портреты и монограммы [Gignoux, Gysselen, 1987, p. 258, MCB 30.51, pl. XX; Splendeur des Sassanides 1993, pp. 288-289]. К сасанидской глиптике относят еще одну гемму, на которой представлены человек, скорпион, змея, ворон, петух и собака [SPA 1938, pl. 256, s]; по нашему мнению, здесь показаны Митра и известные по множеству изображений западного митраизма его спутники, помогающие ему в жертвоприношении быка.

Таким образом, дальварзинтепинская находка может рассматриваться либо как один из редких следов митраистской символики в Средней Азии первых веков до н.э., либо как свидетельство магических обрядов предисламского времени. Не исключено, что митраистская окраска могла сохраняться и в раннем средневековье; известны найденные в Иране бронзовые амулеты X - начала XI в. с арабографическими надписями и изображениями митраистских символов: льва, скорпиона, змеи и львиноголового персонажа [Bivar 1998, p. 53-54, fig. 36 a, b, fig. 37 a, b].

Литература

- Андреев М. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928.
Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984.
Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
Аполлодор. Мифологическая библиотека. Перевод и примечания В.Г. Боруховича. Л., 1972.
Берзина С.Я. Сасанидские анэпиграфные геммы в Средней Азии // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. М.,

1998, с. 18-20.

Бивар А.Д.Х. . Митра и Серапис // Вестник древней истории. М., 1991, № 3, с. 52-63.

Бивар А.Д.Х. . Платон и митраизм // Вестник древней истории. М., 1998, № 2, с. 3-18.

Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. Л., 1963.

Булатова В.А.. Древняя Кува. Ташкент, 1972.

Волчок Б.Я.. Протоиндийские божества // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. II. Proto Indica: 1972. М., 1972, с. 246-304.

Грене Ф. Знание Яштов Авесты в Согде и Бактрии по данным иконографии // Вестник древней истории. М., 1993, № 4, с. 149-160.

Ильясов Дж.Я. , Мкртычев Т.К. К интерпретации образа скорпиона на сасанидских геммах // Древние геммы и камни Востока. Тезисы докладов конференции. М., 1999, с. 13-14.

Кальтер Й., Павалой М. Наследники Шелкового пути: Узбекистан. Каталог выставки. Штутгарт-Лондон, 1997.

Курбанов С.А. Археологическое изучение раннесредневековых слоев в восточной части цитадели городища Дальверзинтепа // Материалы полевых исследований УзИскЭ, вып. 3. Ташкент, 1999, с. 44-52.

Кюмон Ф. Мистерии Митры. С-Пб., 2000.

Лелеков Л.А. Вопросы интерпретации среднеазиатской короластики эллинистического времени // Советская археология. М., 1985, № 1, с. 55-60.

Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1964.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1, 2. М., 1991-92.

Палефат. О невероятном. Перевод В.Н. Ярхо // Вестник древней истории. М., 1988, № 4, с. 219-233.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, с. 78-128.

Ртвеладзе Э.В., Ташходжаев Ш.С. Об одной тюркосогдийской монете с христианским символом // Византийский временник, т. 35, 1973, с. 232-234.

Сарианиди В.И. Печати-амулеты мургабского стиля // Советская археология. М., 1976, № 1, с. 42-68.

Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат, 2002.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.

Фахретдинова Д.А. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. Ташкент, 1972.

Barton T. Ancient astrology. London New York, 1994.

Bivar A.D.H. Mithraic images of Bactria: are they related to Roman Mithraism? // U. Bianchi (ed.), Mysteria Mithrae. Leiden, 1979, pp. 741-751.

A.D.H. Bivar. An Iranian Sarapis // Bulletin of the Asia Institute, vol. 2. Detroit, 1988, pp. 11-17.

Bivar A.D.H. The Personalities of Mithra in Archaeology and Literature. New York, 1998.

Francfort H.-P. Fouilles D'Ai Khanoum. III. Le sanctuaire du temple a niches indentees. 2. Les trouvailles. Memoires de la Delegation archeologique francaise en Afghanistan, tome 27. Paris, 1984.

Gignoux Ph., Gyselen R. Bulles et sceaux sassanides de diverses collections (Studia Iranica, cahier 4). Paris, 1987.

Gyselen R. Catalogue des sceaux, camees et bulles sassanides de la Bibliotheque Nationale et du Musee du Louvre. I. Collection generale. Paris, 1993.

The Silk Road: The Oasis and Steppe Routes. The Grand Exhibition of Silk Road Civilizations. Nara, 1988.

Rosenfield J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley Los Angeles, 1967.

The Silk Road: The Sea Route. The Grand Exhibition of Silk Road Civilizations. Nara, 1988.

Splendeur des Sassanides. Bruxelles, 1993.

A Survey of Persian Art, vol. IV. London-New York, 1938.

ЮЖНЫЕ ЧАСТИ САМАРКАНДСКОГО СОГДА В ПЕРИОД ВКЛЮЧЕНИЯ В ИМПЕРИЮ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

До похода Александра в Среднюю Азию самаркандский оазис и сопредельные районы вплоть до Яксарта (Сырдарьи) входили в состав ахеменидской империи. Целью Александра при переходе Окса (Амударьи) было завоевание всех земель ахеменидской империи до ее северо-восточных окраин.

История Центральной Азии не знала столь масштабного похода ни по численности войск, ни по оснащенности самой передовой техникой, ни по опыту ведения войны.

Письменные источники хорошо освещают ход исторических событий во всех регионах, где вел войну сам Александр. Достаточно хорошо изучен ход событий и в окрестностях самаркандского Согда (Пьянков И.В., 1965, с.35-50; его же, 1970, с.32-48; его же, 1975; его же, 1982; История Узбекистана в источниках, 1984, с.224). Если сопоставить сведения письменных источников с археологическими данными, то можно восстановить картину исторических событий более полно.

Вскоре после переправы через Амударью Александр берёт в плен Бесса. Посланный с этой целью крупный воинский отряд во главе с Птолемеем и осуществляет эту операцию. По другой версии, Бесс был захвачен представителем согдийской аристократии Спитаменом, который доставил закованного в цепи Бесса к Птолемею (История Узбекистана в источниках, 1984, с.76). В то же время Александр встретил яростное сопротивление различных племен и народов, проживавших в Согде, Бактрии и других соседних территориях (Пьянков, 1970, с.32-48).

В своем завоевательном походе Александр беспощадно опустошал все селения на своем пути. На территории Бактрии он реквизирует у местного населения большое количество лошадей и двинулся в сторону столицы Согда - Мараканды (Самарканда) (Арриан, III, 30, 6). И хотя все источники сходятся в том, что взятие Мараканды было мирным, т.е. город был взят путем мирных переговоров, соседние селения все же были разорены и сожжены, по всей видимости, за участие их жителей в сопротивлении солдатам Александра на подступах к Маракаде (История Узбекистана в источниках, 1984, с. 76).

Самый ближайший путь из Наутаки в Мараканду шел через современный Китабский перевал, т.е. через перевал Тахта-Карача. Вместе с тем Наутака, упомянутая в описании военной компании Александра, локализуется разными авторами по-разному. В частности, М.Е. Массон, Р.Х. Сулейманов, М.Х. Исамиддинов отождествляли его с городищем Еркурган, расположенным в Каршинском оазисе (Массон, 1973, с. 3-11; Сулейманов, 1997, -36 с.; его же, 2000, с. 341; Исамиддинов, 1972, с. 15). Согласно другой точке зрения, Наутака локализуется в районе Кеша - Шахрисябза; сторонники этой точки зрения составляют большинство (Ртвеладзе, 1981, с.7-11; его же, 2002; Грене, 2002, с. 10-11; Рапен, Рахманов, 2002, с. 45-49).

Э.В. Ртвеладзе Наутаку локализует в районе Китаба-Шахрисябза; по его мнению, Александр переправился в Мараканд через Китабский перевал; это достаточно сложный путь, особенно для того времени (Ртвеладзе, 2002, с. 23). Следует учесть, что войско Александра Македонского состояло не только из пехоты, но и из боль-

шого количества кавалерии. Это подтверждают письменные источники, сообщающие, что «они на территории Бактрии реквизируют у местного населения лошадей». За войсками двигался обоз, состоящий из большого количества повозок для нужд армии и особенно для артиллерийских орудий (катапульт). Косвенным подтверждением наличия артиллерии может служить обнаруженное на территории Согда (в районе Дербента) Ш. Рахмановым каменное ядро (Grenet F., 2003, pp. 26-37). Как сообщает Диодор, артиллерия была изобретена около 400 г. до н.э. в Сиракузах (Дилье Г., 1934, с.87).

В любом случае путь Александра в Мараканду должен был пролегать не через перевал, известный сейчас под названием Тахта-Карача, а по степной дороге, именовавшейся еще в конце XIX века «Степью Искандара» (Дашти Искандар), через нынешнее селение Джам.

Селение Джам - это первый населенный пункт при въезде с южной стороны в Самаркандский оазис. На территории селения были найдены памятники эпохи бронзы (Аванесова, 2002, с.16-18; Avanesova N., Shaidullaev Sh., Erkulov A., 2001, p.61-71), там же имелись древние поселения и курганы времени Александра Македонского и его преемников (Абдуллаев, 2001, с. 11-13). Как показали разведочные работы последних лет, на территории кишлака Джам и его округи имеются археологические памятники, которые датируются в широких хронологических рамках от андроновской культуры до позднего средневековья (Бердимуратов, Раимкулов, Холматов, Франческини, Мантеллини, 2004, с.51-56).

Следующим населенным пунктом вдоль горной системы в сторону Самарканда было селение Сазаган и его округа, освоенные с эпохи неолита, а возможно, и ранее. В этом кишлаке в последние годы сотрудники узбекско-итальянской экспедиции обнаружили небольшое поселение раннеэллинистического времени - Бойсаритепа. Этот памятник располагается на естественном всхолмлении, какие встречаются в северных отрогах Зарафшанского хребта. В ходе археологического исследования выяснилось, что с раннего эллинизма и вплоть до II в. до н.э. здесь существовало поселение оседлого типа (Abdullaev, Franceschini, Raimkulov, 2004); около рубежа нашей эры эта территория была освоена кочевыми скотоводами (Бердимуратов, Раимкулов, Холматов, Франческини, Мантеллини, 2004, с. 51-56).

Далее в сторону Мараканды, как вдоль горной системы, так и по окраинам земледельческого оазиса, встречаются населенные пункты, выполнявшие в свое время и охранно-сторожевые функции. Самым ярким образцом памятников такого рода является Койтепа, расположенное в 8 км к юго-западу от селения Сазаган и на 10 км севернее селения Сарыкуль. Поселение окружено оборонительными стенами и имеет четкую квадратную форму. В центре донжон, также имевший квадратную форму. Подъемный керамический материал с поверхности тепа относится в основном к эллинистическому и античному периодам; в единичных случаях встречаются сосуды баночной формы, широко распространенной в середине I тысячелетия до н.э.

Что касается населенных пунктов от с. Джам до Самарканда, в первую очередь, бросается в глаза расположение памятников вдоль дороги на последовательно одинаковом расстоянии друг от друга (рис. I). В частности, расстояние от самого южного памятника Кумтепа до Койтепа равно 4,5 км, и от Койтепа до Баландтепа тоже 4,5 км. От Баландтепа до Яркутантепа 5 км и от Яркутантепа до следующего Безымянного тепа также около 4 км, то есть расстояние между пунктами кратно часово-

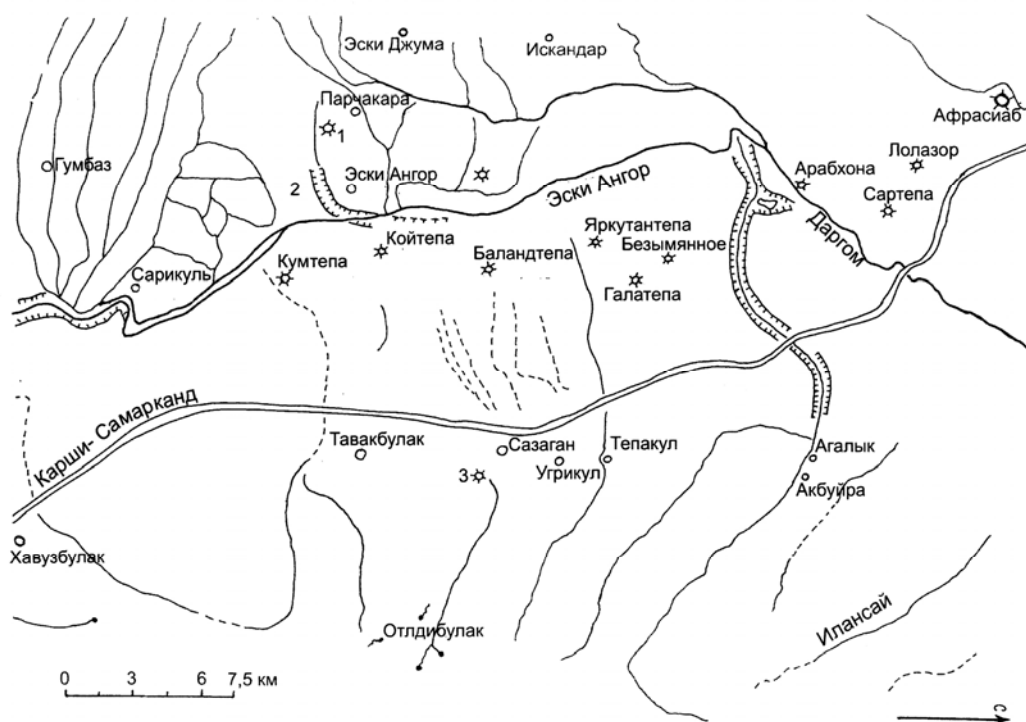

Рис.1. Юго-западные районы Самарканда.

Условные обозначения: 1. Безымянное тепа возле с. Парчакара. 2. Древняя дамба по сбору дождевых вод из горных саев. 3. Поселение эпохи эллинизма и курган Бойсаритепа в центре селения Сазаган.

му пешему переходу.

Возможно, между Безымянной тепа и Сартепой был еще один памятник, снесенный в недавнее время, из-за чего расстояние между ними составляет около 10,5 км. Как известно, расстояние от Сартепы до Афрасиаба 10-11 км, и если включить сюда поселение Лолазор, расположенное между Сартепой и Афрасиабом, то от южной окраины Самаркандского оазиса до центрального города оазиса Мараканды на каждые 4-5 км приходится населенные пункты, безусловно, носившие функции оборонительного характера. Конечно, собранные с поверхности тепа подъемные керамические материалы не всегда дают одинаковые синхронные даты, но мы считаем, что столь равномерное расположение памятников вдоль древней дороги не случайно.

Как известно, ахеменидские правители для улучшения связи между населенными пунктами огромной империи создали почтовую службу. Видимо, вышеотмеченные памятники, расположенные вокруг оазиса, кроме оборонительной функции, являлись своеобразными почтовыми «станциями» на дороге, связывающей огромные просторы ахеменидской империи.

По мнению Э.В. Ртвеладзе, «разветвленная сеть дорог с соответствующими станциями существовала в Ахеменидском государстве. Самой большой здесь считалась «царская дорога», общей протяженностью около 2400 км, через каждые 25-30 км располагались дорожные станции со служебными помещениями... Эту конную почту персы называют «ангарьетон» (Ртвеладзе Э.В., 1999, с.20).

Как уже отмечалось, степень освоенности Самаркандского Согда в канун похода войска Александра Македонского в Среднюю Азию была весьма высокой. Об этом

свидетельствуют проведенные дополнительные разведочные работы на археологических памятниках южных и юго-западных районов Самарканда.

Произведенные разведочные работы на левом берегу Зарафшана показали достаточно хорошую освоенность района. В частности, от Ургута до селения Джем было выявлено более 10 памятников с керамикой ахеменидского или доахеменидского времени, а более чем на 30 памятниках обнаружены слои эллинистического периода.

Здесь уместно привести сообщение античных источников, о том, что «Александр поручил одному из своих приближенных, Гефестиону, заселить города Согдианы» (Арриан, 1962, с. 147). Из этого сообщения можно заключить, что на территории Согды существовал не только один крупный город Мараканда, но были и другие населенные пункты городского типа.

Сам город Мараканда в канун ахеменидского завоевания имел внушительные размеры, простираясь в пределах четвертой стены, а его округа граничила на севере с поселением Курганча на территории современного Института археологии, а на юге доходила до Зоологического магазина в районе Регистана. Западная граница, по всей видимости, проходила близ селения Лолазор.

О густой заселенности Самаркандского Согды говорят и письменные источники. По потерям Александра под Самаркандом (2000 пехотинцев и 300 всадников), можно предположить, что местное ополчение должно было значительно превышать силы противника в численном отношении. Конечно, против войск Александра выступили и кочевники, живущие в окрестностях Согдианы.

Александр быстро оценил возникшую опасность и направил против Спитамена дополнительные силы, в результате чего общее количество убитых согдийцев в этом сражении по Диодору составило 120 тысяч человек (История Узбекистана в источниках, 1984, с.78). О большой численности населения свидетельствуют и археологические данные. Развитое хозяйство округа Мараканда, основанное на искусственном орошении, включая и использование запаса селевых вод, связано с особенностями климатического характера.

В эпоху раннежелезного века и даже в эпоху эллинизма климат Средней Азии, в частности, Самаркандского Согды, был относительно влажным, и, возможно, прохладным, в связи с чем горные речки и большие реки были более обводненными по сравнению с сегодняшним днем. Об этом свидетельствуют памятники, расположенные вдоль вышеотмеченной трассы.

В процессе разведочных работ в этом регионе установлено, что в настоящее время ни одна горная речка не доходит до памятников Кумтепа, Койтепа, Баландтепа, Якутантепа, Галатепе и других памятников, расположенных несколько ниже предгорий (рис.1). Вместе с тем эти селения могли существовать только при наличии воды из горных саев.

Как видно по представленной карте, в этой части Зеравшанских гор, в частности, на хребте Каратепе, совершенно отсутствуют ледники, из которых могла бы в жаркое время поступать вода. В настоящее время в этой части гор имеются несколько сухих русел горных речек, вода в которые поступает только во время больших селевых потоков, а в остальное время они питаются за счет родниковых вод. В частности, в верхних частях Сазагансая и Тавакбулака имеются постоянные источники родниковых вод.

О значительной степени обводненности горных речек в эпоху раннежелезного

века и эпохи античности говорят и ирригационные сооружения, расположенные западнее от Койтепа. Эти сооружения являются большими и длинными дамбами для сбора дождевых вод, спускающихся из горных и предгорных зон (рис. 1, 2). На рисунке 1 между памятником Койтепа и селением Эски Ангор под пунктом 2 представлена часть этого древнего водосборного устройства. Она расположена перпендикулярно к направлению русел горных саев.

Дамба задерживала воды горных саев и направляла их далее на запад; затем вода протекала по ложбине, образующей в своем нижнем течении (в районе селения Парчакара) глубокий овраг. О достаточном освоении этого района с древнейших времен свидетельствует обнаруженная возле памятника Безымьянное тепа (на карте этот пункт дан под №1) каменная цилиндрическая печать с изображением бегущей дикой козы, в которую летит стрела и фантастического животного с рогами быка, хвост которого приподнят, а на спине сидит всадник (?) (Исамиддинов, 2002, рис. 92 (фото), рис. 93 (прорисовка)).

Как известно, такие каменные цилиндрические печати известны по всему Древнему Востоку с эпохи бронзы; широко распространены и в эпоху ахеменидов (Сарианиди В.И., 1976, с. 42-68). Это лишний раз указывает на то, что территория Самаркандского Согда входила в сферу влияния древневосточной культуры и традиции.

В данной статье мы не ставим целью изучение семантики изображения на печати. Это тема отдельной статьи и мы лишь констатируем факт ее древнего происхождения.

На левом, высоком берегу реки Карадарья имеется поселение Лайлакуятепа, расположенное в конце ложбины (Вафаев, Иваницкий, 1992, с. 40-42). Несмотря на то, что поселение находится на берегу реки Карадарьи, население практически не могло использовать эту воду для орошения своих полей. Русло в этой части реки очень заглублено, в то время как орошаемые поля расположены высоко по отношению к уровню воды. Кроме того, орошаемые поля на левом берегу реки Карадарьи имеют постепенный подъем к югу в сторону гор.

Вместе с тем несколько южнее от Лайлакуятепа имеются выходы подземных родниковых вод. Но, как нам кажется, родниковыми водами невозможно оросить поля вокруг столь крупного поселения, поэтому мы считаем, что в эпоху раннежелезного века и даже в эпоху эллинизма до районов Лайлакуятепа доходили воды горных саев, особенно во время селевых потоков.

Таким образом, до сооружения канала Даргом окрестности Самарканда и прилегающие к нему районы питались водами горных саев и родниковыми водами. Все горные саи, особенно Агалыксай и Илансай являлись основным водным запасом для южных и юго-восточных районов Самарканда. Население умело регулировало протоки горных саев, сооружая дамбы и другие водораспределительные устройства.

Литература:

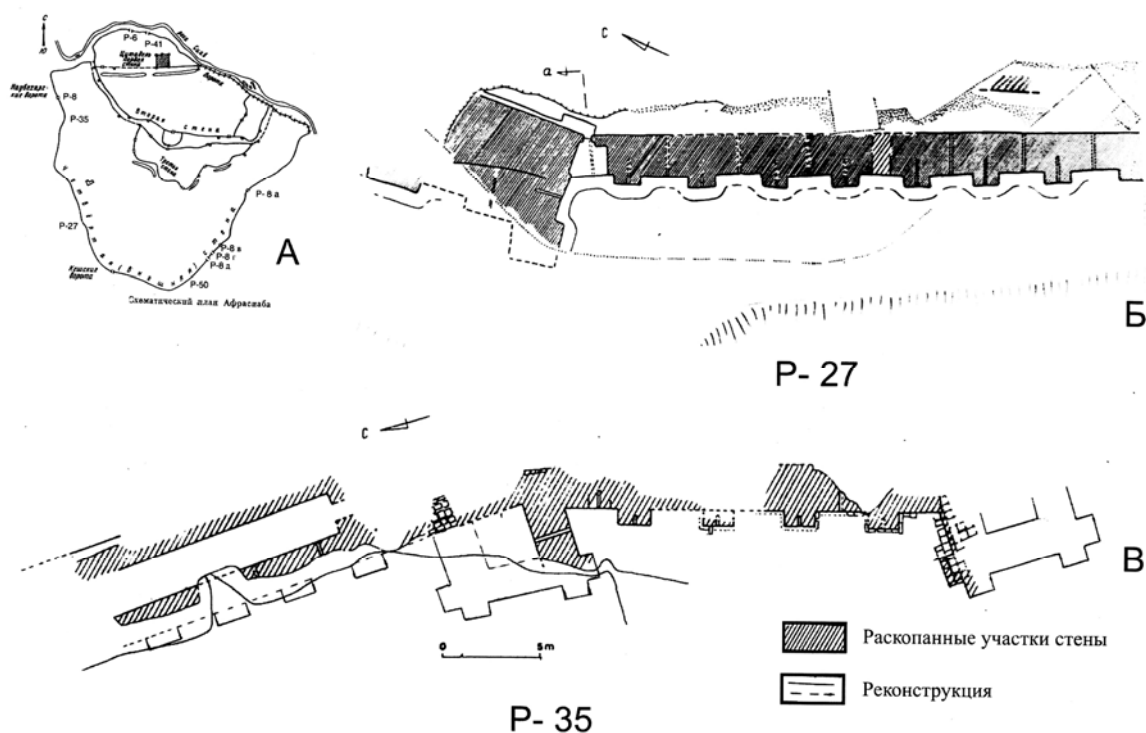
- Абдуллаев К.А. Тетрадрахма Антиоха I из кишлака Хаприн. Нумизматика Центральной Азии. №5, Ташкент, 2001, стр.11-13.
- Abdullaev K., Franceschini F., Raimkulov A. The Tetradrachm of Seleucos I from Sazagan region of Uzbekistan. CIAA Newsletter Issue// 19 Articles, pp. 10-13.
- Аванесова Н.А. Межкультурные взаимодействия степного населения Евразии и урбанизированных земледельцев Средней Азии // Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы, традиции и современность. Тезисы докладов Международной научной конференции. Самарканд. 2002, с.16-

- Avanesova N., Shaidullaev Sh., Erkulov A. Djam-ein neuer bronzzeitlicher Fundort in der Sogdiana. AMIT. Band 33. Berlin, 2001. P.61-71
- Арриан. Поход Александра. Перевод с древнегреческого М.Е.Сергеевко. М.-Л., 1962. - 384 с.
- Бердимуратов А., Раимкулов А., Холматов Н., Франческини Ф., Мантеллини С. Результаты исследований узбекско-итальянской экспедиции в Самаркандской области. Археологические исследования в Узбекистане в 2003 году. Ташкент, 2004, с. 51-56.
- Вафаев Г.А., Иваницкий И.Д. Лайлакуята—раннеантичное сельское поселение Самаркандского Согда // ТД конф.молод.учен.респ. «Узбекистон қадимда ва урта асрларда», Самарканд, 1992, с. 40-42.
- Грене Ф. Заметки о топониме Наутака. Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Халқаро илмий конференция маърузалари тезислари. Тошкент, 2002, 10-11 бет.
- Grenet F. Old Samarkand nexus of the ancient world. Archaeology Odyssey. September-October. 2003, p. 26-37.
- Дилье Г. Античная техника. ОНТИ. М.-Л., 1934, - 215 с.
- Исамиддинов М.Х. К вопросу о локализации древнейшей столицы Южного Согда // Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. М., 1972. Т. II. С. 62-64.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
- История Узбекистана в источниках. Составитель Б.В. Лукин. Ташкент, 1984.
- Массон М.Е. Столичные города в области низовьев Кашкадарьи (Из работ Кешской археологической топографической экспедиции ТашГУ (1965-1966). Ташкент, «Фан», 1973.
- Пьянков И.В. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н.э. // ВДИ. М., 1965. №2. - с. 35-50.
- Пьянков И.В. Мараканды // ВДИ. М., 1970. С. 32-48.
- Пьянков И.В. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия. Душанбе, 1975.
- Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
- Рапен К., Рахманов Ш. Александр Македонский у Железных ворот в Согдиане // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Халқаро илмий конференция маърузалари тезислари. Тошкент, 2002, 45-49 бет.
- Ртвеладзе Э.В. Ксениппа-Паретака // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с. 7-11.
- Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник. Древность и раннее средневековье. Ташкент, 1999.
- Сарианиди В.И. Печати - амулеты мургабского стиля. М., 1976, СА. №1, с.42-68.
- Сулейманов Р.Х. Древняя культура Южного Согда (VII в. до н.э. - VII в. н.э.) Дисс. док. ист. наук. Самарканд. 1997.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII вв. до н.э., VII в. н.э. Ташкент, 2000.

К ИЗУЧЕНИЮ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ САМАРКАНДА

Уже первые исследователи Афрасиаба (городище домонгольского Самарканда) отмечали сложность рельефа городища, его изрезанность оврагами и впадинами, а также наличие четырех оборонительных стен (рис. А), сохранившихся в виде валов внутри памятника (1-я - 3-я) и по его периметру (4-я) (Вяткин, 1926, с.5-11). Первые раскопки архитектурного сооружения - Соборной мечети Афрасиаба, были предприняты В.В. Бартольдом в 1904 году. Позднее В. Л. Вяткин на протяжении почти 30 лет проводил раскопки ряда архитектурных объектов, в том числе: цитадели, «дворца саманидов», соборной мечети (Шишкин, 1969, с. 41 и сл.). Разведочные раскопки А. И. Тереножкина, небольшие по объему, но важные по своей значимости, открыли жилой дом II-III вв. в северной части городища, керамические мастерские на востоке у мавзолея Ходжа Данияра и на юге у комплекса усыпальниц Шахи-Зинда, жилые постройки и «погребки» в разных частях городища (Тереножкин, 1950, с. 55 и сл.). Работами Афрасиабского отряда под руководством В.А. Шишкина был открыт целый ряд архитектурных сооружений разных периодов жизни Самарканда, в том числе и относящихся к периоду после походов Александра Македонского в Среднюю Азию (329-327 гг. до н.э.). В северной части городища, над обрывом к Сиабу, С.К. Кабановым и М.И. Филанович, а на внешней (4-й) стене М.К. Пачосом осуществлялись раскопки городских укреплений эллинистического времени (Кабанов, 1973; Филанович, 1973; Пачос, 1967). Со второй половины 60-х годов XX в. сотрудники экспедиции под руководством Я.Г. Гулямова, Ш.С. Ташходжаева, Г.В. Шишкиной продолжали работы на ряде объектов, где были выявлены слои и сооружения III-I вв. до н.э. (Гулямов, Буряков, 1969; Шишкина, 1970; Шишкина, Кабанов, 1968; Кабанов, 1981; Туребеков, 1990; Иневаткина, 1983 и др.). С 1989 года сотрудники узбекско-французской экспедиции под руководством М.Х. Исамиддинова и П. Бернара (с 1995 года Ф. Грене) продолжают исследование эллинистических объектов на городище Афрасиаб (Бернар, Исамиддинов, Соколовская, 1990; Исамиддинов, 2002, Иневаткина, 2002; Куркина, 2002 и др.)

Впервые архитектурное сооружение эллинистического времени было обнаружено С.К. Кабановым во время раскопок в северной части городища (Р-6). Археологом был вскрыт отрезок городской крепостной стены протяженностью 62 метра (Кабанов 1973, с. 23 и сл.). Стена была сложена из сырцового квадратного кирпича размерами 34-36х35-37х15-16 см со швами между кирпичами 2,5-5 см. Почти все кирпичи на нижней поверхности имели знаки. В ремонтной кладке кирпичи были несколько меньших размеров: 33,5-35х31,5-35х15-17 см и многие из них имели знаки. Под кладкой из квадратного кирпича находилась пахсово - галечная прослойка толщиной около 0,5 м, а под ней слой, состоящий из плотной глины комковатой структуры серовато-желтого цвета. Раскопанный отрезок стены делал три поворота, огибая обрыв, с востока на запад: к югу, западу, северу и, возможно, опять к западу (Кабанов, 1973, рис. 3). И наружный, и внутренний фасады стены имели пилястры шириной 158-160 см, выступающие из плоскости стены на 12-13 см. Внутри стены был коридор около 2 м шириной. Общая толщина стены составляла около 6 м. В восточной части стены при повороте её к югу было расчищено два прохода. Про-

ход, выходящий на запад, сохранился полностью: высота 175 см, ширина 85 см, длина прохода является одновременно толщиной внешней части стены - около 180 см. Проход имел стрельчатое завершение и был перекрыт сырцовыми блоками, поставленными на угол, их размеры: 70-75x15-19x23-25 см. Внешние поверхности блоков имели легкую кривизну. Нижними концами блоки опирались на кладку из сырцового кирпича, обрамляющую проход. Верхние ребра блоков сомкнуты, образуя замок арки. Над аркой слой глиняного раствора до 1 м толщиной, поверх которого продолжалась кирпичная кладка стены (Кабанов, 1973, с. 27-28). С наружной стороны проход справа и слева обрамлен пилястрами. Проход в северном отрезке стены не сохранил венчавшую его арку. Часть сплошной кладки, в западной части стены при повороте к западу, С.К. Кабанов считает остатками башни (Кабанов, 1973, с.30).

Одновременно с С.К. Кабановым западнее Р-6 М.И. Филанович закладывает раскоп 12. На 17-метровом отрезке оборонительной стены были обнаружены крепостные сооружения разных периодов существования города (Филанович, 1973, с.85-94). Стена из квадратного сырцового кирпича имела, как и на Р-6, пахсово-галечное основание, внутренний коридор-каземат. М.И. Филанович отмечает, что перед стеной на обрыве имелась небольшая площадка. Прямоугольная врезка крепостной стены внутрь городища, обрамлявшая существовавшую в древности выемку в обрыве к Сиабу, по её мнению, могла быть местом древних ворот города.

В конце 60-х - начале 70-х годов XX в. работы в северной части городища Афрасиаб были продолжены под руководством Я.Г. Гулямова. В результате зачисток на участке раскопа 6 были обнаружены серпантины грунтовых дорог, ведущих к воротам в городской крепостной стене (Шишкина, 1976, с.99-104). Восточнее Р-6 на раскопе 41 Г.В. Шишкиной проводились раскопки «в большой промоине на склоне, обращенном в сторону Сиаба» (Шишкина, 1976, с.102), которые открыли участок

городской крепостной стены, сложенной из квадратного сырцового кирпича. размером: 35-36х35-36х15-18 см. Г.В. Шишкина датирует стену концом IV-III вв. до н.э. (Шишкина, 1976, с.189). Конфигурация стены Р-41 в плане повторяет раскопанный участок стены Р-6. Открыты также несколько грунтовых дорог, подходящих к этому участку и перекрывающих друг друга (Шишкина, 1976, рис. 24). Конфигурация городской стены на Р-41, узел дорог, сосредоточенный на этом участке, по мнению Г.В. Шишкиной, свидетельствуют о наличии в этом месте ворот в городской крепостной стене (Шишкина, 1976, с.101).

С 1989 года узбекско-французская экспедиция возобновила работы на Р-6 (2) и Р-41 (3). В результате раскопок на Р-6 была сделана реконструкция городской крепостной стены эллинистического времени (Исамиддинов, 2002, рис. 58). На Р-41 были проведены масштабные археологические работы, позволившие выявить участок стены и городские ворота (Исамиддинов, 2002, с.81). Стена на участке 41 раскопа делает два поворота: сначала к югу, затем к востоку (с запада на восток) (Исамиддинов, 2002, рис. 75). Она, как и стена на Р-6, имела внутренний коридор. В восточной части стены был обнаружен проход шириной около 2-х метров, фланкированный снаружи (к Сиабу) и внутри (в сторону городища) выступами-пилонами или башнями. В выступах-башнях были расчищены караульные помещения. Возможно, ворота были ещё как-то защищены снаружи, например, дополнительной стеной типа протейхизмы, ограждающей пандус, по которому шла дорога.

Работы на внешней крепостной стене проводил М.К. Пачос. В ряде пунктов: Р-8, Р-8Г, Р-8Д были обнаружены кладки из сырцового квадратного кирпича размерами: 35х35х15; 35х18х15 см (половинный); 35-39х35-39х12-16 см; 35х17х15-16 см (половинный); 35-38х35-38х13-14 см. На раскопе 8 была выявлена конструкция стены с внутренним коридором шириной около 2-х метров. Сохранившаяся толщина стены: внешней части около 2,4 м, внутренней - 2,6 метра (по основанию), М.К. Пачосом было отмечено, что под стенами из кирпича находятся слои пахсы разного цвета (серая и желтая с песком). В действительности это были не распознанные исследователем остатки стен предшествующих периодов строительства с внутрискладными коридорами (Пачос. 1967, рис. 6).

В 1976 году Ш. Ташходжаев начал работы на Р-27 на юго-западе городища (Ташходжаев, 1977). В 1978 году их продолжил М. Туребеков под руководством Г.В. Шишкиной (Туребеков, 1990, с. 44 и сл.). В этом месте был расчищен значительный участок стены из квадратного сырцового кирпича размером 34-36х34-36х14-16 см, стена имела внутренний коридор. Её внешний фасад, выходящий к обрыву, был оформлен пилястрами с ложными бойницами стреловидной формы. Боевые бойницы располагались в промежутках между пилястрами, они имели такую же стреловидную форму, как и ложные бойницы. Внутренняя часть стены не сохранилась, поэтому ширина внутрискладного коридора (стрелковая галерея) неизвестна. На севере этого участка стены был раскопан массив с двумя бойницами или ложными бойницами (участок не докопан) Chichkina, 1986, f. 3). По своей конфигурации массив с бойницами напоминает башню.

В 1981-1990 годах (с перерывами) автором раскапывался участок городской стены на Р-35 (севернее Р-27) протяженностью около 55 метров. В южной части раскопа был расчищен фасад стены, обращенной к обрыву, между двумя башнями, фрагменты которых сохранились и позволяют сделать реконструкцию. В северной части раскопа был расчищен внутрискладный коридор, стрелковая галерея со стреловид-

ными бойницами и проходом в южное помещение, оформленным двумя выступами. Стена сложена из стандартного сырцового кирпича размером: 36-37х36-37х16-17 см; 36-37х17х16-17 см (половинный). Половинный кирпич, как правило, использовался для кладок по фасаду. Длина пилястр 160-162 см, промежуток стены между двумя пилястрами от 235 до 275 см. Пилястры выступают из стены на 80 см. Длина куртины (расстояние между башнями) 19,65 м. Все пилястры имели ложные бойницы. В стене, в промежутках между пилястрами расположены боевые бойницы. И боевые, и ложные бойницы имеют стреловидное очертание (Rapin Cl., Kirillova O., 1992). В центральной части раскопа была расчищена южная и часть западной стен башни. В южной стене была бойница (Chichkina, 1986, f. 8). Её наружная часть сохранилась неповрежденной, внутренняя была деформирована в результате сползания кладки стены в обрыв. Толщина южной стены 252 см. Внутренняя часть южной стены сохранилась до поворота на север, что дает размер (длину или ширину) внутрибашенного помещения. Реконструировать башню можно исходя из размеров пилястр и расстояния между пилястрами (Рис. 1 Б). Башня имела внутреннее помещение подпрямоугольной формы размером 250х200 см, три бойницы. Углы башни были оформлены пилястрами в виде «ласточкина хвоста». Эти пилястры были меньше по размеру на один кирпич (около 120 см). Их размер восстанавливается по остаткам башни в южной части раскопа, где один пилястр сохранился полностью. Фасадная часть стены очень близка по своей архитектуре крепостной стене Узункыра (Сагдуллаев, Лушпенко, 1989), датируемой более ранним временем, по стройматериалу (продолговатый кирпич) и керамическим комплексам, в пределах между VIII-VII вв. до н.э. и III-II вв. до н.э.

Возможно, что стены Самарканда предшествующего периода (VI-IV вв. до н.э), построенные из плоского длинного кирпича, близкого по размеру Узункырскому (Туребеков, 1990; Шишкина, 1976 и др.), также имели пилястры и башни (по устному сообщению И.Д. Иваницкого, им была обнаружена овальная башня на Р-27 В, южнее Р 27). Стены более позднего времени, возведенные из квадратного кирпича, с некоторыми изменениями повторили конструкцию стен предшествующего периода.

Литература

- Бернар П., Исамиддинов М.Х., Соколовская Л. Первый полевой сезон узбекско-французской экспедиции на Афрасиабе // ОНУ. Ташкент, 1990, № 6, с. 45-51.
- Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1926.
- Гулямов Я.Г., Буряков Ю.Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967-1968 гг. // Афрасиаб. Вып. 1 Ташкент, 1969, с. 268-293.
- Иневаткина О.Н. Фортификация акрополя древнего Самарканда в середине первого тысячелетия до н.э. // Материальная культура Востока. Вып. 3, М. 2002, с.24-46.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002, 228 с. с илл.
- Кабанов С.К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Вып. 2, Ташкент, 1973, с.16-84
- Кабанов С.К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981, с.23-59
- Кабанов С.К., Шишкина Г.В. Древнейшие наслоения городища Афрасиаб // ОНУ, Ташкент, 1968, № 3, с.53-55.
- Кириллова О.В. Оборонительная стена Афрасиаба III-II вв. до н.э. (по результатам раскопок в западной части городища) // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского colloquium. Самарканд, 25-30 сентября 1990 г. Ташкент, 1990.

- Куркина Е.А. Опыт реконструкции древней фортификации Афрасиаба // Сборник: Материальная культура Востока. Вып. 3, М., 2002, с. 47-55.
- Пачос М.К. К изучению стен городища Афрасиаб // СА, М., 1967, №1, с. 60-73.
- Сагдуллаев А.С., Лушпенко О.Н. Новые данные к изучению древнесогдийских поселений // ОНУ. Ташкент, 1989, № 12, с.40-42.
- Ташходжаев Ш.С. Афрасиаб - 1976 г. // АО - 1976. М., 1977.
- Тереножкин А.И. Согд и Чач // КСИИМК. Вып. XXXIII, М.-Л., 1950, с.152-169.
- Туребеков М. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1990.
- Филанович М.И. К истории сложения городских укреплений Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. II, Ташкент, 1973, с. 85-94.
- Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып.1, с. 3121. Ташкент, 1969.
- Шишкина Г.В. Древнейшая оборонительная стена Самарканда // ОНУ, Ташкент, 1970, № 9, с. 102-107.
- Шишкина Г.В. Северные ворота древнего Самарканда // История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 99-103.
- Chichkina G.V. Les remparts de Samarkand a l'epoque hellenistique. in, La fortification dans l'histoire du monde grec. Paris, 1986.
- Rapin Cl., Kirillova O. Fouilles de la mission Franco-Ouzbeque a l'ancienne Samarkand (Afrasiab) Deuxieme et troisieme compagnes (1990-1991). Par MM Paul Bernard, Frantz Grenet, Muhammadzon Isamiddinov et leurs Collaborateurs. Paris, 1992, p. 299-300.

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ В
ВОСТОЧНОЙ ФЕРГАНЕ
(ОШ-КАРАСУЙСКИЙ ОАЗИС)**

В истории древнеземледельческой Ферганы античная культура охватывает период с IV в. до н.э. по IV в. н.э.; это время существования шурабашатской и мархаматской культур, соответственно с двумя этапами в каждой. Такая периодизация принята большинством фергановедов (Заднепровский, 1985, с. 306; Брыкина, 2002, с.20; Иванов, 1999, с. 18, 22; Матбабаев, 2001, с. 153-156). Несмотря на то, что этот период считается наиболее изученным, некоторые вопросы все ещё остаются дискуссионными. К таковым можно отнести дату появления типичной для Ферганы красноангобированной керамики и проблему ее происхождения. По существующей периодизации на самом последнем этапе эйлатанской культуры (VI-III вв. до н.э.) появляются памятники шурабашатской культуры.

В облике последней, наряду с сохранением элементов предыдущей культуры (архаичность отдельных форм керамики, преобладание лепной керамики и наличие лепной расписной керамики и др.), наблюдается появление новых форм керамических сосудов, а также нового вида украшения керамики (процарапанный орнамент). Период существования шурабашатской культуры - это время сложения и расцвета древнеферганского государства Давань (Заднепровский, 1996; Матбабаев, 2001).

В истории античной Ферганы хронологически за шурабашатской культурой следует период существования памятников мархаматской культуры. Продолжается дальнейшее развитие материальной и духовной культуры, растет население городов и поселений. Памятники распространяются по всей территории древней Ферганы: по одним данным, выявлено около 600 (Горбунова, 1977, с. 107-120), а по другим - 1000 памятников (Заднепровский, 1985, с. 312).

Керамические изделия шурабашатского типа были открыты в 1954 г. Однако этот комплекс долгое время оставался вне поля зрения археологов. Только в 1980-1990 годах были зафиксированы памятники этой культуры не только в Узгенском или Карадарьинских оазисах, но и за пределами Восточной Ферганы. Тогда же началось планомерное изучение памятников на киргизской части долины и выделена шурабашатская культура (Заднепровский, 1984, с. 33).

На территории Узбекистана этот комплекс почти не изучался, если не считать небольшие по масштабу археологические работы Абдулгазиевой Б. на Султанабаде и Матбабаева Б.Х. на городище Шурабашат (Матбабаев, 1994).

Начиная с 1998 года, сотрудники археологических экспедиций ИИМК РАН, Южного отделения НАН Кыргызской республики, ОшГУ приступили к археологическим работам на отдельных памятниках античного времени Ферганы.

Два из них - Оозтепа и Тотонтепа представляют определённый интерес для изучаемой эпохи. Городище Оозтепа расположено в 100 м к северу-востоку от Оша на окраине села Кызыл-Кошчу Карасуйского района (Малтаев, Малдобаев, Насиров, Сулайманов, 2000). Первоначальная площадь памятника (450х430 м) составила около 20 гектаров (Береналиев, 1974, с. 521-522); в настоящее время памятник сильно

разрушен, осталось лишь три холма. Подъёмные материалы, а также материалы из шурфов раскопа укладываются в широкие временные рамки от античности до караканидов. Интересный материал получен из раскопа, заложенного в центральной части холма. В юго-восточной части вскрыты четыре «очага-алтаря», относящиеся к среднему горизонту. Все алтари сверху выложены мелкими окатанными речными камнями. Отметим, что конфигурация каменных выкладок точно соответствует конфигурации очагов. Они имеют неправильную овальную форму и следующие размеры: 90х50 см, 170х45 см, 90х50 см, 170х90 см. Эти очаги, вероятно выполняли какие-то культовые функции, на это указывает их расположение - три в один ряд, четвёртый к северу от последнего. Слой черной сажи в разных частях очага имеет толщину до 2 см. Недалеко от очагов зафиксирована яма, тоже со специфическим заполнением. Здесь найден крашенный разбитый котёл, поставленный на зернотёрку и кувшин, перевернутый вверх дном. Внутри него находилась часть зернотёрки и фрагмент бокала (?). В яме и вокруг неё найдено большое количество черепков крашеной лепной и окрашенной станковой посуды шурабашатского типа. На северном краю раскопа вскрыта суфа размерами 4х3 м, высотой 45 см. На северном её краю расположено так называемое «золохранилище» (2х1 м). Параллельно к суфе, по линии 3-В вскрыто помещение размером 7х4,5 м, возведённое из пахсы.

Обнаруженная расписная керамика в основном носит парадный характер, также как и часть крашеной посуды (рис. 1). Среди находок отметим фрагмент керамики с оттиском печати, найденный рядом очагом-алтарём (№ 1). На оттиске печати имеется очень чёткое и реалистическое изображение петуха в торжественном шествии, с мощными ногами, с подчеркнута длинными и массивными когтями и полуоткрытым клювом (рис. 2). Оттиски печати встречаются на памятниках шурабашатской культуры; ранее нами зафиксирована также керамика из Ялпектепа, который находится в междуречье Нарына и Карадарьи. Подобные изображения в керамических комплексах шурабашатской культуры свидетельствуют об их тесных связях с кочевническим населением. В этом же районе была обнаружена золотая фигурка петуха, подробно изученная сначала Ю.А. Заднепровским (1985А, с. 255, 260), чуть позже К. Абдуллаевым (1994, с. 30-34), которые независимо друг от друга датируют предмет II-I вв. до н.э. - I в. н.э. Не вдаваясь в подробный анализ изображений птиц, приведённых К. Абдуллаевым, отметим, что оттиск печати с изображением петуха на керамике из Оозтепа, является ещё одним доказательством тесных связей кочевников сакского круга и оседлых зем-

Рис. 1

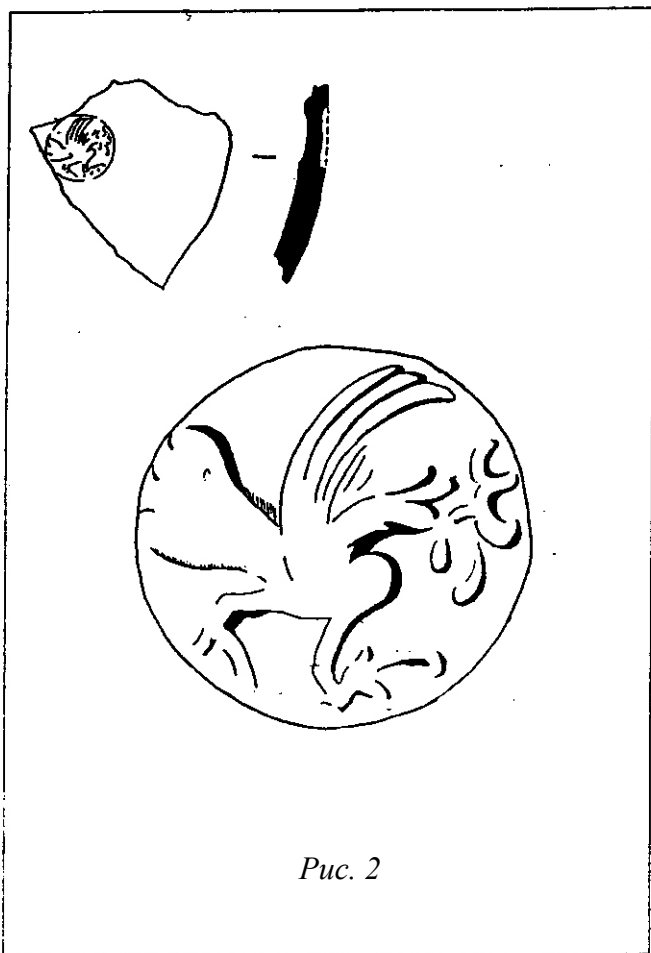

Рис. 2

ледельцев Ферганы в последние века I тыс. до н.э. Вышеописанные культовые очаги, суфа с золохранилищем и другие комплексы дают определённое представление о религиозных верованиях населения Оозтепа, которые, видимо, связаны с культом огня. Этот памятник по комплексу находок датируется III-II вв. до н.э. Второй памятник, Тотонтёпа находится в 2-3 км к Ю-В от г. Карасу, на левом берегу канала Савай. В плане тепе прямоугольной формы, вытянуто с севера на юг, его размеры 100x85 м. Такие памятники относятся к типу «тепа с площадкой», довольно распространённому в античную эпоху. Из шурфа, заложенного в северной части памятника, получен богатый комплекс керамики шурабашатской культуры. Зафиксирована высота оборонительной стены из сырцового кирпича, она составляет 3,7 м. В материалах Тотонтёпа количественно преоб-

ладала керамика, изготовленная на гончарном круге, покрытая красным, чёрным и белым ангобом. Красноангобированная керамика составляет более 1/3 всех находок. Она представлена характерными чашами с перегибом (перехватом) стенок, чашами, кувшинами и др. Среди них крашенные чаши, отличающиеся изяществом форм, имеются также чаши с небольшими клювовидными ручками. В комплексе Тотонтёпа посуда с чёрным ангобом занимает значительное место, впервые появилась возможность выделить ее в отдельную группу. В орнаментации расписной керамики преобладают простые узоры в виде ряда вертикальных полосок, сетки-решетки, стилизованных ёлочек и веток. Доля расписной керамики составляет 4% от общего количества и позволяет отнести керамику Тотонтёпа к шурабашатскому комплексу. Учитывая преобладание гончарной керамики и группы с чёрным ангобом, комплекс Тотонтёпа может быть датирован карадарьинским этапом шурабашатской культуры (Заднепровский, 1985, с. 306).

В настоящее время зафиксировано до 50 памятников раннеантичной (шурабашатской) культуры с лепной расписной керамикой, что значительно расширяет ареал распространения памятников этого типа (Заднепровский, 1995, с. 42). Обнаружение и изучение ещё двух памятников шурабашатской культуры в Ош-Карасуйском оазисе дополняет наши представления о культуре Ферганы эпохи государства Давань. Следует добавить, что Оозтепа локализуется с городом Ош даваньского периода (Заднепровский, 2000, с. 196). Подтверждается ранее высказанное мнение о

высоком развитии орошаемого земледелия и ирригации в этот период, что помогло освоить новые территории вплоть до песков Центральной Ферганы. В середине I тыс. до н.э. были сооружены отдельные каналы Узген-Арык, Карасу, Шарихан-сай, Савай-арык, Андижан-сай; вдоль их берегов расположено множество поселений этого времени (Береналиев, 1975, с. 150-155). Только на берегах Шарихан-сая зафиксировано 40 памятников, которые датируются III в. до н.э. - V в. н.э. Среди них можно привести такие крупные памятники, как Хаит-тепе, Султанабадское городище и другие.

Литература:

- Абдуллаев К. Золотая фигурка птицы из Темир Коруга (к вопросу о связях Давани с Бактрией) // Фергана в древности и средневековье. Сб. статей в честь 70-летия со дня рождения Ю.А. Заднепровского. Самарканд, 1994, с. 30-34.
- Береналиев О.Б. Древний канал Карасу в Ош-Карасуйском оазисе // Археологические открытия 1973. М., 1974., с. 521-522.
- Береналиев О.Б. Следы древней ирригации Киргизии // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975, с. 148-158.
- Брыкина Г.А. Фергана в древности и средневековье // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиция и современность. ТД МНК. Самарканд, 2002, с. 19-22.
- Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА. 1977. № 3, с. 107-120.
- Заднепровский Ю.А. Раннежелезный век Ферганы и проблема возникновения Даваньского государства // Раннежелезный век Средней Азии и Индии. ТД Международного симпозиума. Ашхабад, 1984, с.31-33.
- Заднепровский Ю.А. Фергана // Древнейшие государства Средней Азии и Кавказа. М., 1985, с. 304-316.
- Заднепровский Ю.А. Уникальная находка из Южной Киргизии // СА. 1985. № 3, с. 258-260.
- Заднепровский Ю.А., 1994 Шурабашат и Керкидон // Фергана в древности и средневековье. Сб. в честь 70-летия со дня рождения Ю.А.Заднепровского. Самарканд, 1994, с. 42-49.
- Заднепровский Ю.А. Основные этапы истории культуры Южного Кыргызстана в свете новых данных (1976-1984 гг.) // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996, с. 15-32.
- Заднепровский Ю.А. О столичных центрах Давани (Древней Ферганы) // Взаимодействие культур и цивилизаций. С-Пб., 2000, с. 194-197.
- Иванов Г.П., 1999. Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Самарканд, 1999.
- Малтаев К.Ж., Молдобаев И.Б., Насиров Т.А., Сулайманов Э.Ж. Раскопки городища Ооз-тепе в 2000 году // Ош и древности Южного Кыргызстана. Бишкек, 2000. С. 33-49.
- Матбабаев Б.Х. Отчёт Ферганского отряда о работах в 1993 г. на городище Шурабашат. Рукопись. Архив ИА АН РУз.
- Матбобоев Б.Х., 2001. Фаргонанинг қадимги ва илк ўрта асрлар даври тарихини даврлаштириш масалалари (археологик манбалар асосида) // Тарих, мустақиллик, миллий ғоя. Республика илмий-назарий анжумани материаллари. Тошкент, 2001. 153-156 бетлар.
- Матбабаев Б.Х. Древнеферганское государство Давань // Очерки по истории государственности Узбекистана. Ташкент, 2001, с. 25-38.

НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДИЩА СТАРОГО ТЕРМЕЗА В I В. ДО Н.Э. - I В. Н.Э.

Несмотря на многочисленность работ, посвященных Старому Термезу (Ходжайов, 1981; Мустафакулов, 1997, с. 15-16), один из важнейших аспектов в жизни всякого города - история формирования населения, его расовая и этническая характеристики изучены недостаточно.

Как известно, особенностью городского населения в отличие от сельского является его смешанность и мобильность. Оно все время пополняется за счет притока сельских жителей, прежде всего из ближайшей сельской округи, нередко с течением времени включаемой в черту города, а также сельских жителей из более удаленных мест, выходцев из других городов и стран. Исторические условия и события оказывают сильное влияние на процесс сложения городского населения. В истории городов отмечены периоды, когда состав его жителей претерпевал значительные изменения. Иногда старое население почти полностью исчезало, иногда в него вливались новые компоненты. Всякое нарушение нормальной жизнедеятельности страны особенно сильно проявляется в городах, для которых были необходимы постоянные связи с сельскими районами, обеспечивающими их продовольствием.

Для установления возможно более полной картины важно привлечь широкий круг источников. Именно антропологические данные, наряду с археологическими, письменными и другими, могут выявить характерные особенности расо- и этногенеза населения не только такого крупного города, как Старый Термез, но и Бактрии—Тохаристана в целом.

В 1989 году из науса в Старом Термезе Л.И. Альбаумом были получены антропологические материалы, которые датируются I в. до н.э. - I в. н.э. Из них пригодными для изучения оказались четыре черепа: три мужских и один женский. В целях получения полной антропологической и исторической информации приводим краткую характеристику каждого индивида (табл.1).

Череп 1. Принадлежит мужчине зрелого возраста. Череп несет на себе следы преднамеренной кольцевой деформации, поэтому трудно судить об истинных размерах мозговой коробки. Однако отметим, что череп долихокраний, с большим продольным средним поперечным и высотным диаметром мозговой коробки. Лоб исключительно широкий. Лицевая часть ортогонатная, судя по верхней ее ширине, она узкая и очень высокая, со значительной горизонтальной профилировкой, орбиты очень высокие и широкие. Нос высокий, среднеширокий. Угол выступления носа по отношению к профилю лица - средний. Расовый тип европеоидный, не исключена легкая монголоидная примесь.

Череп 2. Принадлежит мужчине зрелого возраста. Следов искусственной деформации на черепе не обнаружено. Череп долихокраний, овоидной формы, продольный диаметр средних размеров, а поперечный - малых. Очень высокий свод черепа. Лоб очень широкий. Лицевая часть ортогонатная, очень широкая, сравнительно низкая, с некоторым ослаблением горизонтальной профилировки. Орбиты низкие, широкие. Нос средней высоты, широкий; судя по дакриальному и симотическому указателю, выступает средне. Обращает на себя внимание матуризованность черепа: широкое, невысокое лицо и низкие орбиты с некоторой ослабленностью горизон-

*Таблица 1. Индивидуальные размеры и показатели черепов из науса
Старого Термеза (I в. до н.э. – I в. н.э.).*

№ по марти- ну	Признак	№ черепов				n	X
		1 воз- раст	2 воз- раст	3 воз- раст	4 воз- раст		
1	Продольный диаметр	187	182	180	-	3	183,0
1	Поперечный диаметр	135	133	140	-	3	136,0
8:1	Черепной указатель	72,1	73,0	77,7	-	3	74,3
17	Высотный диаметр	135	142	144	-	3	140,3
17:1	Высотно-продольный указат.	72,1	78,0	80,0	-	3	76,3
17:8	Высотно-поперечный указат.	100,0	106,0	102,8	-	3	103,0
9	Наименьшая ширина лба	105	105	100	89	4	103,3
9:8	Лобно-попереч.указатель.	77,7	78,5	71,4	-	3	75,2
10	Наибольшая ширина лба	-	-	128	-	1	128
9:10	Лобный указатель	-	-	78,1	-	1	78,1
5	Длина основания черепа	98	113	107	-	3	105,0
40	Длина основания лица	102	105	103	-	3	103,3
40:5	Указатель выступа лица	104,0	92,9	96,2	-	3	98,4
43	Верхняя ширина лица	101	110	105	99	4	105,3
48	Верхняя высота лица	75	69	73	63	4	72,5
48:17	Вертикальный фацио- церебральный указатель	55,5	48,5	50,6	-	3	51,5
55	Высота носа	55	52	53	47	3	51,7
54	Ширина носа	24	27	25	26	3	25,5
54:55	Носовой указатель	43,6	51,9	47,1	55,3	3	49,4
51	Ширина орбиты от mf	50	47	49	46	3	48,0
51 a	Ширина орбиты от d	47	42	45	41	3	43,7
52	Высота орбиты	49	30	35	31	3	36,2
52:51	Орбитный указатель I	94,0	89,3	71,4	67,3	3	80,5
52:51 a	Орбитный указатель II	98,0	63,8	77,7	75,6	3	78,7
77	Назомолярный угол	130	133	129	142	3	130,6
Zm	Зигомаксиллярный угол	115	129	128	142	3	124,0

тальной профилировки лица. Расовый тип европеоидный с монголоидной примесью. Близок к протоевропеоидному типу.

Череп 3. Принадлежит мужчине взрослого возраста. Черепная коробка мезокранная, овоидной формы, средними размерами продольного и поперечного, очень большим высотным диаметром. Следов деформации нет. Лоб широкий. Лицо, судя по верхней его ширине, узкое, высокое, очень сильно профилировано в горизонтальной плоскости. Орбиты средневысокие, широкие. Нос узкий, средней высоты. Расовый тип европеоидный, возможно, имеется небольшая примесь монголоидной расы. Узкое и высокое лицо дает основание отнести серию к одному из вариантов восточно-средиземноморской расы.

Череп 4. Принадлежит женщине зрелого возраста. Череп овоидной формы, с очень слабо выраженным наружным рельефом. Измерить многие основные признаки на черепной коробке из-за плохой сохранности не удалось. Лоб очень узкий. Лицевая часть, судя по верхней ее ширине, узкая и низкая. Очень большие величины как назомалиарного, так и зигомаксиллярного углов указывают на уплощенность лица в горизонтальной плоскости. Нос среднеширокий, низкий. Орбиты низкие, широкие, по указателю хамеконхные.

На основе анализа изложенного выше материала, можно полагать: во-первых, что субстратную основу населения Старого Термеза составляет население с вариантами I и II, проживавшее здесь в более древние периоды (Ходжайов, 1980).

Во-вторых, начиная с середины и особенно в последних веках I тыс. до н.э., в Северной Бактрии, в городской среде обнаруживается суперстратное население, которое является новым этносом для этой территории. Представители этого этноса мезо-брахикранные, широколицые, иногда с монголоидной примесью были зафиксированы ранее по материалам из других объектов Согда и Бактрии (Ходжайов, 1981, с. 21). Это население, кроме указанных характерных морфологических особенностей, придерживалось обычая искусственной деформации (лобно-затылочной) (Гинзбург, 1972, с. 329-339). В виде компонента оно впервые обнаружено нами в наусах Старого Термеза I в. до н.э. - I в. н.э. Именно в последние века I тыс. до н.э. в Южных и Центральных областях Средней Азии начинается интенсивный процесс сложения расы Среднеазиатского междуречья. Он происходит в результате смешения матуризованных мезобрахикранных, сравнительно широколицевых европеоидных форм, основной зоной расселения которых является Южный Казахстан, Ташкентская область, Ферганская долина Узбекистана и Семиречье с долихокранными узколицыми средиземноморцами южных и центральных областей (Ходжайов, 1981, с. 18). Начало этого процесса было зафиксировано на других объектах Северной Бактрии античного времени.

В-третьих, со II в. до н.э. монголоидные элементы начинают появляться во всех областях Средней Азии, в том числе и в Северной Бактрии. Видимо, монголизованные племена, правда, в небольших масштабах, проникали в Старый Термез, как и в области Бактрии и Согдианы, с движением многочисленных племен Юечжей. Монголоидные элементы прослеживаются и на памятниках изобразительного искусства (Abdullaev, 2003, p.18-20).

Подводя итоги, можно сказать, что население городища Старого Термеза I в. до н.э. - I в. н.э. состоит из местного населения с чертами средиземноморской расы и пришлого, привнесшего обычай лобно-затылочной деформации, матуризованного широколицевого типа с легким монголоидным налетом.

Литература

- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972.
Мустафокулов С. История формирования населения Бактрии-Тохаристана. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1997.
Ходжайов Т.К. К палеоантропологии Древнего Узбекистана. Ташкент, 1980.
Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии. Рукопись докторской диссертации. М., 1981.
Abdullaev K. Nana in Bactrian Art. SRAA, t. 9, 2003, p. 18-20.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД АНТИЧНОГО МОГИЛЬНИКА ХОЛНИЁЗТЕПА

Могильник античного времени Холниёзтепа открыт осенью 1999 г., в следующем, 2000 году были проведены небольшие раскопочные работы. Могильник сосредоточен на небольшой возвышенности, южнее крупного холма Каттатепа и к северо-востоку от кишлака Каттатепа, расположенного в Шурчинском районе Сурхандарьинской области Узбекистана. Могильник захватывает часть приусадебного участка члена кишлачного совета «Ичтимонёт» Холмирзаева Холниёза. Обнаруженные при земляных работах археологические предметы Х. Холмирзаев передал в Самаркандский музей Истории культуры народов Узбекистана. Главным образом это были украшения в виде бус и подвесок, явно принадлежащие древнему погребению.

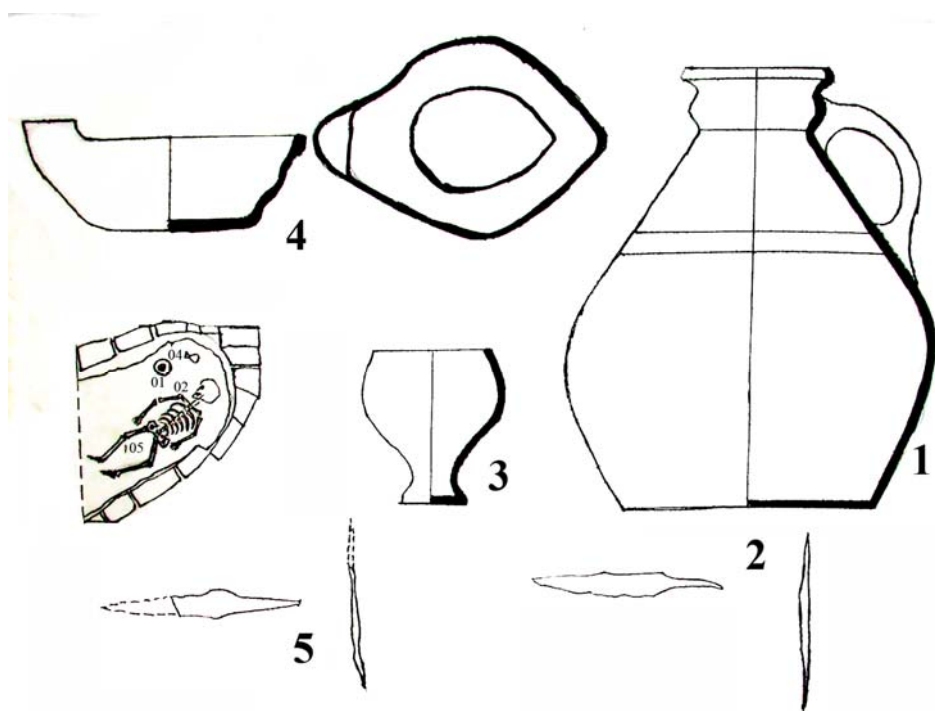
Памятник предварительно был изучен осенью 1999 г., когда на южном склоне холма были обнаружены остатки двух грунтовых могил (№ 1, № 2). Осенью 2000 года был заложен небольшой раскоп площадью 10х18 м; при этом обнаружены 20 погребений, из которых раскопаны и изучены 14 могил. (Мухитдинов, 2001, с. 31-34). Различаются 3 типа погребальных сооружений: ямные, катакомбные и подбойные. Последние, как правило, не содержат какого-либо инвентаря, покойники помещены в очень узком подбое, вырытом с южной стороны дромоса. Камера заложена сырцовыми кирпичами; по времени эти захоронения наиболее поздние. Захоронения первых двух типов относятся к античному времени и предварительно датируются II-I вв. до н.э. (Мухитдинов, 2001, с. 31).

Первый тип погребений - ямные. Могильные ямы прослеживаются плохо, однако имеются исключения - обнаружены ямы, достаточно хорошо сохранившие форму прямоугольного ящика-гроба. Погребения одиночные, на дне ямы положен женский или мужской костяк в вытянутом положении головой на север или на северо-восток, северо-запад (могилы 1, 2, 3, 3а, 4, 5, 6, 7, 9, 11, 12, 13, 14).

Не все погребения хорошо прослеживаются в слое, не все костяки хорошо сохранились, поэтому из погребений этого типа мы опишем здесь лишь наиболее хорошо сохранившиеся.

Погребение 1 обнаружено на южном склоне холма Холниёзтепа (периметр холма 185 м). Погребальное сооружение прослеживается плохо, видимо, оно было ямным. На дне ямы, стены которой не были четко определены, лежит погребенный - это женщина средних лет в вытянутом положении головой на восток, лицом на север, на левом боку со слегка согнутыми к тазу ногами. Над головой был положен красноглиняный кубок - бокал. В уши были продеты серьги в виде витых колец.

Погребение 2. Обнаружено западнее погребения № 1, несколько выше по склону. Костяк ориентирован головой на северо-запад, лицом на север. Очень крупный череп плохой сохранности. Череп длинный, без следов деформации, зубы сильно сносены, что говорит о пожилом возрасте. Положение костяка - вытянутое, ноги вытянуты, правая лежит на левой, похоже, что они были связаны. Кости остальных частей скелета хрупкие. Размер черепа: длина 23 см; ширина затылка 12 см; высота у лба 16 см. Длина скелета до коленной части 105 см. Длина шеи 15 см. Руки вытяну-

Погребение № 6. (Б1). 1—кувшин с ручкой, 2—железный ножик, 3—глиняная рюмка. 4—глиняный светильник, 5—обломок железного ножа

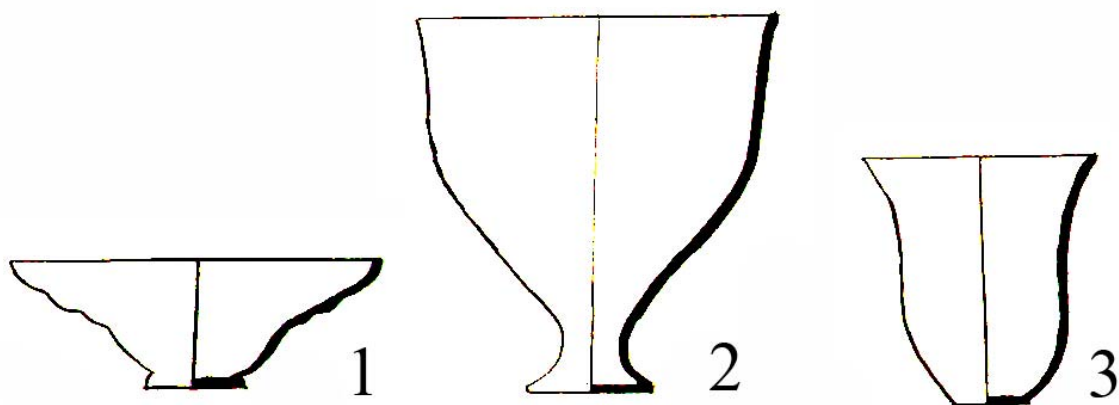
ты вдоль туловища, слегка согнуты в запястьях; кисть левой руки лежит на тазовой кости. Над головой погребенного был положен сосуд - красноглиняный бокал, сильно фрагментированный - высотой 12,5 см. Диаметр устья 13,5 см, глубина залегания костяка 140 см от поверхности склона. Форму погребального сооружения уточнить не удалось.

На северном склоне холма было обнаружено двойное захоронение (3; 3а). Эти погребения находились близко к поверхности, так как склоны холмов были размыты, что и облегчило их поиск.

Оба костяка лежат головой на север-северо-восток ногами на юго-юго-запад. Южный костяк лежит на левом боку в вытянутом положении (3а); над головой этого погребенного стоит красноглиняный бокал. Костяк 3а лежит ниже костяка 3; у его плеча поставлена сероглиняная миска. Ближний, т.е. правый костяк, лежит на спине лицом вверх в вытянутом положении, но ноги, связанные вместе и чуть согнутые в коленях, развернуты влево. Костяк имеет плохую сохранность. Его пятки находятся на уровне живота второго, нижнего костяка (3а), который сохранился несколько лучше. Он положен головой на север, ногами на юго-запад. Колени подтянуты вперед и вверх в полусогнутом положении. За костяком, как было отмечено, лежал раздавленный красноглиняный бокал. По замерам погребение принадлежит женщине средних лет очень высокого роста, т.к. длина костяка достигает 170 см.

Погребения разновременные - костяк с сероглиняной миской у левого плеча был захоронен раньше, чем костяк с красноглиняным бокалом. Глубина залегания костяков 200 см, этот уровень почти равен тем горизонтам, на котором лежат 2 костяка на южном склоне.

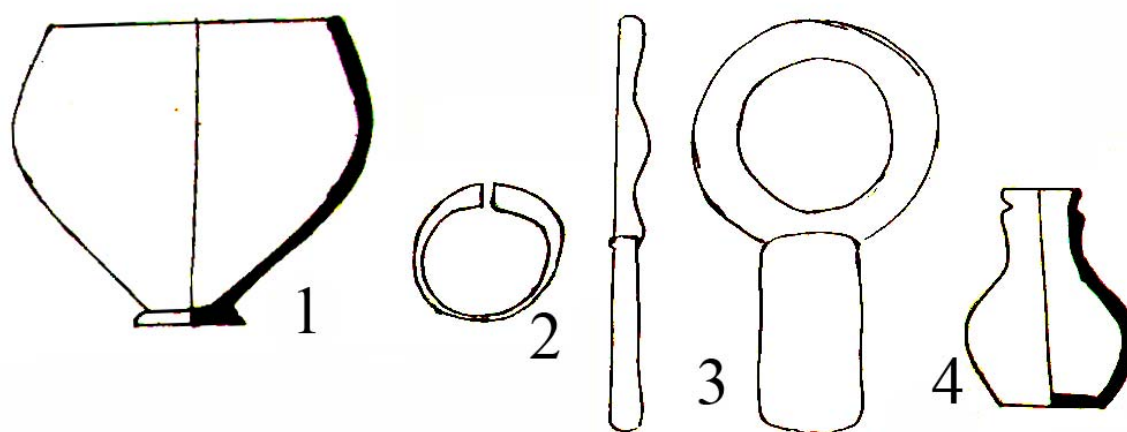
Погребение 4. На площади квадрата В-1, В-2 найдено еще одно погребение, ле-

Инвентарь из: 1—погребение № 11, 2—погребение № 12, 3—погребение № 13

жащее на глубине 80 см от дневной поверхности. Костяк принадлежит человеку высокого роста, с крупным черепом, но тонкими костями рук и ног. Голова ориентирована на север, лицом на запад. Хорошо сохранились целые крупные зубы. Погребенный лежит на спине, туловище слегка повернуто на правый бок, ребра мощные, ноги сложены вместе и ориентированы на юг; пятки - на запад. Общая длина костяка 179 см, длина черепа 22 см, высота 23 см.

На западном обрыве, на глубине 210 см обнаружены два археологических предмета. Первый—это сильно обожженный с одной стороны сырцовый кирпич квадратной формы размерами 40x40x14 см. Возможно, на нем возжигался огонь. Рядом был найден кубковидный на невысокой ножке красноглиняный бокал, покрытый розовым ангобом. Кирпич лежал несколько выше найденного бокала. Бокал лежал над головой погребенного здесь человека, к этому же захоронению относился и импровизированный «алтарь», о чем говорит небольшая разница между их уровнями залегания. К этому же погребению, видимо, следует отнести находку миниатюрного железного поломанного ножа. Весь этот комплекс находок и особенно квадратной формы кирпич являются важным датирующим это погребение и памятник в целом материалом. Нож имеет длину 10 см, ширину у основания рукоятки 1,5 см,

Инвентарь из погребения № 10

клинок острый, подтреугольный в сечении. Лезвие клинка несколько приподнимается к кончику. Здесь же был найден застывший потек керамического шлака, а также керамический светильник овальной формы со следами копоти. Все эти находки, вероятно, связаны с погребением и указывают на то, что погребение 4 принадлежит человеку, который или являлся служителем культа, или имел к нему какое-то отношение.

Погребение 5 очень плохой сохранности, без инвентаря.

Погребение 6. Могила обнаружена в квадрате Б-1 раскопа, в его юго-восточной части. Эта могила оказалась самой богатой среди погребений, имеющих ямную форму.

Погребенный лежит на правом боку головой на северо-северо-восток, лицом на запад, туловище слегка развернуто на запад, левая рука сильно согнута в локте, правая лежит вдоль туловища, локоть отодвинут правее, под углом. Ноги раздвинуты в коленях: левая сильнее, а правая вытянута прямо. Фаланги пальцев ног сохранились плохо, костяк очень хрупкий, рост небольшой, череп и костяк сохранились плохо. Этот скелет похож на останки человека, изуродованного при жизни рахитом. Но находки, обнаруженные с ним, говорят о высоком социальном статусе погребенного. Несколько забегаая вперед, можно предположить, что это погребение каким-то образом было связано с почитанием бога вина и веселья Диониса.

Расположение инвентаря погребенного выглядит таким образом: у локтя левой руки лежал лезвием к покойнику, рукоятью к лицу, клинком вдоль туловища миниатюрный ножичек длиной 9,5 см; его ширина 1,5 см; толщина 0,3 см. К западу от ножа стоял желтоглиняный кувшин с ручкой, направленной на север. На небольшом возвышении лежал на боку ножкой на север, резервуаром на юг рюмкообразный миниатюрный бокал, красноглиняный и ярко ангобированный. Далее западнее кувшина и юго-западнее рюмки на 15 см, выше пола могилы стоял светлоглиняный лепной светильник, похожий на плошку, сильно закопченный, сливом направленный в сторону покойника. Между раздвинутыми ногами ближе к колену правой ноги был положен фрагмент ещё одного ножичка - перекрестье с ручкой. Нож железный. Костяк лежал в прямоугольной яме, ориентированной с севера на юг. Длина ямы 127 см, ширина 85 см, яма обложена сырцовым кирпичом, восстановленный размер которого: длина 30 см, ширина 20 см, толщина 7 см. Погребенный лежал на глубине 165 см от репера, но на 0,5 м ниже дневной поверхности. После расчистки костяка обнаружился сырцовый кирпич размером 30x28x8 см.

Погребение 7. Это безинвентарное погребение представляло собой склеп из сырцовых кирпичей, размер которых определить не удалось, кроме ширины 18-20 см. Покойник положен на полу камеры. Голова покоилась на достаточно высоком земляном постаменте. Костяк хорошей сохранности ориентирован с северо-запада на юго-юго-восток, лежит на правом боку. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая рука под туловищем, кисть этой руки лежит под тазом. Череп крупный, удлиненной формы, лоб узкий и низкий, затылок массивный, все зубы целые, возраст зрелый. Ноги сведены вместе; видимо, они были связаны. Пятки ориентированы на запад. Общая длина костяка 170 см. Неподалеку от погребенного было найдено горло красноглиняного хума, дно корчаги или горшка.

Погребение 9. На площади кв. Г-7 и В-7 на глубине 130 см от края раскопа была обнаружена погребальная яма прямоугольной формы, ориентированная с северо-запада на юго-юго-восток. На дне покоился детский костяк плохой сохранности.

Погребение 11. Погребение детское, занимает площадь квадрата Г-Д, 3-4. Могилая яма прямоугольной формы, ориентирована с северо-востока на юго-запад.

Кости сохранились плохо, ориентировка СВ-В; на груди погребенного обнаружена небольшая чаша на ножке. Сосуд светло-глиняный, высота ножки 1 см, высота сосуда 6 см, диаметр края 15,5 см, диаметр ножки 4 см, высота 1 см, глубина залегания могилы 100 см.

Погребение 12 обнаружено на верхней террасе раскопа, на площади квадрата Д-4 прямо у северной стены раскопа. Погребенный лежал головой на север, ногами на юг, на глубине 126 см, с ним найден высокий кубок-бокал на высокой ножке. Красноглиняный сосуд очень высокого качества. Костяк плохой сохранности.

Погребение 13 обнаружено на территории квадрата В-4, 3-4 на глубине 108 см от репера, южнее погребения 7. Детское погребение в прямоугольной яме, плохой сохранности, ориентировано, как и другие погребения. Над головой стояла изящной формы чаша.

Второй тип могильных сооружений представлен одним захоронением.

Катакомбного типа захоронение в большом земляном склепе—погребение № 10. Дромос могилы прямоугольной формы, вытянутый с северо-запада на юго-восток, очень глубокий. Наиболее глубокое место у входа в камеру (220 см). Длина сторон прямоугольника 2 м 13 см, сужена к северной ступеньке. Ширина входа в камеру посередине 100 см, вход округлой формы, с южной стороны заложен кирпичами прямоугольной формы. Форма ямы не установлена, высота почти равна ширине.

С южной стороны прорыта катакомба прямоугольной формы длиной 175 см от входа. Пол камеры на 25 см ниже первой ступеньки дромоса. Вторая находится на середине дромоса и на 0,5 м выше пола камеры. На полу камеры - катакомбы лежит костяк, по всей видимости, женский, в вытянутом положении. Голова ориентирована на северо-восток, руки вытянуты вдоль туловища, таз очень крупный. Костяк разложился под влиянием сырости. Вход в камеру округлой формы, был заложен кирпичами. Рытьё погребального сооружения произведено острым инструментом, от которого на стенах остались мелкие рубцы; возможно, эта была теша.

С погребенной был обнаружен следующий инвентарь: к северу от головы, справа от входа красноглиняный бокал на высокой ножке. Прямо на груди ручкой вниз лежало бронзовое зеркало с костяной ручкой. Зеркало массивное, костяная ручка отвалилась. На запястье правой руки бронзовый браслет. Между находкой 1 и головой был обнаружен миниатюрный горшочек для благовоний с игловидным отверстием.

Третий тип погребальных сооружений—безинвентарное подбойное захоронение с узким дромосом и подбоем, забитым сырцовыми кирпичами более позднего времени.

Следует ещё раз подчеркнуть, что на небольшой территории холма, из зафиксированных на площади раскопа 30 могил пока полностью раскопаны 14. Изученная площадь составляет лишь 1/4 часть общей площади. Можно предположить, что при дальнейших раскопках количество обнаруженных могил значительно возрастет и небольшой некрополь с обильным археологическим материалом может оказаться перспективным и дать богатую информацию наряду с другими крупными могильниками, раскопанными на территории Бактрии - Тохаристана.

На всей территории южного Турана в настоящее время археологами открыто и изучено большое количество могильников и ещё большее число отдельных погре-

бений. По типу погребальных сооружений их можно подразделить на 3 типа. Первая - это курганные могильники кочевников, которые очень хорошо изучены А.М. Мандельштамом (Мандельштам, 1966; 1975) в Бешкентской долине Республики Таджикистан; исследования продолжены другими исследователями (Литвинский, 1977; Медведская, 1979).

Вторая группа - это грунтовые могильники, которые не имеют курганных насыпей или обкладок. Они объединены в целые некрополи, обычно располагающиеся неподалеку от оседлых поселений, жителям которых они и принадлежат. Это могильник Тупхона (Дьяконов, 1950; Литвинский, Седов, 1984), который был исследован в Гиссарской долине, могильник Иттифак в Пархарском районе Таджикистана (Мухитдинов, 1975, Литвинский, Седов, 1984). Кроме этого, изучены небольшие могильники на Айртаме (Тургунов, 1973) и могильник неподалеку от сельского поселения Мирзокултепа (Пидаев, 1978, с. 35-36).

К третьей группе относятся погребения в наземных сооружениях—наусы Тепаишах, Дальверзинтепа (Литвинский, Седов, 1983; Ртвеладзе, 1978) и др.

Могильник Холниёзтепа относится ко второму типу могильников. Этот тип погребений включает, как правило, захоронения в земляных ящиках, где покойник укладывался в вытянутом положении головой на север, северо-запад, северо-восток. Стены ям-ящиков иногда обведены кладкой из сырцового кирпича, имеется захоронение в камере - катакомбе.

В Холниёзтепа почти во всех могилах обнаружены обломки сырцовых кирпичей, что говорит об их постоянном использовании в захоронениях. Как и в могильниках Тупхона и Иттифок, обнаружены и целые крупноразмерные (40х40х14см) кирпичи. Инвентарь холниёзтепинского могильника достаточно богат. Найдено большое количество сосудов, которые располагались главным образом у головы или вокруг неё. Эта керамика почти вся относится к ремесленной продукции, отличается высоким качеством и изящными выдержанными формами. Найдены бокалы, кубки, чаши, кувшины, рюмки, светильники, поильники, горшки. Из личных украшений серьги, ожерелья с бусами, браслеты, печати, ножички, зеркала. В могилах нет обычных для могил Тупхона монет во рту (обола Харона), что сближает погребальный обряд с могильником Иттифак, где также среди 60 раскопанных могил нет ни одной монеты. Это говорит об отсутствии эллинистического обряда захоронения среди жителей сельской местности. К отличительным особенностям данного могильника можно отнести: наличие относительно богатых погребений (погребение 6 и 10), где обнаружены 5 видов находок; неизвестное в других могильниках погребальное сооружение катакомбного типа (погребение 10). Это говорит о том, что в погребальном обряде Холниёзтепа были сильны древние доэллинистические традиции. Некоторое влияние эллинистических представлений можно усмотреть в погребении 6. Погребенный, по нашему предположению, был связан с культом Диониса - богом вина, веселья и земледелия, хотя культом основной массы населения был культ огня, а также древние культы земли и неба.

Можно лишь предполагать, что общество «холниёзтепинцев» было достаточно дифференцированным, хотя погребений людей высших сословий пока не обнаружено. В погребениях 6 и 10, вероятно, захоронены люди, принадлежащие к среднему сословию (земледельцы, ремесленники и др.). Остальные могилы (12 могил) - это одиночные женские и мужские захоронения, имеющие в инвентаре один, реже два сосуда. Датировка могильника определяется нами на основе изучения аналогий

к предметам сопроводительного инвентаря: бокалов, кубков, кувшина одноручного, зеркала, железных ножей, которые наряду с формой погребального сооружения и формой обряда являются надежным датирующим материалом, классификация которого хорошо разработана в археологической науке (Мандельштам, 1966, табл. XX-XXII, Литвинский, Седов, 1984, с. 64-70; Мандельштам, 1966, табл. XX-XXI; Литвинский, Седов, 1984, с. 220 табл. VII, 7; Мандельштам, 1966, табл. 1, 4, 5, с. 115, с. 115, табл. XL-VII-X-LIX; Литвинский, Седов, 1984, с.57 табл. IV, 1,7). Следует отметить, что в керамическом комплексе Холниёзтепа, в отличие от других комплексов встречаются кубки почти цилиндрической формы без ножек, что дает нам возможность датировать наш комплекс временем несколько ранним, чем комплексы античных могил Тупхона и Бешкента.

Высоко развитая материальная культура предполагает высокое развитие духовной культуры в различных ее проявлениях. Отмечено распространение зороастризма, религиозных греческих представлений и древних митраистских культов. Видна веротерпимость (толерантность) общества и сосуществование многочисленных религиозных воззрений в Бактрии той эпохи.

Литература

- Мухитдинов Х.Ю. Могильник античного времени Холниёзтепа. Археологические исследования в Узбекистане - 2000. Самарканд, 2001.
- Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда - МИА, № 15, 1950.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.-Л., 1966.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи Шах (культура и связи Кушанской Бактрии) М., 1983.
- Тургунов Б. К изучению Айрама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
- Тургунов Б. Айртамский могильник // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1968, № 8.
- Пидаев Ш.Р. Поселения Кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
- Ртвеладзе Э.В. Дальварзинский наус.- Г.А. Пугаченкова, Э.В. Ртвеладзе и др. Дальварзинтепа - Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.
- Мухитдинов Х.Ю. Изучение погребальных памятников в Пархарском районе Таджикистана // УСА, Вып. 3. Л., 1975.

ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА НЕКРОПОЛЯ ЯЛАНГТУШТЕПА

В истории материальной культуры Южного Узбекистана цветная металлообработка античного периода все еще остается слабо изученной областью. Такое положение объясняется не столько ограниченным объемом металлического материала, сколько неизученностью его в химическом плане. В существующей литературе, посвященной археологическому изучению античных древностей этой культурно-исторической области, имеются обобщающие работы, в которых освещаются и исследуются металлические находки. Безусловно, данные работы важны, интересны и обогащают наши знания по античности Южного Узбекистана. Однако они не могут дать более или менее полного представления о цветной металлообработке этого края, поскольку в них чаще всего рассматриваются материалы отдельных памятников и отсутствуют данные о химическом составе изделий. Список специальных работ, посвященных античному металлу Южного Узбекистана, крайне ограничен. Среди таковых - это интересная и важная статья О.В. Левушкиной (1981), где комментируются результаты спектрального анализа медно-бронзовых монет из памятников правобережья верхнего бассейна р. Амударьи. Другая работа, правда, тезисного характера, опубликована автором настоящей статьи (Рузанов, 1986). В ней в очень краткой форме дается рецептура сплавов, бытовавших на данной территории в раннем железном веке и в конце I тыс. до н.э. Чтобы в какой-то степени восполнить этот пробел, мы решили опубликовать результаты спектрального анализа металлического инвентаря из некрополя Ялангтуштепа.

Могильник Ялангтуштепа, открытый 30 лет назад Э.В. Ртвеладзе, расположен неподалеку от одноименного поселения на окраине к. Бандыхан в Сурхандарьинской области. Материалы памятника отражены в ряде работ (Ртвеладзе, Маликов, 1977; Маликов, 1979; Ртвеладзе, 1983). На некрополе были установлены 12 мест с погребальными сооружениями, условно обозначенными исследователями как наусы, из которых сохранились лишь 4 - наусы II, III, V и IX. Именно в них был поднят основной материал, позволивший описать характер погребального обряда, культурную и хронологическую принадлежность памятника.

По мнению Э.В. Ртвеладзе (1983), некрополь относится ко II в. -первой половине III в. н.э. Могильник принадлежал оседлоземледельческому населению, которому был свойствен обряд захоронения предварительно очищенных костей в наземных погребальных сооружениях - наусах. Правда, как сообщает исследователь, в наусе IX в камере I «...лежал костяк в вытянутом положении, положенный на другие кости, находившиеся в беспорядке» - это описание говорит уже об ином типе погребального обряда - обряде трупоположения (Ртвеладзе, 1983. С. 136).

В могильнике Ялангтуштепа обнаружен разнообразный сопроводительный инвентарь. В погребениях найдена керамика, бронзовые, железные, золотые и каменные изделия, монеты и бусы из разнообразных материалов. Комплекс интересующих нас бронзовых вещей представлен 42 изделиями и их фрагментами (иглы, браслеты, перстни, кольца, серьги, заколки, бубенчики, колокольчики, туалетные ложечки и чашечки, зеркало и пластина) и 16 бронзовыми монетами. Из них уда-

лось спектрально проанализировать 10 предметов: зеркало, 5 браслетов, булавку, 2 чашечки и пластинку (рис. 1). Находки происходят из наусов II, III и IX. Приведем химико-металлургическую характеристику предметов. Для этого воспользуемся методами математической статистики - гистограммами и графиками корреляционной зависимости элементов, отражающих распределение концентраций диагностических примесей.

Как видно из таблицы, изделия из могильника Ялангтуштепа сделаны из сплавов на медной основе. Кроме меди, здесь постоянно отмечаются олово, свинец, цинк, серебро, железо, никель и кобальт. Некоторые изделия содержат висмут, сурьму и золото. В больших интервалах фиксируется олово (от тысячных долей до 5%), а также свинец и цинк (от тысячных долей до 10%). За ними следует железо, концентрации которого варьируют от сотых долей до 1%. В некоторых

изделиях довольно высоко содержание никеля (десятые доли, в одном образце более 3%). Прочие учитываемые нами примеси - висмут, серебро, сурьма, мышьяк, кобальт и золото - либо содержатся в небольших количествах (тысячные и сотые, реже десятые доли процента), либо вообще отсутствуют. Частотные гистограммы и корреляционные графики концентраций примесей ярко свидетельствуют о металлургическом разнообразии ялангтушского металла, который может быть подразделен на 4 металлургические группы - оловянистые, свинцово-цинковые, оловянно-свинцово-цинковые сплавы и «чистую» медь. Границы искусственного ввода легирующих примесей определяются по-разному: для олова - с 1%, цинка - с 2% и свинца - с 3%. За исключением свинцово-цинкового, остальные типы сплавов, судя по их доле в исследованном комплексе, очевидно, являлись ведущими металлургическими рецептами в металлообработке приамударьинских племен.

Неоднороден металл могильника Ялангтуштепа и в химическом плане. На это указывают корреляционные графики пар диагностических примесей серебро-никель, серебро-сурьма, мышьяк-никель и никель-кобальт (рис. 2). Комплекс подразделяется на три количественно неравноценные химические группы. Группа I, представленная 5 образцами, характеризуется пониженным содержанием серебра, сурьмы, никеля и кобальта (тысячные и сотые доли процента). Для группы II, которую составляют 3 изделия, концентрации этих примесей уже выше и варьируют в пределах сотых-десятых долей процента. Группа III выделена условно, так как ее

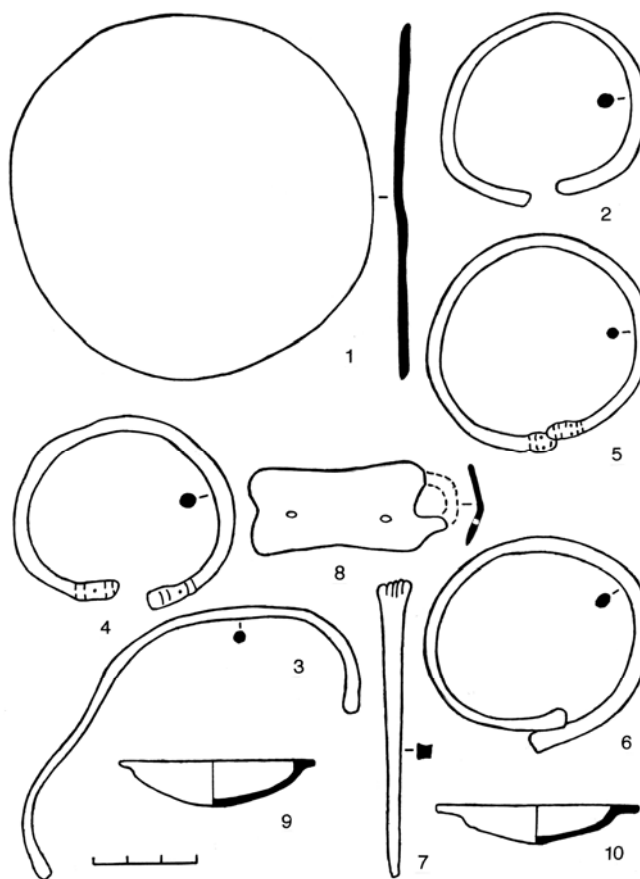

Рис. 1. Металлические изделия из некрополя Ялангтуштепа

Лабор №	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
25376	основа	5,0	0,05	0,004	0,001	0,001	-	0,08	0,4	0,4	0,006	-
25377	-	1,2	0,004	0,004	-	0,001	-	0,02	0,09	0,01	<0,003	-
25578	-	2,0	0,009	0,01	-	0,0001	-	0,04	0,1	0,01	<0,003	-
25379	-	0,03	6,0	10,0	-	0,003	-	?	1,0	0,007	<0,003	-
25380	-	0,001	0,001	<0,001	-	0,001	-	?	0,2	0,01	0,003	-
25381	-	0,15	0,04	<0,001	-	>0,1	-	0,09	1,0	>3,0	0,2	<0,001
25382	-	3,0	5,0	2,0	0,055	0,01	0,03	0,08	1,0	0,6	0,015	<0,003
25383	-	3,0	3,5	4,0	<0,001	0,01	0,05	0,15	0,6	0,15	0,007	<0,001
25384	-	2,5	10,0	4,0	0,009	0,03	0,06	0,2	0,6	0,1	0,01	<0,003
25385	-	0,0002	0,004	<0,001	0,0003	0,003	-	-	0,7	0,006	<0,003	-

Примечание: Знак «?» - присутствие элемента возможно; «<» меньше; «>» больше, «-» элемент не обнаружен; Ан. 25376, 25377 - чашечки (рис. 1: 9, 10); ан.25378 - зеркало (рис. 1:1); ан 25379 - пластинки (рис.1:8); ан.25380, 25381, 25382, 25383, 25384 - браслеты (рис. 1:2, 3, 4, 5, 6); ан. 25385 - заколка (рис. 1:7); ан. 25337, 25377, 25378, 25379, 25380, 25383 - наус II; ан. 25381, 25384, 25385 - наус III; ан. 25382 - наус IX.

характеризует лишь один предмет, отличающийся от других находок значительным содержанием никеля (более 3%). Одна вещь отнесена нами к химически неопределенной группе, так как ее металл по одним элементам, например по серебру, химически сходен с группой I, по другим - сурьме, никелю и кобальту - с медью группы II.

Теперь проведем сравнительный анализ состава металла исследованных вещей из Ялангтушского могильника. В этот комплекс, как было отмечено выше, входят украшения (браслеты и заколки), туалетные предметы (зеркало и чашечки) и наливная пластинка. Оказалось, что браслеты были изготовлены из сложных медно-оловянно-свинцово-цинковых сплавов (3 экз.) и «чистой» меди (2 экз.). Зеркало и две чашечки были отлиты из бинарных медно-оловянистых бронз. Заколка со сжатыми в кулак пальцами сделана из «чистой» меди. И наконец, пластинка с отверстиями для привязывания была исполнена из медно-цинково-свинцового сплава. По химическим группам изделия распределились следующим образом. Металл группы I с пониженным содержанием микропримесей послужил сырьем для зеркала, заколки, пластинки, одного браслета и одной чашечки. Металл группы II, представленной сложными многокомпонентными сплавами типа Cu+Sn+Pb+Zn с повышенными концентрациями микропримесей, был использован для изготовления трех браслетов. Медь условно выделенной химической группы III, не имеющей легирующих примесей и отличающейся от других групп высоким содержанием никеля, стала сырьем для одного браслета. И, наконец, одна из туалетных чашечек была отлита из оловянистой бронзы химически неопределенной группы.

Итак, в металлообработке племен, оставивших могильник Ялангтуштепа, использовались разнообразные типы сплавов. Ведущее место здесь занимали оловянистые бронзы и сложные рецепты, легированные оловом, свинцом и цинком. Вместе с тем довольно часто использовалась «чистая» медь. Кстати, судя по данным, полученным С.В. Левушкиной (1981), медь без искусственных примесей широко применялась при изготовлении монет, бывших в обращении у населения Северной

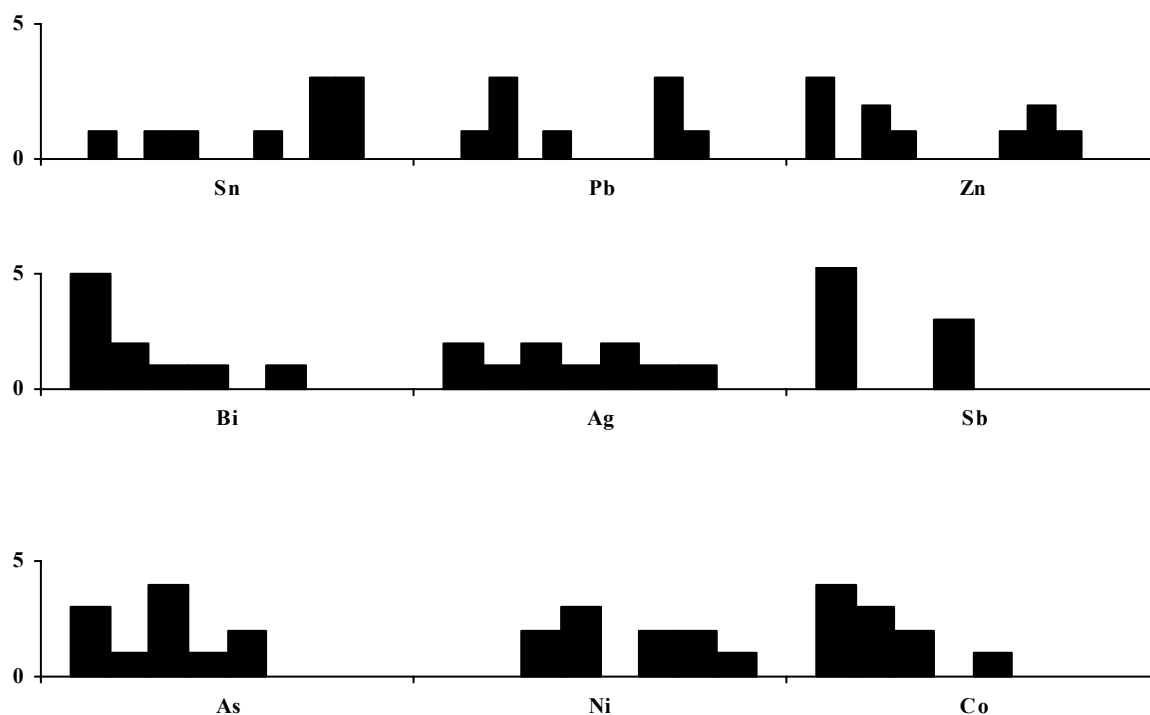

Рис. 2. Частотные гистограммы и корреляционные графики концентраций примесей к меди из некрополя Ялангтуштепа.

Бактрии в античный период. Остается неясным вопрос о медно-оловянных рудных источниках для ялангтушского металла. Дело в том, что серия исследованных изделий невелика, поэтому намеченные особенности в характеристике химического состава инвентаря могильника предварительны и нуждаются в дополнительных анализах. По тем же деталям химического состава, которые мы отметили выше, можно предположить, что рудных источников было два (возможно, три) и они отличались друг от друга концентрациями висмута, сурьмы, никеля и серебра. Конечно, список нерешенных вопросов, связанных с обработкой цветного металла эпохи античности юга Узбекистана, можно продолжить и он весьма обширен. Ведь изучение этой проблемы, по сути дела, начато не так давно. Однако даже тот небольшой материал, который мы имеем сегодня, свидетельствует о химико-металлургическом и типологическом разнообразии металлообработки местных племен. Для решения этой актуальной задачи необходимо продолжить исследование цветного металла из памятников античного времени Южного Узбекистана.

Литература:

- Левушкина О.В. Химический состав металла монет из Северной Бактрии // В кн. Э.В.Ртвеладзе, Ш.Р.Пидаева «Каталог древних монет Южного Узбекистана». Ташкент, 1981.
 Маликов О.О. Исследование кушанского могильника // УСА, вып.4. М., 1979.
 Ртвеладзе Э.В., Маликов О.О. Рекогносцировки в Чаганиане // АО-1976. М., 1977.
 Ртвеладзе Э.В. Могильник кушанского времени у Ялангтуш-тепе // СА, №2. М., 1983.
 Рузанов В.Д. О химическом составе металла Северной Бактрии // ТД советско-французского коллоквиума «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э.-VIII в. н.э.)». Ташкент, 1986.

ЭЛЛИНИСТИЧЕСКАЯ КРЕПОСТЬ КУРГАНЗОЛ

Исследование крепости Курганзол было начато в 2003 г., а в этом году мы продолжили работы в пределах того же участка в северо-западном секторе внутри крепостных стен, за исключением пробных раскопок внутри башни 4.

Стоит напомнить, что крепость Курганзол является уникальным памятником, поскольку он не перекрыт позднейшими напластованиями, как это обычно бывает с поселениями и городами Средней Азии эпохи эллинизма. По этой причине стратиграфия объектов интересующего нас времени продолжает во многом оставаться загадкой для исследователей, и любой новый шаг в данном направлении крайне важен не только для археологии как вспомогательной исторической дисциплины, но и для всей исторической науки в целом.

По-прежнему важнейшим, если не единственным, источником информации о хронологии памятника для археологов продолжает оставаться керамика, особенно в сочетании с упомянутыми выше стратиграфическими особенностями. Этим объясняется наше пристальное, может быть, даже чрезмерное внимание керамическим комплексам, полученным для каждого из периодов существования крепости.

Всего на Курганзоле были выявлены четыре последовательно сменяющих друг друга периода (рис.1,2), каждому из которых присуща своя архитектурно-планировочная структура со своим набором керамики, за исключением четвертого, последнего периода, когда уже не было самой крепости как таковой.

Период 1 (КЗ-1)

В этот период крепость представляла собой округлое в плане сооружение, диаметром около 30 м, с единственно возможным, учитывая рельеф, проходом в северном направлении (рис.3). Входной проем был оформлен двумя боковыми деревянными устоями, стоявшими на базах-камнях и превратившимися со временем в древесный тлен. Признаков какой-либо внутренней застройки не выявлено, хотя о наличии каких-то легких деревянных конструкций айванного типа, возможно, свидетельствует база колонны во дворе – плоский камень с обкладкой из поставленных ребром обломков сланца. Под сомнением остается вопрос, к какому из периодов относятся очаг, в период 2 вмурованный в стену и переоборудованный, а также вкопанный рядом хум высотой 76 см, с диаметром венчика 30 см.

Стена крепости толщиной 2,6 м и башни сложены из сырцовых кирпичей полуторного стандарта 45-46х35-36х10-12 см и сохранилась в высоту до 3 м; предполагается, что полукруглые в плане башни синхронны стенам. Пол – лессовый материк желтоватого цвета с тончайшей прослойкой сажи на нем. Лучшее всего пол 1 и слой поверх него сохранился во впадинах – в центре крепости, в проходе и, следуя естественному уклону рельефа, в западной части памятника. На всем остальном пространстве напольный слой был нарушен или полностью уничтожен в ходе строительной деятельности в период 2, когда внутри крепости возводятся стены. Соответственно, слои, связанные с 1 периодом, нивелировались, и немногочисленные фрагменты керамики, таким образом, происходят из вышеупомянутых впадин.

Керамика периода 1

Всего обнаружено 152 фрагмента керамики, из них 26 форм (рис.6, 1-17): кубки

или, точнее, чаши вытянутых пропорций (рис.6, 1-4); полусферические чаши, одна из которых – с подрезкой придонной части (рис.6, 5-7); миски (рис.6, 8-10); кувшины (рис.6, 11-15); хум (рис.6, 17) и лепное изделие, возможно, служившее формой в гончарном производстве (рис.6, 16). Из прочих находок: каменные точило и шаровидный терочник; обломок железной скобки, костяное ложило (рис. 23, 3).

Керамика 1 периода, несомненно, эллинистическая, но отличается безыскусностью и простотой форм, вся посуда выветлена (то, что обычно именуется светлым ангобом). Ни на одном из фрагментов не обнаружено даже признаков ангобирования. Все донца плоские, о дисковидных или, тем более, кольцевидных поддонах нет и речи. Аналогов керамика Курганзола 1-го периода ни в одном из известных эллинистических комплексов не имеет, если не принимать во внимание лепную форму (рис.6, 16), подобные которой можно найти на многих памятниках разных эпох. В целом наш относительно небольшой набор керамики обнаруживает сходство с комплексом «переходного периода» Джигатепы в Северном Афганистане, хотя там широко применялись красный и черный ангобы (Пидаев, 1984. С.112-114, рис.1).

Датировка периода 1 крепости Курганзол концом IV в. до н.э. была предложена в 2003 г., и с тех пор мы не имеем оснований для изменения точки зрения.

Период 2 (КЗ-2)

В этот период застраивается внутреннее пространство крепости (рис.4). Помещения расположены по периметру кольца обводной стены, к которой они пристроены, образуя обширный центральный двор, что очень напоминает архитектурно-планировочную структуру крепости VI-IV вв. до н.э. Талашкан (Ртвеладзе, Пидаев, 1993. С.133-135; Sajdullaev, 2002. С.288-290), причем традиция эта живет еще долго (Пугаченкова, 1979. С.66-67, рис.3). Стены толщиной 70-80 см сложены из сырцо-

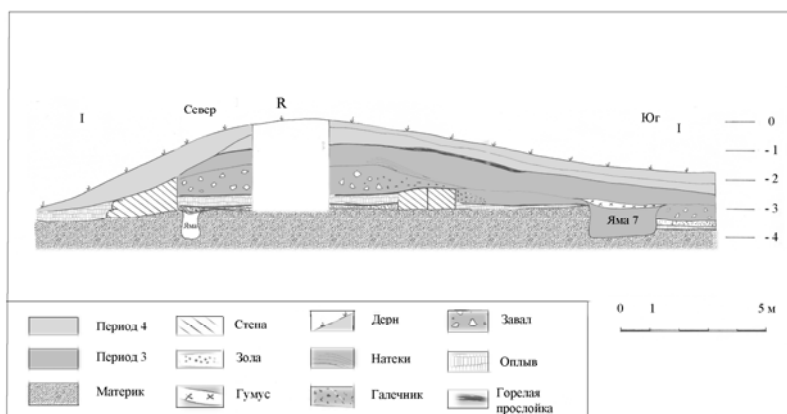
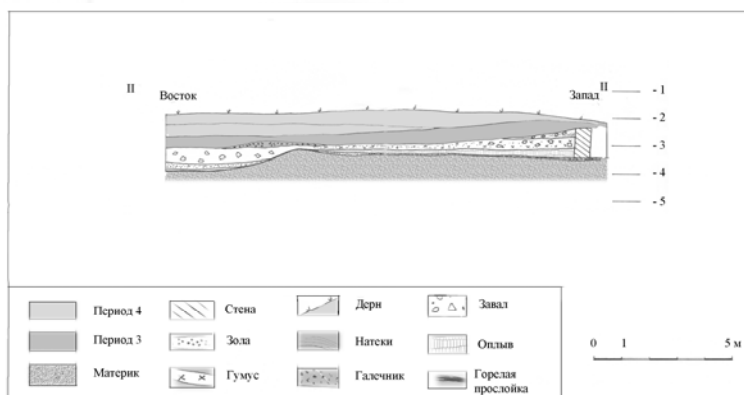

Рис. 1

Рис. 2

вых кирпичей того же полуторного формата, что и вся крепость. Сейчас максимальная их высота достигает 1,3-1,5 м, что составляет половину высоты обводной стены, что, вероятно, отражает изначальную ситуацию, когда перекрытия помещений служили основой верхнего яруса. Со стороны двора высота стен меньше, не более 1 м. Был ли такой уклон стен или это последствия естественного разрушения, сказать трудно. Мы знаем примеры интерьеров классических греческих домов, где этот прием обычно применялся (Рыжов, 1985. С.155-161), но в случае с Курганзолом скат кровли вряд ли уместен. Здесь играют свою роль и значительно меньшее количество осадков, и соображения фортификационного порядка, когда крыша помещений вдоль гребня стены вместе с верхним ярусом башен служила вторым эшелоном обороны.

Полы помещений и двора представляют собой глиняно-зольную смесь с добавлением известковых частиц. Во дворе основой его была зольная прослойка (от 3 до 20 см), что, учитывая абсорбционные ее свойства, предохраняло пол от влаги и разрушительного воздействия минеральных солей. В помещениях ситуация иная, так как в западной части крепости за какой-то промежуток времени успел образоваться натечный слой – следствие оплыва обводной стены. В наиболее низко расположенных помещениях 1 и 2 этот слой, наряду с нивелирующей подсыпкой, был использован в качестве основы пола 2, но в помещениях 3-5 из-за подъема рельефа расстояние между полами 1 и 2 составляет всего несколько миллиметров.

Никаких ям в это время еще не было, и, надо заметить, устройство их в период 3 очень сильно подпортило стратиграфическую ситуацию, особенно в северной части двора и помещениях 1-2. В двух последних верхняя часть содержимого ям со временем разрушилась и смешалась с заполнением самих помещений 2 периода.

Помещение 1 трапециевидное в плане, размером 4,9х3,7х3 м. Возле юго-восточной стены на подиуме устроен очаг, возле которого стоял разбитый лепной котел. Рядом имеется дверной проем шириной 80 см, ведущий во двор с подпятником для установки двери у левой щеки. Еще один проход, в северном углу, шириной 1 м соединял пом.1 с башней 1.

Помещение 2 прямоугольное в плане, размером 3,8х1,9 м. Соединялось проходами шириной 70 см с двором и пом.3. Как и в пом.1, проемы на всю глубину оборудованы порогами, обычно из кусков сырца и иногда камней. Посередине северо-

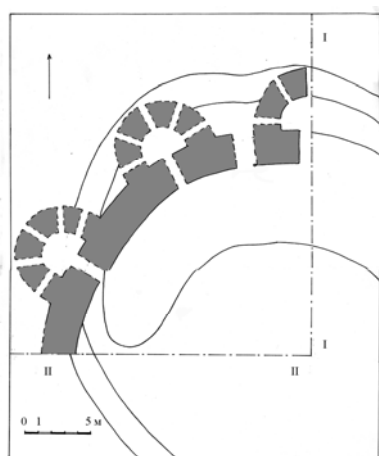

Рис. 3

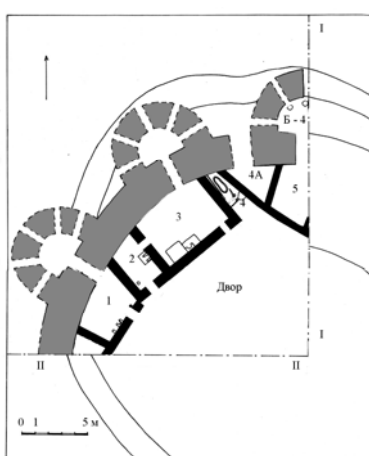

Рис. 4

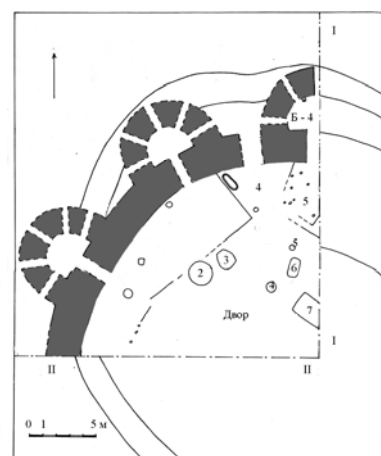

Рис. 5

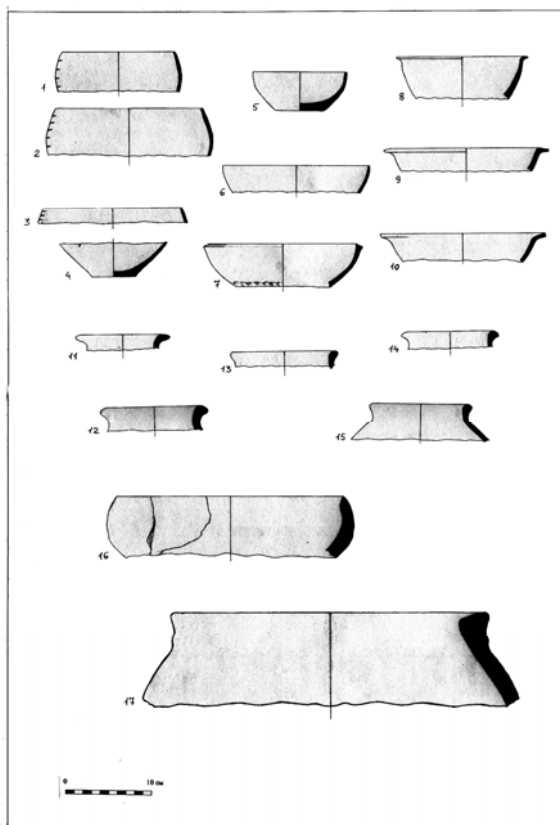

Рис. 6

три лепных котла, каждый из которых снабжен четырьмя ручками-упорами.

Стены пом.3 достигают в высоту 1,3 м от уровня пола, что составляет 7 рядов кладки, в то время как высота обводной стены в этом месте равна 3 м. Штукатурка на стенах прокалилась до красна из-за пожара, о силе которого свидетельствуют находки обгоревших балок перекрытия и фрагментов обожженной потолочной обмазки с отпечатками жердей. В помещениях 1 и 2 признаков воздействия огня не выявлено, хотя в целом стратиграфическая ситуация идентична: сырцовый завал неоднородной структуры на полу, где остались стоять керамические сосуды и где попадаются отпечатки древесного тлена от циновок, применявшихся в конструкции плоских перекрытий. Наверное, только проходы в башни были сводчатыми, на что указывает находка ле-

восточной стены на подиуме имеется очаг сложной конструкции, и возле него стоял разбитый лепной котел. То, что очаг вмонтирован в стену, говорит либо о необычной системе дымохода, либо, как написано выше, о существовании первого, более раннего очага на этом месте уже в период 1. Сказанное в полной мере относится и к укрытому плоским камнем сосуду в южном углу пом.2, поскольку он вмонтирован в пол 1.

Помещение 3 – самое большое по площади и наименее пострадавшее от ям и перестроек 3 периода. Прямоугольное в плане размером 5,8х4,3 м, имеет проходы в башню 2, двор и пом.2. Из-за перепада высот проем в пом.2 оборудован ступенями из половинок сырцовых кирпичей. У юго-восточной стены на прямоугольном возвышении был поставлен очаг, возле которого обнаружены

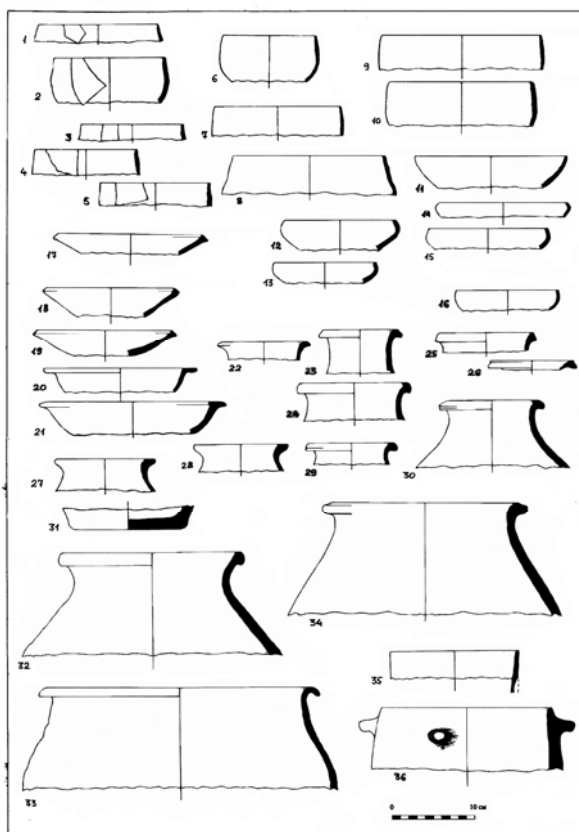

Рис. 7

кального сырцового кирпича, лежавшего ребром в том же завале под обводной стеной у входа в башню 2. Он имеет пятиугольную форму или, если угодно, равнобедренного треугольника со срезанными на углах основания углами: такие обычно применялись для выведения полукруглых сводов. Толщина его 10 см, длина основания 46 см, длина каждой из сторон треугольника 42 см, длина коротких граней (среза угла) 9,5 см.

На полу пом.3 под завалом обнаружены 34 археологически целых сосуда и их фрагментов, в том числе 6 лепных котлов (рис.9-10). В западном углу помещения остались лежать каменные орудия – зернотерка, шаровидный терочник и оселок, а под ступенью прохода в пом.2 – две вложенные одна в другую чаши с Т-образными венчиками (рис.9, 8-9) и рядом с ними кувшин (рис.10, 1). В отличие от пом.3 или даже

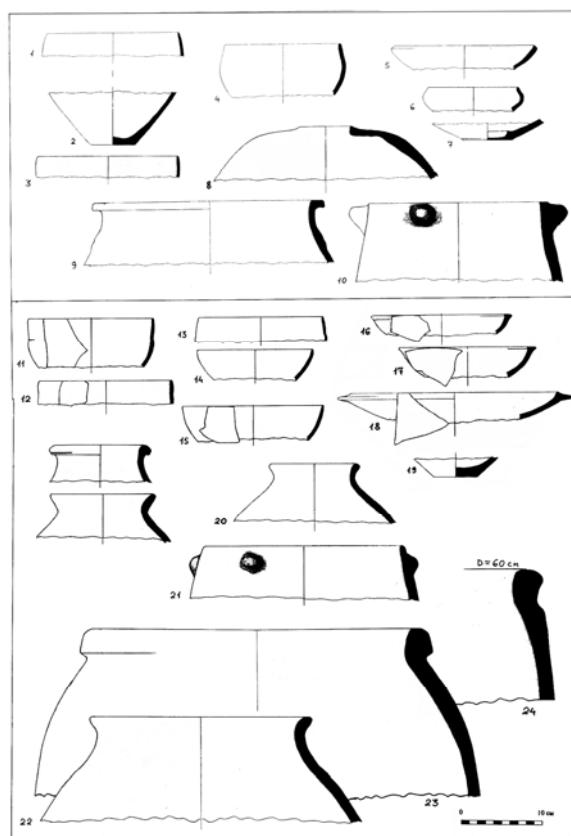

Рис. 8

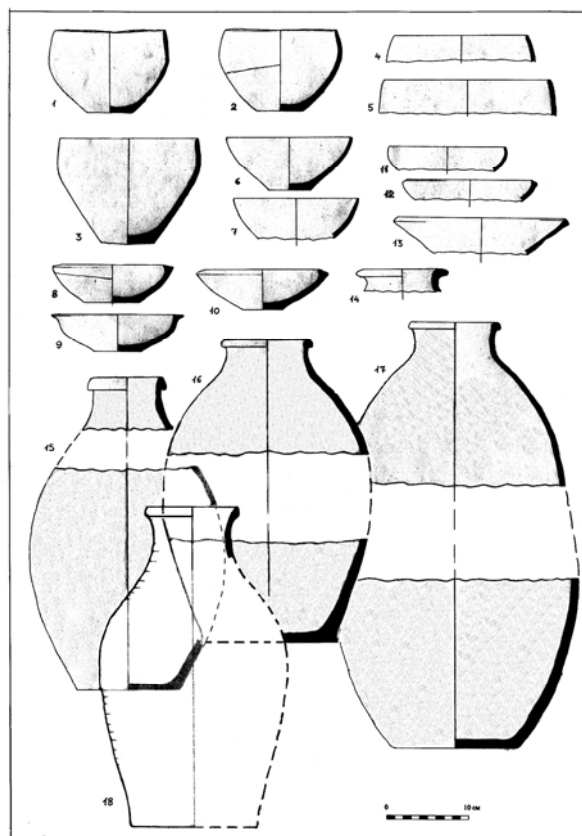

Рис. 9

1 и 2, слои в северной части крепости куда более основательно повреждены.

Помещение 4 – это вытянутое, прямоугольное в плане межкомнатное пространство размером 4,2х1,2 м, совершенно открытое в сторону двора. В глубине помещения в период 2 была установлена большая керамическая ванна, использовавшаяся и позже, в период 3 (рис.24). Длина ванны 1,3 м, ширина 50 см, глубина 60 см. Дно плоское, в трещинах, отчего мы не решились ее поднимать, хотя надо было расчистить тонкую, 5-сантиметровую сырцовую перегородку между ванной и западной стеной. Это могут быть следы опалубки, указывающей на первоначальное положение ванны. Похоже, пом.4 все же было изолировано от двора неким подобием тамбура, так как в полу в 1 м от ванны имеются следы столбовых устоев в виде

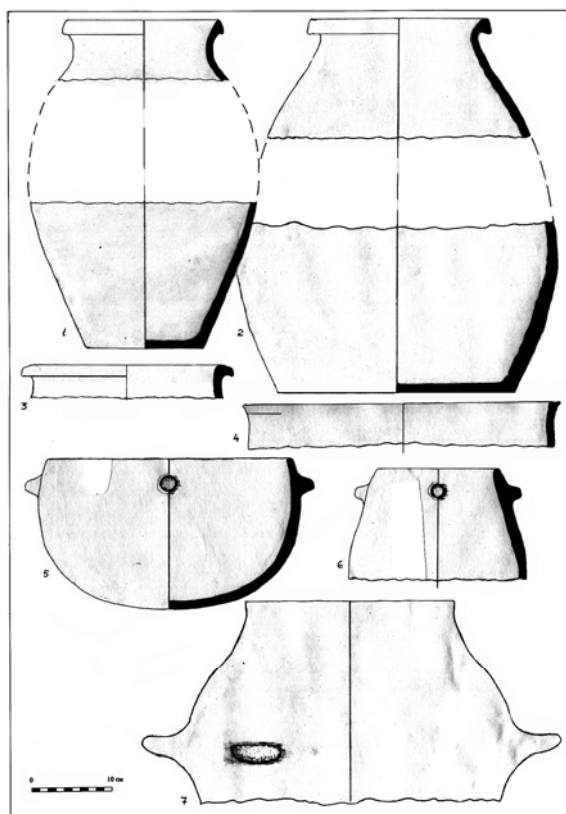

Рис. 10

оформлением. На фотографии можно видеть, что углы входной арки были украшены округлыми пилястрами или слегка выступающими сырцовыми оштукатуренными колонками. В наследство от периода 1 остались камни – базы деревянных колонн, лежащие на полу 1 по обе стороны прохода. В период 3 проем был заложен, и с ним вместе прекратило существование и пом.4А; оно слилось с пом 4 в одно целое, но об этом чуть позже.

Помещение 5 не раскопано до конца, его северо-восточный угол оказался за пределами раскопа, но форму определить несложно – в плане это трапеция размером 3,2х3 м. Примечательно тем, что здесь мощность культурного слоя достигает максимума – 3 м. Из всей свиты слоев к периоду 2 относится только напольная прослойка толщиной не более 20 см, да и та порядком нарушена в пери-

лунок и отпечатки деревянных плах. Однако уверенно говорить о существовании этой айванной конструкции пом.4 уже во 2 периоде мы не можем. Вероятнее всего, переустановка ванны и обустройство пом.4 относится к периоду 3.

Помещение 4А в плане имеет форму треугольника со стороной 3-4 м. Несомненно, служило входным тамбуром – клетью, где должна была быть лестница и, таким образом, попасть во двор можно только через верхний ярус. Этим объясняется также специфика слоеобразования в пом.4А: резкий уклон уровня пола в сторону дверного проема и оплыв под восточной стеной. Такое устройство затрудняло доступ внутрь крепости и как нельзя лучше обеспечивало безопасность ее гарнизона.

Входной проем в пом.4А отличается от башенных проходов большей шириной (1,5 м) и, как нам кажется, лучшим

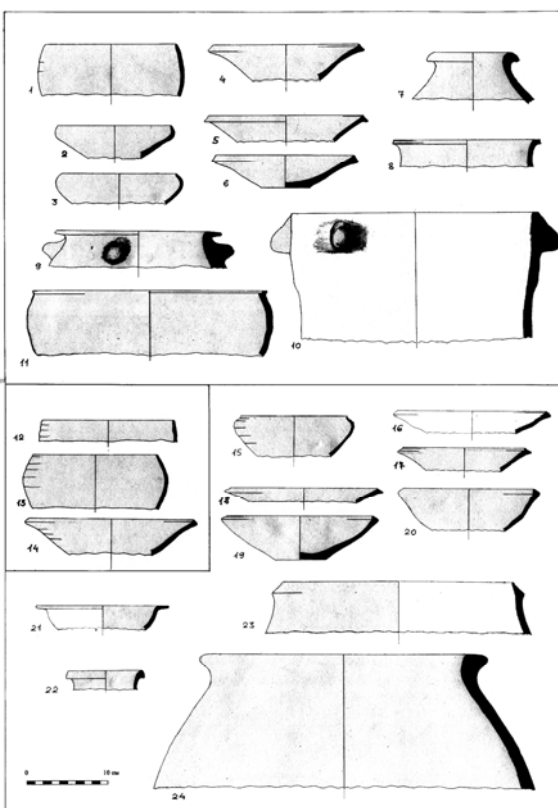

Рис. 11

од 3, когда пом.5 превратили в айван. В северной стене имеется проход в башню 4, который мы пока открывать не стали, как, впрочем, и другие. На наш взгляд, так лучше для сохранности крепости.

Башня 4 вскрыта наполовину. Форма в плане полукруглая, радиус круга 2,6 м, т.е. равен толщине обводной стены крепости. Внешний фас на данном участке не сохранился, но можно полагать, что толщина стены самой башни составляла не менее 1,3 м и не более 2,5 м. В башне имеются бойницы, две – на северном фасае, из-за чего он так плохо сохранился, одна – на западном и, должно быть, еще одна – на восточном. Размеры западной бойницы 50х50 см (внутри), наружу сужаются за счет уклона потолка. В полу перед бойницами образовались своеобразные выбоины – стрелковые площад-

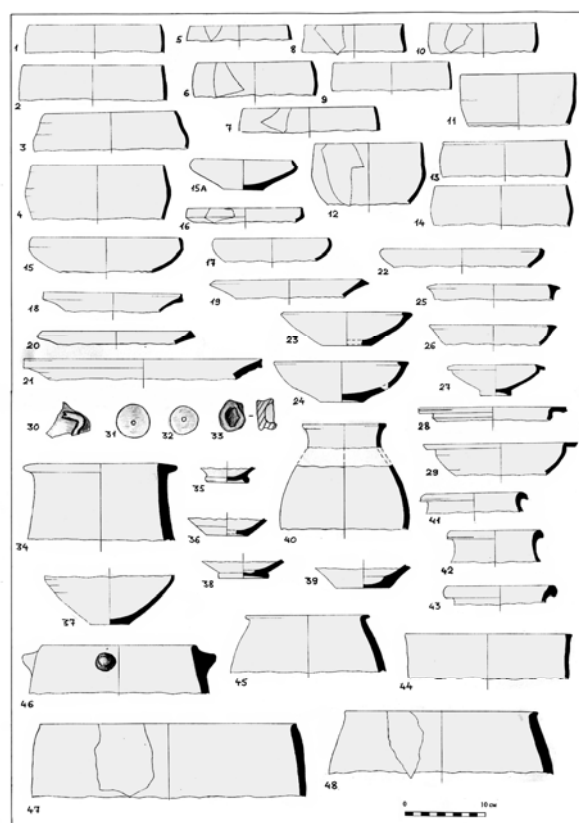

Рис. 12

ки, одну из которых со временем превратили в яму глубиной 1 м. В заполнении ямы найдены железный нож, костяной гребешок, горловина алебастрового сосуда, алебастровый диск диаметром 30 см и толщиной 3 см, два каменных ядра (рис.22; 23, 1,4,5). Из всего множества ям, обнаруженных при раскопках Курганзола, только эта относится к периоду 2, прочие относятся к 3 периоду.

В башне 4, как и в пом.3, зафиксированы следы пожара в виде горелых прослоек на полу. Недолгий перерыв жизни в крепости виден по натекам поверх напольного слоя. Сходная стратиграфическая ситуация отмечается и во дворе, правда, северная часть его вскрытой площади основательно испорчена хозяйственными ямами 3 периода.

Керамика периода 2

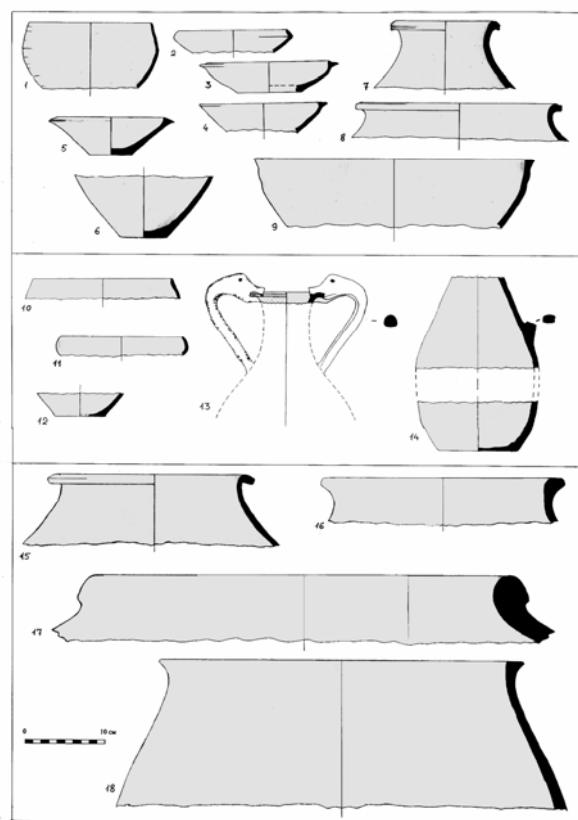

Рис. 13

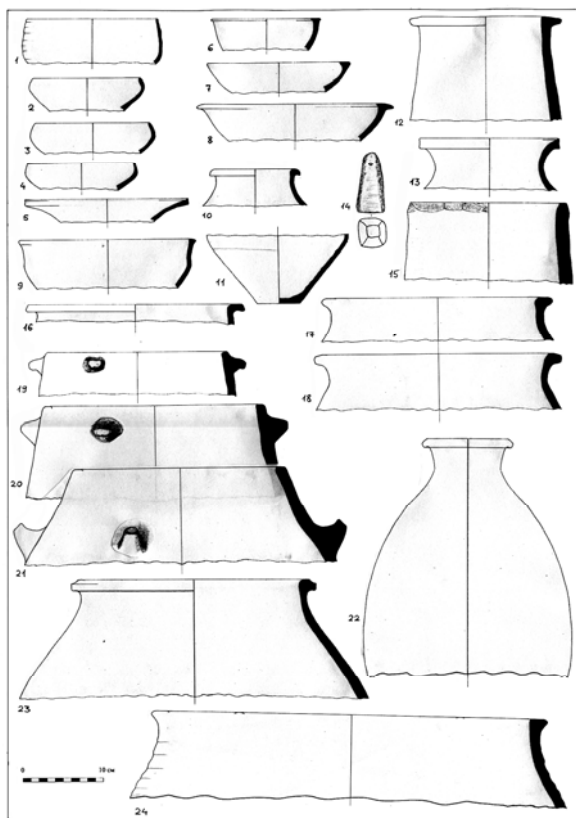

Рис. 14

19), 1 дисковидный поддон (рис.9, 16) и 1 плоское донце открытой формы с круглой уступом-выемкой внутри (рис.8, 7).

В керамике Курганзола 2 периода, конечно, имеются кубки и чаши вытянутых пропорций (рис.7, 1-10; рис.8, 1-4, 11-13; рис.9, 1-5; рис.11, 1, 12-13). Как и в период 1, есть полусферические чаши (рис.7, 11; рис.8, 14-15; рис.9, 6-7), но уже появляются чаши с закругленным внутрь венчиком (рис.7, 12-16; рис.8, 6; рис.9, 11; рис.11, 2-3, 15). Хорошо известны в эллинистических комплексах чаши с Т-образным в сечении венчиком (рис.7, 17; рис.8, 16-17; рис.9, 8-10) и миски с Г-образным профилем (рис.7, 20-21; рис.11, 21). Широко представлены блюда и тарелки с венчиками различных очертаний, в том числе так называемые «рыбные блюда» (рис.7, 18-19; рис.8, 5, 18; рис.9, 12-

Коллекция керамики 2 периода насчитывает 2266 фрагментов, из них 157 форм – венчиков и донце (рис.7-11). Сразу надо оговориться, что «чистый» комплекс был получен только в пом.3, наименее затронутом всевозможными перестройками, пристройками, подрезками и ямами 3 периода. Тем не менее, из 2266 фрагментов только 2 черепка принадлежат сосудам, обжигавшимся в восстановительной среде. Они черного цвета, как обычно пишут, с черным ангобом. 4 черепка имеют излом темно-коричневого цвета, что также можно расценивать как попытку наладить восстановительный обжиг.

В комплексе есть 4 фрагмента с темно-красным ангобом и 1 – с темно-коричневым; в 5 случаях отмечены следы лощения. Подавляющее большинство донца плоские, но уже появился слегка вогнутый поддон (рис.8,

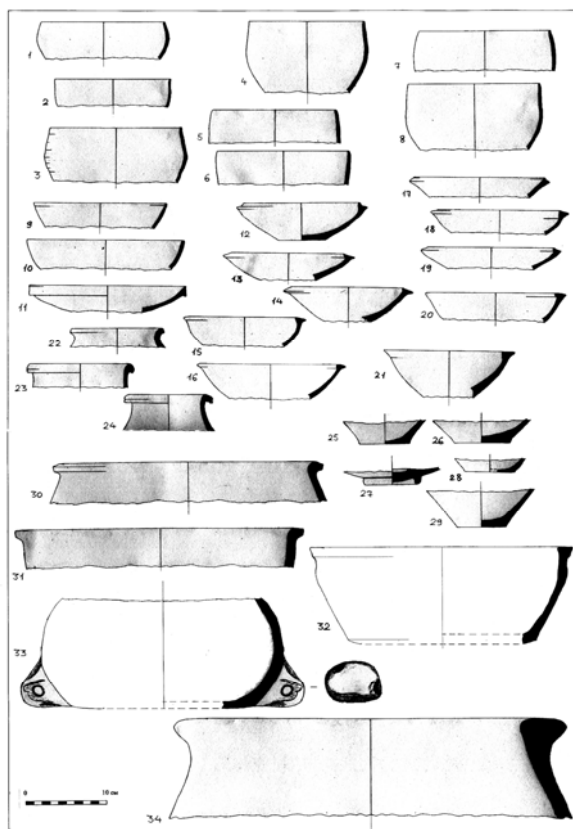

Рис. 15

13; рис.11, 4-6, 14, 16-20). Увеличиваются вариации узкогорлых кувшинов вытянутых пропорций (без ручек), широкогорлых кувшинов и горшков; среди первых есть два венчика, подобных которым нет ни в период 1, ни в период 3 (рис.7, 27-28). Появляются специфические сосуды для смешивания вина – кратеры, которые характерны только для эпохи эллинизма (рис.11, 11, 23). Кухонная утварь представлена, как обычно, лепными котлами на округлом и плоском дне, с двумя или четырьмя круглыми и овальными ручками-упорами. Кроме котлов, есть только один фрагмент венчика лепного сосуда открытой формы, изготовленного на матерчатом шаблоне (рис.7, 35).

Как мы видим, керамика периода 2 вполне соответствует тому, что именуется «комплексом айханумского типа», особенно той его части, которая дати-

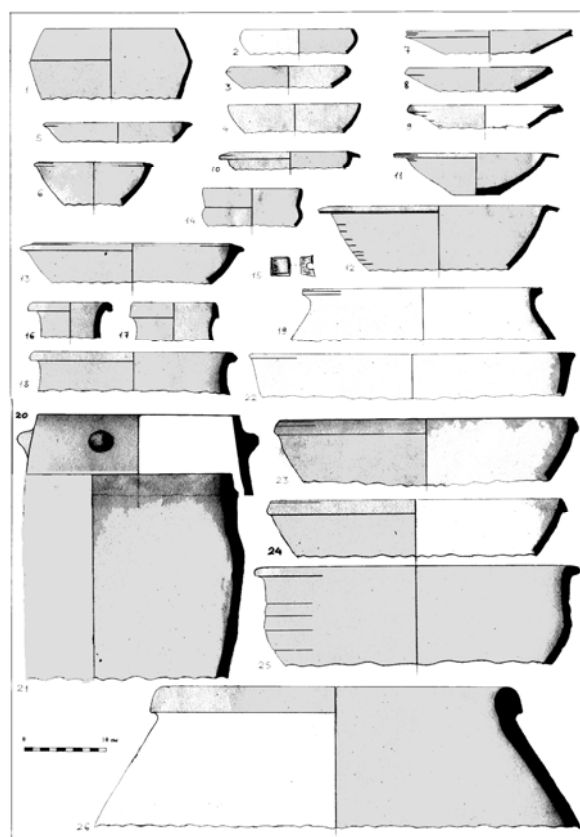

Рис. 16

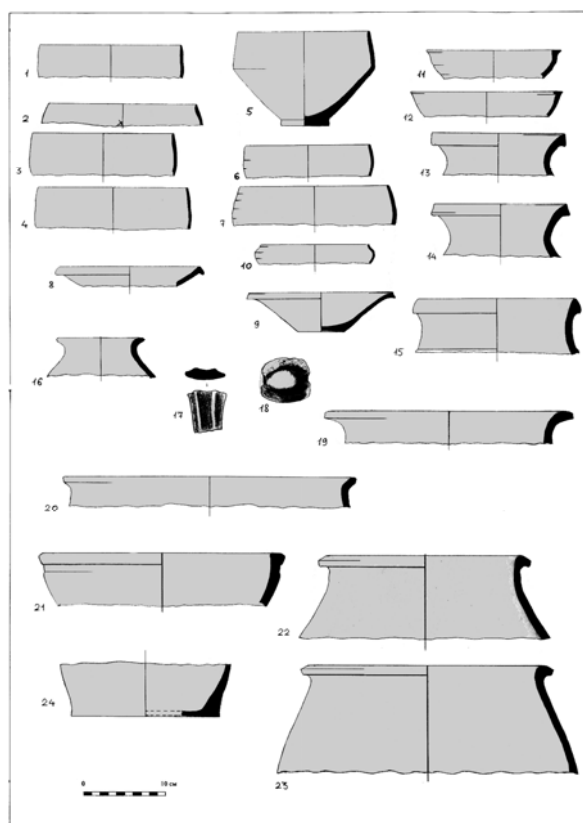

Рис. 17

руется 280-250 гг. до н.э. на основании находок в пропилеях главной улицы. В это же время в Айханум появляется «сероглиняная керамика с черным ангобом» (Guillaume, 1983. С. 28-29). Вообще керамика этого типа не является редкостью и хорошо известна по раскопкам немалого количества памятников, расположенных на всей территории Средней Азии – от Хорезма до Ферганы и от Афганистана до Сырдарьи. Это усадьба Дингильдже в Хорезме (Воробьева, 1973. С.127-131, рис.37-38); городище Гяур-кала в Мерве (Рутковская, 1958. С.122, рис.1; Кацурис, Буряков, 1963. С.123, рис.4); древние города и поселения Бухары (Ахраров, Усманова, 1978. Рис.1; Сулейманов, Ураков, 1977. С.58; Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов. С.149-152, рис.1-4). Это городища Кумушкент и Коктепа в Самаркандском

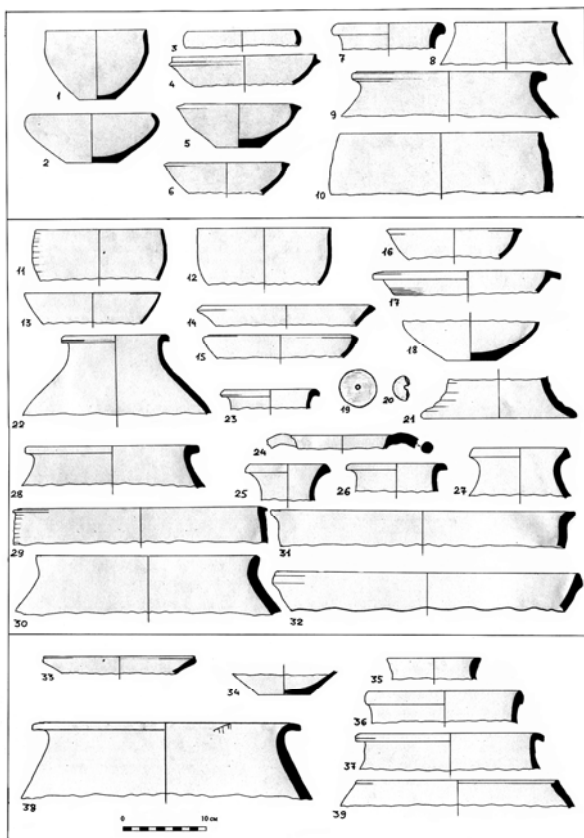

Рис. 18

Вся беда в том, что чаще всего эллинистическая керамика подобного типа датируется или вообще III-IV вв. до н.э., или только концом IV – началом III в. до н.э. Исключение составляет исследование городища Старого Термеза, где за долгие годы раскопок удалось получить стратифицированные керамические комплексы эпохи эллинизма (Козловский, Некрасова, 1976; Пидаев, 1987. С.87-89; Пидаев, 1991). Сравнительная керамику Курганзола 2 периода с термезской, наибольшее сходство усматривается с комплексом 1 этапа, датируемом первой половиной III в. до н.э., хотя некоторые параллели имеются и с керамикой 2 этапа (Пидаев, 1991. С.213-214, рис.1, 2).

К сожалению, при раскопках Курганзола не было найдено ни одной монеты, что не удивительно, учитывая подсобно-хозяйственное назначение

Согде (Пугаченкова, 1989. С.39-44, рис.15-16; Исамиддинов, 2002. С.111-113, рис.108-113) и, конечно, само городище Афрасиаб, гончарная продукция которого выгодно отличается высоким качеством изготовления и оформления (Шишкина, 1969, С.230, рис.3; Шишкина, 1975). Это памятники нижней и верхней Кашкадарьи – Еркурган и Подаятактепа (Исамиддинов, Сулейманов, 1984. С.42-53; Омельченко, 2003. Рис.65). Это смешанные комплексы Нуртепа и Ходжента в Северном Таджикистане (Негматов, Беляева. С.25-27, рис.2-3; Беляева, 1978. С.45), хорошо изученные материалы из Южного Таджикистана (Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В., 1988. С.278-285, рис.1-2; Седов, 1984. С.171-174, рис.1) и, как сказано выше, Айханум в Северном Афганистане (Lyonnet, 1997. С.379-384, рис. 40-45).

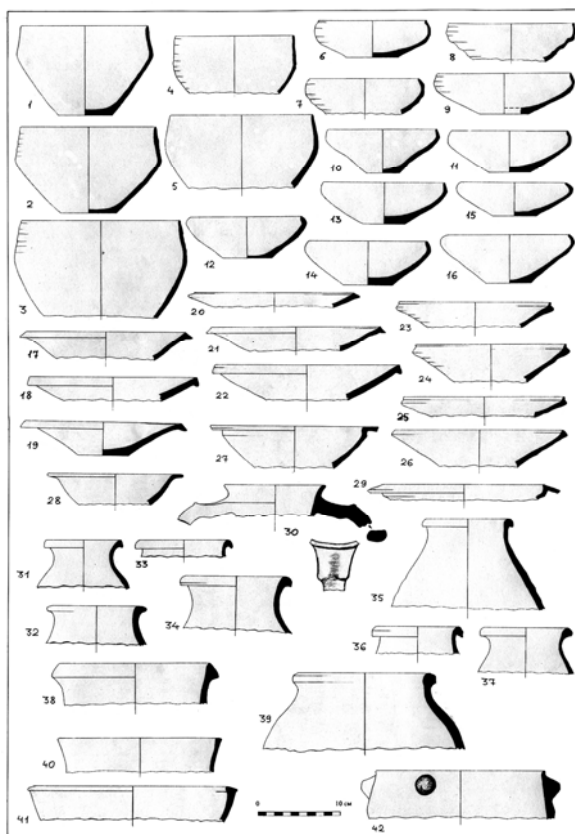

Рис. 19

помещений северо-западной части крепости. Тем не менее, мы склонны датировать период 2 первой половиной III в. до н.э., и, вероятно, пожар, знаменующий конец одного из этапов жизни крепости, приходится где-то на середину III в. до н.э.

Период 3 (КЗ-3)

После недолгого перерыва жизнь в крепости возобновилась, произошла очередная реконструкция, осуществленная, похоже, в спешном порядке (рис.5). Разбирать завалы в помещениях 1, 2 и 3 не стали, накатав полы просто на выровненную поверхность. Перепад высот между новым уровнем и уровнем двора уменьшили с помощью галечниковой подсыпки. Помещения 4 и 4А слились в одно, пом.4 расчистили, ванну переставили, углубленное пом.4А так и осталось под землей, а вход в крепость вообще замуровали. Для закладки применял-

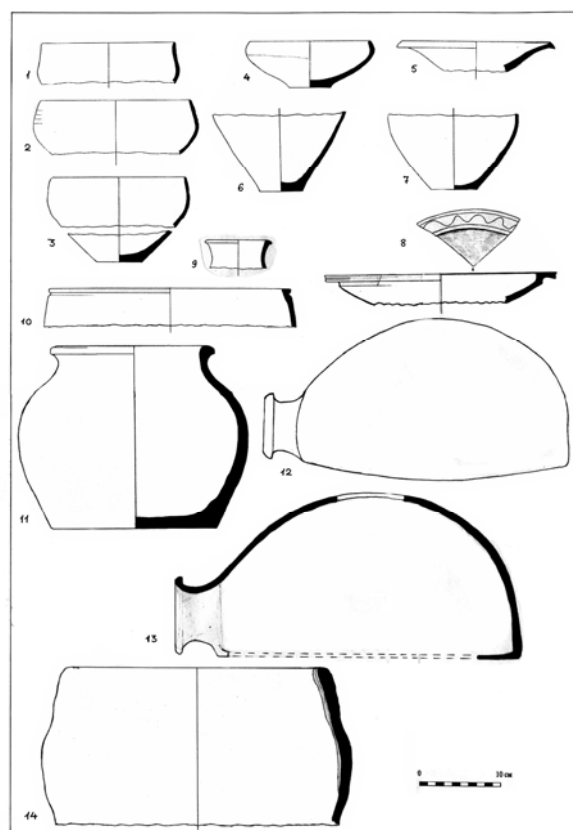

Рис. 20

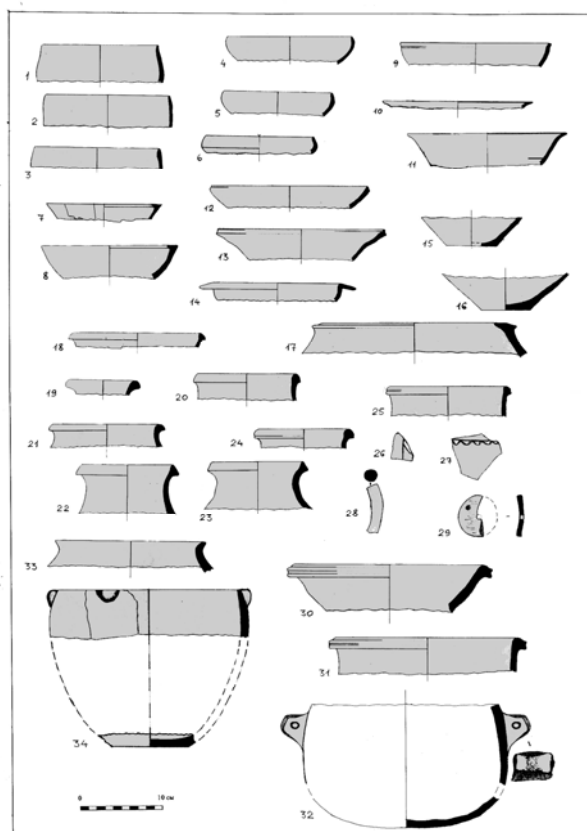

Рис. 21

ся совершенно другой, квадратный сырцовый кирпич размером 40-41x40-41x15 см, подобный тому, что использовался при строительстве Айханум (Кошеленко, Мунчаев, 1976. С.120). В пом.5 и в западной части двора возводились легкие айванные конструкции, на что указывают лунки диаметром 5-10 см в полу; только в пом.5 их насчитывается восемь. Судя по находкам фрагментов штукатурки в завале на полу пом.5, потолки айвана были оштукатурены и побелены известью. В результате реконструкции в период 3 крепость отчасти вернула свой прежний облик, каковой она имела первоначально, в период 1. Но общую гармонию нарушают многочисленные хозяйственные ямы самой разной конфигурации и размеров, глубиной до 1,5 м. В отличие от предыдущих периодов, доступ в башни 1 и 2 был возможен

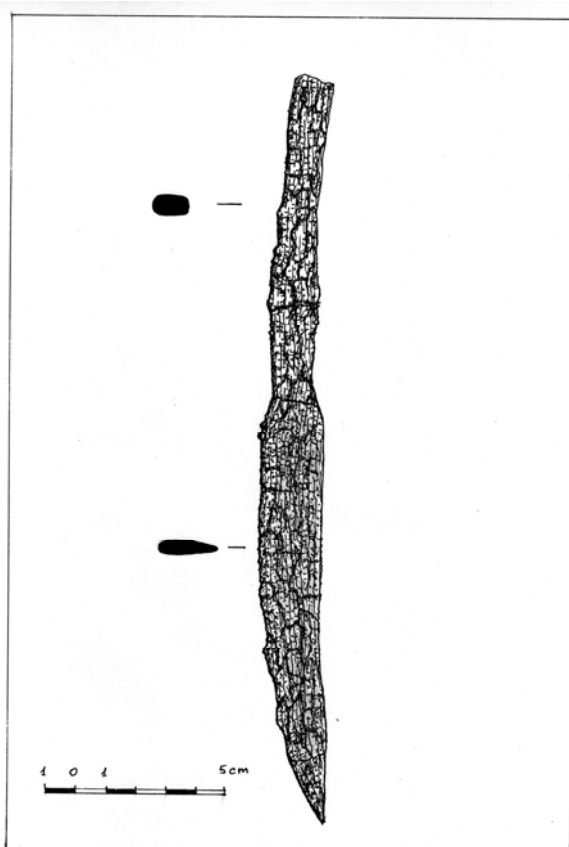

Рис. 22

периода – опоясывает все раскопанное пространство, кроме, конечно, северо-западной части (над помещениями 1,2 и 3 периода 2), где не было деревянных ай-ванных конструкций.

Керамика периода 3

Благодаря внезапной, как нам кажется, гибели крепости, коллекция керамики 3 периода насчитывает 4112 фрагментов, 760 из которых – венчики и донца (рис.12-20). Черепков с темно-коричневым ангобом нет, но по сравнению с периодом 2 процент красноангобированных сосудов увеличивается и составляет 0,34% (14 фрагментов); еще больше процент сосудов, подвергавшихся обжигу в восстановительной среде – 1 %: 10 черных, 9 черно-серых, 11 серых, 14 серо-коричневых. Известны только 6 случаев находок керамики с лощением.

Подавляющее большинство донца сосудов обычные плоские, но 20 фрагментов (0,5% от общего количества) демонстрируют применение новых технических знаний в гончарном производстве. Это, в частности, 16 дисковидных поддонов, и впервые в Курганзале появляются сосуды на кольцевидном поддоне, их найдено два (рис.12, 35;

только по верхнему ярусу, лишь башня 4, как главная на самом уязвимом, северном направлении, осталась в неизменном виде. Здесь накатывается новый пол, и в нем под северной стеной устраивается прямоугольный очаг (40x20 см, глубина 9 см).

Однако жизнь крепости в период 3 длилась недолго: новый, еще более мощный пожар оборвал существование не только периода 3, но, по сути, и всего Курганзола. Под двухметровым слоем завала в северной части крепости остались лежать раздавленные сосуды вперемешку с обгоревшими деревянными частями рухнувшей айванной конструкции. Когда обвалились перекрытия (соответственно, полы верхнего яруса), с ними вместе в верхнюю часть завала попали те сосуды, что находились на втором этаже (рис.17). Аналогичная стратиграфическая ситуация, может быть, в меньших масштабах, характерна для всего вскрытого участка крепости, и пресловутая горелая прослойка – граница 3 пе-

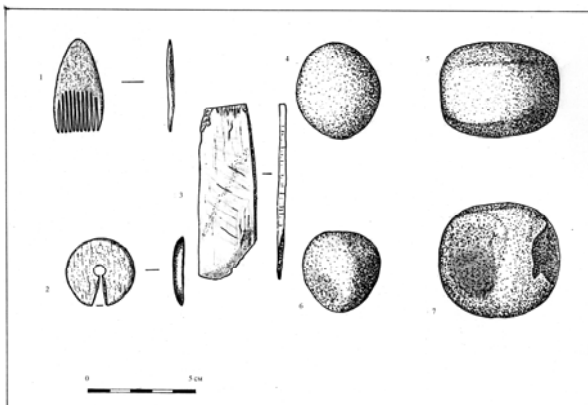

Рис. 23

рис.15, 27).

Наблюдается увеличение вариаций кубков, и профили их становятся более вычурными, то же можно сказать о блюдах, тарелках и мисках. Чаши с Т-образным профилем венчика в период 3 отличаются изысканностью, чаши с закругленным внутрь венчиком демонстрируют самые разные модификации и, похоже, они становятся крайне популярными. Только возле ванны и внутри нее было найдено 11 таких чаш, что может косвенно подсказать их назначение (рис.19, 6-16).

Среди кувшинов есть новые типы, два из которых явно не местного производства (рис.12, 40; рис.13, 13), особенно фрагмент венчика с зооморфной ручкой, покрытой темно-красным ангобом и залощенной. Имеются и другие находки ручек кувшинов (рис.13, 14; рис.17, 17; рис.18, 24; рис.19, 30). Два последних, совершенно очевидно, – импортные: цвет черепка одного из них бледно-зеленый, с лощением (рис.18, 24), другой фрагмент – типичный образец амфоры – случай, надо сказать, редкий (рис.19, 30). Наверное, до этого только в Айханум находили подобные сосуды (Lyonnet, 1997. С.380, рис.41, 9).

Совершенно новой формой являются выючные фляги, которых в комплексе 3 периода шесть. Две из них – археологически целые (рис.20, 12-13), вторая имеет признаки вторичного использования, уже в качестве переносного очага. Горловину ее запечатали алебастром, дно аккуратно выломали, а сверху выпилили отверстие-дымоход: внутренняя поверхность покрыта копотью (рис.20, 13). Две другие фляги были снабжены парой ручек-налепов с отверстием для подвешивания (рис.15, 33; рис.17, 18). Возможно, квадратная ручка, найденная во дворе, также принадлежала фляге (рис.16, 15).

В период 3 как-то вдруг появляется множество вариантов тагора – керамических тазов наподобие греческого лутерия, которые, как и фляги, обычны для греко-бактрийских комплексов. Еще в КЗ-3 есть фрагменты сосудов для смешивания вина – кратеров (рис.18, 21; рис.20, 10), крупные тарные сосуды и лепные кухонные котлы. Неподалеку от ванны, в яме 3 был найден обломок керамической трубы (рис.14, 15), что говорит о налаженной системе водостока.

Интересна керамическая поделка, которую мы условно назвали «солонкой» (рис.12, 33); точно такая же, но необожженная, есть в слое 24 цитадели Кампыртепа.

Случаев находок фрагментов с орнаментом известно только два: наlepной валик на стенке одного сосуда (рис.12, 30) и линейно-волнистый узор на верхней площадке венчика миски (рис.20, 8). Из прочих находок можно упомянуть пряслица, сделанные из обломков стенок сосудов и необожженное глиняное грузило, лежавшее в яме 3 (рис.14, 14).

Керамический комплекс Курганзола 3 периода не демонстрирует ничего нового, кроме, разве что, количества и многообразия представленных форм. Все они хорошо известны по раскопкам памятников греко-бактрийского времени, проблема заключается только в их хронологии. Вновь обращаясь к наиболее, как нам кажется, детально исследованным керамическим комплексам Старого Термеза, нельзя не обратить внимания на сходство материалов КЗ-3 и Термеза третьего этапа. Что особенно важно, в слоях Термез-3 найдены две однотипные монеты Евтидема (230-200 гг. до н.э.), поэтому не вполне понятна слишком растянутая, на наш взгляд, датировка керамики третьего этапа – последняя четверть III – первая половина II в. до н.э. (Пидаев, 1991. С.215, рис.3. С.223).

В свою очередь, придерживаясь принципа длинной хронологии, мы склонны датировать период Курганзол-3 второй половиной III в. до н.э., а время гибели крепости в результате каких-то трагических событий – рубежом III-IV вв. до н.э.

С этого момента начинается отсчет следующего, 4 периода, когда на руинах бывшей крепости обнаруживаются последние признаки жизни.

Период 4 (КЗ-4)

К этому периоду относится слой (0,5-1 м) оплыва обводной стены, залегающий поверх горелой прослойки как внутри, так и снаружи крепости. Никакой внутренней застройки в это время, разумеется, не было, только в северо-западной части оплыв иногда перемежается зольно-гумусными прослойками, означающими следы жизнедеятельности. Иногда попадаются обломки керамических шлаков и совсем редко – фрагменты керамики.

Керамика периода 4

Всего было собрано 450 фрагментов, из них 59 венчиков и донец (рис.21). Из них: 8 – с темно-красным ангобом, 1 – с темно-коричневым (2% от общего количества); 3 фрагмента – с лощением; 2 фрагмента – серого цвета.

Конфигурация кубков, чаш с Т-образным и закругленным венчиками приобрела более жесткие, стреловидные очертания (рис.21, 1-3, 4-6, 7-8), профиль миски, наоборот, смягчился (рис.21, 14); коснулись перемены и блюдца (рис.21, 12-13). Без видимых изменений остались классическая форма кратера (рис.21, 17) и кувшины (рис.21, 18-25). В слое есть сосуд, по форме напоминающий тип фляг 3 периода, с ручками для подвешивания (рис.21, 32). Интересен фрагмент венчика лепного котла, ручка которого расположена вровень с закраиной, чего среди материалов Курганзола раньше никогда не было (рис.21, 34).

Наконец, к совершенно новым формам следует отнести чаши с отлогими стенками и широким устьем (рис.21, 9-11). Особенно показательны две из них – с желобком на внутренней закраине венчика (рис.21, 10-11). Такие чаши находили при раскопках Старого Термеза в слоях четвертого этапа (Пидаев, 1991. С.214, рис.2, 26. С.216, рис.4, 29-31) и в округе Кампыртепа (Болелов, 2001. С.27, рис.2, 3-6). Есть они и в Северном Афганистане: Дильберджине греко-бактрийского времени (Кругликова, 1986. С.39, рис.32, 8. С.69, рис.63, 4) и Джигатепе, тоже греко-бактрийского времени, первого этапа (Пидаев, 1984. С.116, рис.2, 28). В том же слое Джигатепе была найдена монета греко-бактрийского царя Антимеха Теоса, правившего в начале II в. до н.э. (Пидаев, 1984. С.115). Г.А.Пугаченкова соотносит с первым этапом греко-бактрийского времени Джигатепе также находки монет Евтидема (230-200 гг. до н.э.) и обломок терракотовой плитки с греческой надписью (Пугаченкова, 1979. С.74-75).

После сопоставления керамики с нумизматическими данными период 4 Курганзола можно датировать первой половиной IV в. до н.э., и, следовательно, жизнь в крепости с небольшими перерывами продолжалась в течение почти 200 лет. В целом все это видится следующим образом:

Период КЗ-1 – конец IV в. до н.э. Возведение крепости на южном обрыве естественной террасы, и башни у нее, возможно, были только на северной стороне. Судя по рельефу, вообще достаточно было построить лишь одну дуговидную стену-перемышку, чтобы обезопасить крепость от внешней угрозы. Не исключено, что в 100 м севернее, на гребне террасы между западным и восточным обрывами тоже существовала стена, составлявшая первый эшелон, что было бы целесообразно с

точки зрения живучести обороны.

Трудно сказать, как долго продолжался период 1, но ясно, что уже вскоре после возведения крепость была оставлена за ненадобностью. Процесс этот был безболезненным, судя по отсутствию признаков пожаров и разрушений.

Период КЗ-2 – первая половина III в. до н.э. Обустройство и создание внутренней структуры крепости при Селевкидах, скорее всего, благодаря плодотворной деятельности Антиоха I, во время правления которого распространение эллинистических идей достигает своего апогея. Влияние греческих традиций и культуры в прямой или опосредованной форме охватывает все без исключения области Средней Азии и достигает даже Хорезма и Ферганы. Думается, почти все из того, что было создано при Антиохе, в поздней письменной традиции, все больше обрастая легендами, стало незаслуженно приписываться Александру. Таково избирательное свойство человеческой памяти, в которой образ царя-разрушителя постепенно вытеснил, а затем и полностью подменил образ царя-созидателя. В новых условиях задача крепости Курганзол, а также Паенкурмана, сводилась к обеспечению безопасности юго-восточных подходов к Железным воротам.

Пожар и разрушение крепости в конце периода 2 означал и окончание селевкидского правления, и начало нового, греко-бактрийского периода. Смена формы государственной власти всегда была непростым делом, и рождение Греко-Бактрии не является исключением. По завершении этого болезненного процесса произошел, как представляется, еще больший отход от классических греческих традиций во всех без исключения сферах, хотя содержание осталось, по сути, тем же – эллинистическим.

Период КЗ-3 – вторая половина III в. до н.э. ознаменован появлением и возрастанием угрозы с севера, со стороны сакских степных племен, факт достоверный и неоднократно привлекавший внимание ученых (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990. С.44; Tezcan, 2004. С.155-156). Отсюда происходит та лихорадочная спешка, с которой крепости пытаются вернуть прежнее фортификационное значение. Не случайно одновременно, между III-II вв. до н.э. укрепляется проход по ущелью Шуробсая, известный как Железные ворота (Рахманов, Рапен, 2004. С.151). Материалы греко-бактрийского времени есть и в крепости Узундара, и в Капчигайтепа на восточной окраине киш. Дербент, и, как теперь стало известно, Мачайтепа в киш. Мачай, и, не исключено, могут быть обнаружены в горном кишлаке Курганча. Это означает, что в преддверии «варварской угрозы» на естественных рубежах перекрывались все возможные доступы в долину Шерабадарьи и Сурхандарьи. Вполне закономерно, что греко-бактрийские правители, таким образом, поневоле возродили систему «крепостей-скал», существовавшую в эпоху завоевательных походов Александра, и, возможно, на том же месте, рельеф за 100 лет не меняется.

Как видно по материалам раскопок крепости Курганзол, все это не помогло или помогло лишь на время: правобережная часть Греко-Бактрии была завоевана, причем задолго до так называемого «юечжийского штурма». В результате Курганзол перестал существовать как крепость, полностью утратив свое фортификационное значение.

Период КЗ-4 – первая половина II в. до н.э. Для характеристики этого, заключительного периода лучшего слова, чем агония, не подобрать. Наблюдаются слабые попытки возродить жизнь на поселении, но возникает ощущение, что предпринимаются они эпизодически и слишком уж вяло. К тому же доставка воды в Курганзол

всегда была проблемой и осуществлялась посредством ирригационных сооружений. Как известно, малейший дисбаланс в системе орошения, вызванный природными или искусственными причинами, приводит к ощутимым, порой необратимым изменениям. Восстанавливать ее не всегда целесообразно, да часто и не под силу малым сообществам, тем более в только что разоренной стране, каковой, на наш взгляд, являлись в то время земли правобережной Амударьи.

Заключение

По нашим исследованиям получается, что юечжи в ходе своих миграций миновали обезлюдившую в то время территорию Сурхандарьи, и, следовательно, громкое определение «шторм Греко-Бактрии» относится к коренным бактрийским областям левобережья Амударьи. Только после утверждения новой власти в Балхском оазисе начинается обратный процесс – движение на север, освоение земель и возрождение жизни на правобережье.

В Байсуне в I в. до н.э. восстанавливается Паенкурбан и появляется крепость Мунчактепа в киш. Кофрун. Строительство последней означало изменение трассы старой дороги, Мунчактепа полностью подменил Курбанзол в осуществлении контроля юго-восточных подходов к Железным воротам. В ущелье Шуробса вновь возрождается, уже в новом качестве, система оборонительных сооружений, восстанавливаются перечисленные выше горные крепости. Новая, Кушанская империя, набирая силу, расширила свои пределы до былых рубежей греко-бактрийского государства периода правления Евтидема.

В Байсунской котловине в этот период возрастает роль Паенкурбана, который, как и Курбанзол, построен в конце IV в. до н.э. Лежащие выше слои Паенкурбана датируются уже I в. до н.э., и подобный хронологический разрыв в чуть ли не 100 лет давно смущает умы исследователей. Это привело к попыткам или омолодить, продлить время бытования греко-бактрийской керамики, или, напротив, удревнить время появления кушано-юечжийской и раннекушанской. И то, и другое, на наш взгляд, успеха не имело.

В этой связи, как ни странно это звучит, хотелось бы спросить: много ли в Средней Азии мы знаем памятников для периода в почти 150 лет, с начала XIII в. до конца XIV в.? Вопрос риторический и, наверное, надо сказать спасибо науке нумизматике, что никто никогда не пытался омолодить комплекс керамики караханидского периода или удревнить темуридский.

Монгольское нашествие нанесло завоеванным странам непоправимый урон, сопоставимый, должно быть, с теми последствиями, которые мы наблюдаем по археологическим материалам, связанным с вторжением сакских племен на рубеже III-II вв. до н.э.

Не менее актуален вопрос о границах Бактрии и Согдианы, насколько определение «граница» вообще уместно для древней истории. В конце VIII – начале IX в., в период становления арабской географической науки никто четко не различал Хорасан и Мавераннахр, поскольку за этими названиями скрывались не политические образования, а географические области. Тем более странно рассуждать на тему границ, что государство как социальный организм живет импульсами, постоянно преобразуется, увеличиваясь или сокращаясь, меняя очертания и границы. На протяжении всей истории человечества распространение культурных и цивилизационных достижений и в древнем мире, и в современном не имеет ничего общего с политической конфигурацией. Часто даже вопреки последней.

В целом результаты полевых исследований Байсунской экспедиции 2004 г. дополнили и подтвердили те данные и выводы, которые мы изложили по итогам первого года работ. В первую очередь, это относится к отождествлению крепости Курганзол и, соответственно, Паенкурмана с двумя из шести укреплений, основанных Александром в области Маргания в 328 г. до н.э. Наверное, не будет преувеличением сказать, что возведение их в Байсунской предгорной котловине знаменовало «начало начал» – поворотный момент, с которого начинается отсчет истории Байсуна.

Литература

- Ахраров И., Усманова З.И. Новые данные к истории Бухары // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С.98-106.
- Беляева Т.В. К открытию древнего поселения на территории Ленинабада // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С.41-48.
- Болелов С.Б. Гончарная мастерская III-II вв. до н.э. на Кампыртепа // Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып.2. Ташкент, 2001. С.15-30.
- Воробьева М.Г. Дингильдже. Усадьба I тыс. до н.э. в древнем Хорезме. М., 1973.
- Восковский А. Комплекс керамических сосудов из нижнего слоя городища Кампыртепа // Археологические исследования в Узбекистане. Вып.3. Ташкент, 2003. С.48-50.
- Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Археологические работы в Гиссаре в 1981 г. // АРТ. Вып. XXXI. Душанбе, 1988. С.277-288.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Самарканд, 2002.
- Кацурис К., Буряков Ю. Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяуркалы // Труды ЮТАКЭ. Т.ХII. Ашхабад, 1963. С.119-163.
- Козловский В.А., Некрасова Е.Г. Стратиграфический шурф на цитадели древнего Термеза // Бактрийские древности. Л., 1976. С.30-39.
- Кошеленко Г.А., Мунчаев Р.М. Раскопки на городище Ай-Ханум в 1965-1968 гг. // Бактрийские древности. Л., 1976. С.118-124.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. М., 1986.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд. К проблеме изучения средневекового города Средней Азии. Ташкент, 1988.
- Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Исследование Нуртепа в 1981 г. // АРТ. Вып. XXXI. Душанбе, 1988. С.19-31.
- Омельченко А.В. Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. - IV в. н.э.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Самарканд, 2003.
- Пидаев Ш.Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып.3. М., 1984. С.112-124.
- Пидаев Ш.Р. Стратиграфия городища Старого Термеза в свете новых раскопок // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Ташкент, 1987. С.87-97.
- Пидаев Ш.Р. Керамика греко-бактрийского времени с городища Старого Термеза // СА. 1991. №1. С.210-224.
- Пугаченкова Г.А. Жига-тепе (раскопки 1974 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып.2. М., 1979. С.63-94.
- Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. Ташкент, 1989.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.
- Рахманов Ш., Рапен К. Стратегический пограничный узел Железных ворот: меняющийся статус границ от греческих свидетельств до средневековых эпопей // Transoxiana: история и культура. Ташкент, 2004. С.150-153.
- Ртвеладзе Э.В., Пидаев Ш.Р. Древнебактрийская крепость Талашкан-тепе I // РА. 1993. №2. С.133-147.
- Рутковская Л.М. Парфянская керамика древнего Мерва // СА. 1958. №3. С.120-133.
- Рыжов С.Г. Дом IV-III вв. до н.э. в Херсонесе // СА. 1985. №4. С.155-161.
- Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на правом берегу Амударьи // СА. 1984. №3. С.171-179.

Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Результаты предварительного исследования античного селения Рамиш // ИМКУ. Вып.13. Ташкент, 1977. С.55-64.

Усманова З.И. Эрк-кала // Труды ЮТАКЭ. Т.ХП. Ашхабад, 1963. С.20-94.

Шишкина Г.В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып.1. Ташкент, 1969. С.221-246.

Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА. 1975. №2. С.60-77.

Guillaume O. Les propilees de la rue principale: Fouilles d'Ai'Khanoum, II. MDAFA. T.XXVI. Paris, 1983

Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolithique a la conquete arabe // Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Vol.2. Paris, 1997.

Sajdullaev S. Untersuchungen zur fruhen Eisenzeit in Nordbaktrien // Archaeologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 34. Berlin, 2002. С.243-339.

Tezcan M. The conquest of Sogdiana and Bactria by the nomads and the Asiani // Transoxiana: история и культура. Ташкент, 2004. С.154-165.

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ДАХОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Упоминания о многочисленных кочевых племенах, населявших территорию Средней Азии, встречаются в древних письменных источниках, включая Авесту. В настоящей статье рассматривается вопрос локализации одного из кочевых племен, а именно племени дахов или даев. Наиболее часто упоминающиеся в источниках племена—это саки и скифы, а также бактрийцы, согдийцы и хорезмийцы. На антидевовских надписях Ксеркса в числе перечисленных сатрапий и народов наряду со скифами или скифами хаумаваргами отдельно упоминаются дахи (История Узбекистана в источниках, 1984, с. 173).

По сообщению Курция Руфа (кн. VII, 7, 31), в борьбе с греко-македонскими войсками, длившейся 8-9 месяцев в 329 г. до н.э., принимали участие саки и дахи в союзе с согдийцами и близкими к ним по языку и обычаям уструшанцами и бактрийцами (История Узбекистана в источниках, 1984, с. 78).

Дахи также упоминаются в составе войска Дария. Левый фланг войска прикрывала бактрийская конница и здесь же располагались даи и арахоты (История Узбекистана в источниках, 1984, с. 86). У Арриана имеется другая информация, что при Бессе находились персы, принимавшие участие в аресте Дария, около 7000 бактрийцев и даи - народ, живший за Танаисом (История Узбекистана в источниках, 1984, с. 92).

В античных письменных источниках мы находим много интересной, полезной информации для освещения истории народов Средней Азии. Вместе с тем имеются некоторые противоречивые моменты в описании народов или исторических событий, к которым надо относиться критически.

Рассмотрим некоторые письменные источники, касающиеся периода походов Александра Македонского в Среднюю Азию.

По сообщению Курция Руфа, дахи были союзниками Спитамена, действующего в районе Мараканды и на севере Согда (Квинт Курций, VII, VII, 32). Когда Спитамен и Оксиарт преследовали Александра, с согдийскими войсками были и даи с Танаиса. Впоследствии дахи были союзниками Александра и селевкидов.

География расселения дахов в античных письменных источниках определяется по-разному: на побережье Каспийского и Аральского морей или по Танаису. Все это, видимо, связано с их движением во время похода Александра Македонского и участием в сражениях в Средней Азии. В реальности столь большой ареал распространения одного племени вряд ли возможен. Здесь имеет место географическая ошибка, связанная с тем, что некоторые историки дают информацию, ссылаясь на античные карты, где среднеазиатские реки Амударья и Сырдарья впадают не в Аральское море, а в Каспий. Затем, когда в письменных источниках речь идет о Танаисе и дахах в соседстве со согдийцами, то, вероятно, подразумевается Сырдарья, а не Дон.

К локализации дахов археологи относятся по-разному, одни изучают их образ жизни по материалам курганных погребений, другие по материалам городских укреплений.

Х. Юсупов, раскапывая ряд курганов верхнего Узбоя V-III вв. до н.э., идентифи-

цирует их с кочевыми племенами дахов (Юсупов, 1971). Материалы верхнего Узбоя характеризуются преобладанием лепных плоскодонных сосудов с носиком или сосудов округлой формы. В погребальной камере имеются керамические ящики-костехранилища. Над погребением каменная насыпь (Юсупов, 1971 с.111-135; 1972 с.22-48; 1973 с.48-77; 1974 с.6-26). По-моему, материалы, аналогичные находкам из погребения верхнего Узбоя и подобный тип погребения прослеживается только в Приаралье. Даже в самой близкой географически Чирикратской культуре иная типология керамических сосудов и иной обряд погребения. Район расселения даев по данным письменных источников гораздо обширней.

К. Абдуллаев при изучении материальной культуры кочевых племен берет за основу курганные погребения. По его мнению, все сакские курганные погребения Южного Согда определены только визуально (3, с.14-15) и до сих пор не изучены, что осложняет решение ряда вопросов, в том числе и вопрос локализации племен.

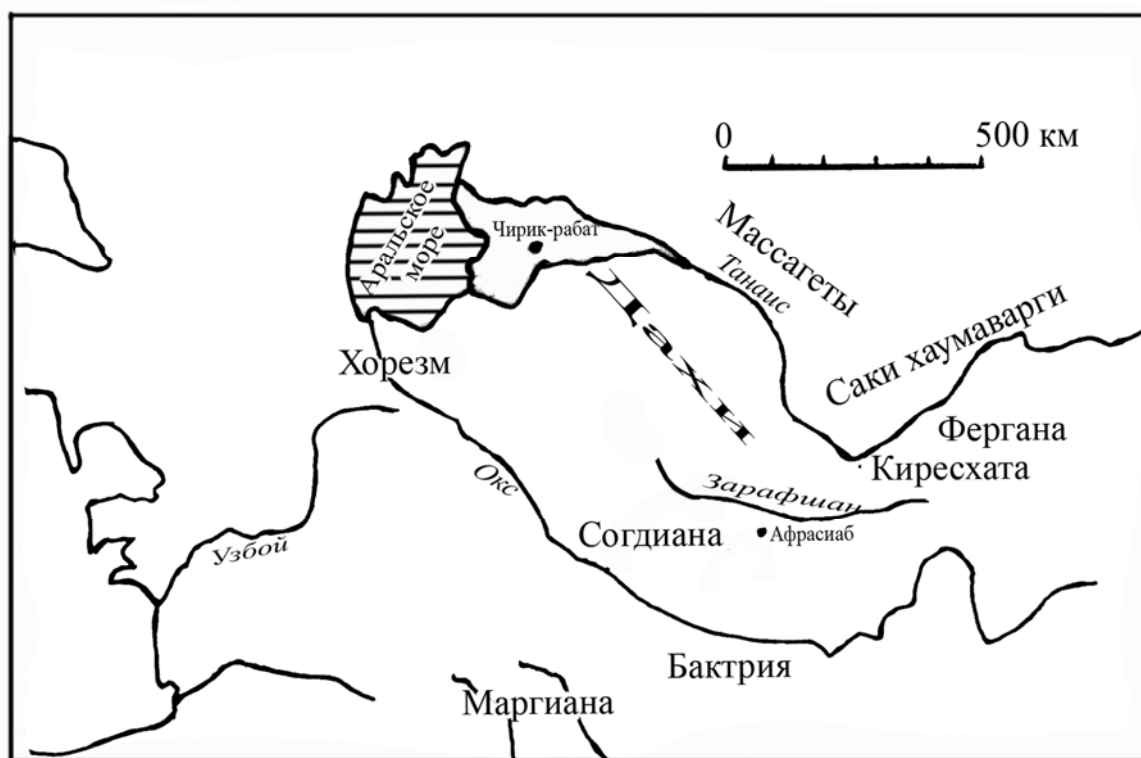
К.Ф. Смирнов связывает материалы Прохоровской культуры с кочевыми племенами дахов (Смирнов, 1961. с. 274). По его замечанию, среди материалов Прохоровской культуры на Южном Урале, как и на памятниках IV-III вв. до н.э. Согда, явно прослеживается влияние ахеменидской культуры. Конечно, это не означает, что все эти территории были заселены дахами, которые участвовали в походах в составе ахеменидской армии. О возможной связи с дахами говорят В.Н. Васильев и Н.С. Савельев на основе письменных источников эпохи античности. В специальной работе, посвященной локализации дахов, они принимают за основу версию, что под Танаисом подразумевается река Дон (Васильев, Савельев, 1993, с 18). Нам кажется, что локализация расселения небольшого племени дахов в столь обширном пространстве от Южного Урала до берегов Сырдарьи не совсем реальна.

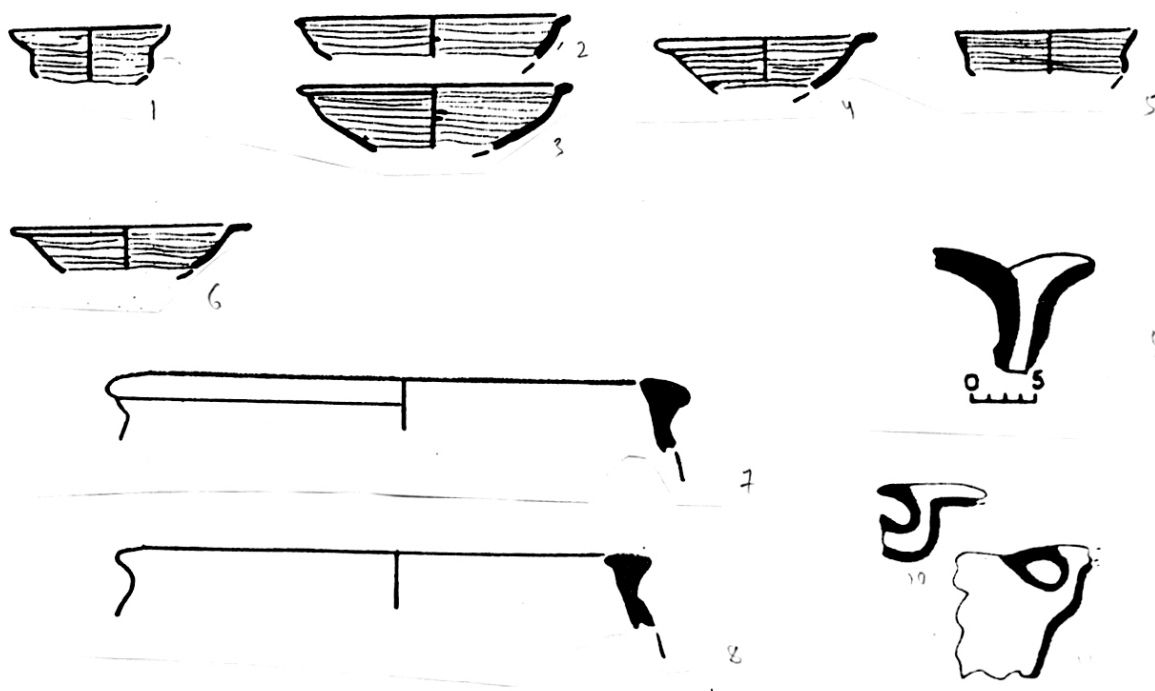
В восточном Приаралье, в древнем междуречье Амударьи и Сырдарьи открыт Чирикрат - огромное, сильно укрепленное городище овальной формы 850х600 м. Большая часть площади была густо застроена; стены были укреплены стреловидными бойницами и оборонительным рвом. Другие небольшие укрепленные городки, такие, как Бабиш-Мулла I и II, имели качественную местную керамику, изготовленную на гончарном круге, а также развитую систему ирригации. Такое сочетание говорит об оседло-земледельческой культуре (Толстов, 1961; 1962; Вайнберг, Левина, 1993). После публикации С.П. Толстова материалы Чирикратской культуры принято локализовывать с культурой кочевых племен. Нам кажется, что район распространения культуры чирикратского типа логично подтверждает данные письменных источников. По мнению исследователей, чирикратская культура образовалась на базе местной лепной керамики «сарматоидного» облика VII-V вв. до н.э. и влияния южной культуры V-III вв. до н.э. Б.И. Вайнберг и Л.М. Левина при сопоставлении материалов с южными памятниками, в особенности с материалами Бактрии, в основном ссылаются на кухонную посуду, которая мало меняется и в более поздние периоды. Некоторые формы сосудов существовали еще до прихода греков и развивались в античное время; к таким сосудам можно отнести чаши, некоторые широкогорлые сосуды, жаровни, лепные котлы или тарные сосуды.

Подход С.П. Толстова и его учеников к материальной культуре кочевых племен по материалам городских комплексов вызывает сомнения у Б.А. Литвинского, который считает, что кочевую культуру можно изучать только по материалам курганов (Литвинский, 1972, с. 172). В данное время нам известны укрепленные концентрическими стенами поселения кочевых племен, например Кала-и-Захоки-Марон

(Абдуллаев, 2000, с.208-219) на территории Южного Согда, площадью более 250 га или поселения «саков за Яксартом» Уструшаны (Буряков, Грицина, Кочнев, 1994; Грицина, 2000).

На территории Южного Согда нами открыто неукрепленное сельское поселение Курганча. Здесь прослеживаются три непрерывных строительных периода на протяжении короткого промежутка времени. Ранний этап характеризуется керамикой цилиндроконической формы с манжетовидным венчиком, характерным для Бактрии, Хорезма, Маргианы и Согда ахеменидского периода. Во втором периоде появляются сосуды с «Т»- или «Г» - образным венчиком и несколько других форм сосудов, например фиала, кувшин со сливом (Хасанов, 1992) и миска, формой имитирующая металлические сосуды ахеменидского Ирана. Эти сосуды, в отличие от массовой местной керамики, красноглиняные и залощенные до металлического блеска. На последнем этапе прослеживается влияние форм привозных сосудов на изделия местных мастеров. Еще одним из характерных признаков керамики этого периода можно считать появление более совершенного быстро вращающегося вида гончарного круга. Местные гончары с этого времени получили возможность формовать технически более сложные виды сосудов (Исамиддинов, Хасанов, 1991). Комплекс керамики третьего этапа получен из заполнения одной ямы в изолированном от более ранних или поздних слоев виде. Судя по хорошему качеству техники формовки, этот комплекс керамики можно определить как греко-бактрийский. В переходном периоде керамики поселения Курганча для Согда прослеживаются четыре разные типа керамики. Первый тип—местные цилиндро-конические сосуды с манжетовидным венчиком, традиционно исходящие из сапаллинской культуры; второй - краснолощенная керамика, традиционная для западного Ирана; к третьему типу можно отнести греко-бактрийскую керамику; и, наконец, четвертый тип - не-

сколько фрагментов с процарапанным орнаментом кострового обжига - керамика кочевых племен.

На территории древней Кашкадарьи с древнейших времен образовалось два крупных городских центра. В верховье реки столичным городом Кеша стал Сангиртепа-Узункыр, а в ее среднем течении столичным городом Нахшаба являлось городище Еркурган.

Сангиртепа-Узункыр и Падаятактепа археологически мало изучены, особенно верхние слои. В последние годы особое внимание истории античности долины Кеша уделял А.В. Омельченко (Омельченко, 2003). Нами произведены небольшие контрольные шурфы и зачистки старых раскопов Падаятактепа. Первый раскоп был заложен еще Н.И. Крашенинниковой (Крашенинникова, 1983;1985); в 1997 году сотрудники музея города Шахриябз продолжили раскопки в южную сторону. При зачистке мною были вскрыты три хозяйственные ямы, содержащие в заполнении керамику IV-III вв. до н.э. На керамике прослеживаются характерные признаки переходного периода такие, как знаки на сосудах, «Г»-образный венчик; присутствуют толстостенные сосуды с уплотненным венчиком. Однако комплекса керамики, подобного комплексам на поселениях Курганча или Коктепа, не прослеживается. Мне кажется, судя по материалам переходного периода, Падаятактепа остается под влиянием Бактрии. Возможно, что продолжение раскопочных работ прольет свет на решение этой проблемы.

На городище Еркурган переходный период от цилиндрико-конических сосудов к раннеантичному комплексу известен только из небольших шурфов, заложенных на разных участках памятника. В стратиграфической колонке Еркургана, как на поселении Курганча Гузарской долины, комплекс керамики не представлен (Вайнберг, Левина, 1993). Интересно, что на городище Еркурган нет хумов с «Т»-образным венчиком.

На Афрасиабе этот комплекс керамики с «Т»-образным венчиком происходит из хозяйственной ямы, как на поселении Курганча. С.К. Кабанов датирует его IV вв. до н.э. (Кабанов, 1981). Этот же комплекс керамики Афрасиаба встречается в перемешанном виде и датируется Г.В. Шишкиной V-II вв. до н.э. (Шишкина, 1975).

Другое крупное многослойное городище на территории Центрального Согда - это Коктепа, где в последние годы ведутся стационарные раскопки. Здесь верхний строительный горизонт характеризуется появлением керамики с «Т»-образным венчиком, но не такого качества лощения, как на поселении Курганча. Постройки облегченного характера; прослеживаются гнезда от опорных столбов и хозяйственные ямы (Исамиддинов, 2002). На городище Коктепа больше керамики кочевых племен кострового обжига.

На окраине Самарканда исследован квартал керамистов, который дает интересный изолированный комплекс керамики периода керамики с «Т»-образным венчиком (Иваницкий, 1992). Но керамики кострового обжига здесь не встречается, поскольку производство сосудов ориентировалось на вкусы городского населения.

Сотрудники Узбекско-итальянской экспедиции при открытии «сарматских» курганов в Сазагане проследили комплекс керамики с «Т»-образным венчиком в перетолженном из более ранних слоев виде. Кроме того, здесь вскрыты хозяйственные ямы курганчинского типа (Бердимуратов, Раимкулов, Холматов, Франческини, Мантелини, 2004). Характер данной статьи не позволяет привести подробный анализ всего керамического комплекса.

Керамический комплекс курганчинского типа происходит из ранних слоев поселения Кармани, расположенного на территории Навоинской области (Хужаназаров, Мирзаахмедов, Грицина, Рахимов, 2001). Это самый северный район распространения курганчинского типа керамики, далее к северо-западу, на территории Бухарского оазиса керамика с «Т»-образным венчиком не встречается. Видимо, этот район только осваивался в интересующее нас время. Далее в стратиграфических слоях городища Пайкент IV-III вв. до н.э. появляются хумы с валикообразным венчиком (Мухамеджанов, Адылов, 1986).

На территории Парфии переходный период от традиционной цилиндрической формы к плоскодонным сосудам с пологими плечиками изучен В.Н. Пилипко (Пилипко, 1984). Одним из характерных признаков этого периода он считает появление краснолощенной керамики. В Коша-депе имеются некоторые аналогичные курганчинским формам сосуды, например, чаша с «Г»-образным венчиком или хум с пологими плечиками и утолщенным верхним краем (Пилипко, 1980). В начале 80-х годов, в ходе разведывательных работ в Дашлинском оазисе, выявилось 5 поселений с аналогичной керамикой (Пилипко, 1982, с.91-93). На территории Туркмении комплекс краснолощенной керамики характерен отсутствием тарных сосудов с «Т»-образным венчиком. На материалах переходного периода Туркмении прослеживается влияние культуры архаического Дахистана (Пилипко, 1984. рис. 6, с.40).

По реке Сырдарье (Уструшана) в древности проходила граница крупных государств, Кирополь был самым крайним пунктом ахеменидской империи. Именно здесь Александру Македонскому в его походе в Среднюю Азию пришлось сражаться с местными кочевыми племенами, теми, «которые за Яксартом» (Пьянков, 1989, с.73-80).

Одним из наиболее исследованных археологических памятников древней Устру-

шаны является городище Нуртепа, расположенное на современной северо-западной окраине Ура-Тюбинского оазиса в местности Ховатаг (Буряков, Грицина, Кочнев, 1994). Археологическими работами на этом городище выявлены культурные горизонты, охватившие период с VII-III до н.э. (Негматов, Беляева, 1986; 1991). Как на памятниках Согда, так и здесь, в верхнем строительном горизонте, появляется краснолощенная керамика в стиле ахеменидского Ирана. В этом стиле выполнен слив от водоносного сосуда, который аналогичен материалам самого ахеменидского Ирана (Хасанов, 1992), видимо, попавший в Согд из архаического Дахистана. В.М. Массон делит керамический материал Мисрианской культуры VII-VI вв. до н.э. на две большие группы. По его мнению, кроме культовых курильниц и кухонных котлов, вся остальная керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения. Основную массу составляет серая посуда, тщательно залощенная снаружи. Наряду с ней имеется керамика красного и зеленовато-белого цветов. Красная керамика тоже, как правило, покрыта превосходным лощением. Среди керамики кувшины различной величины, чаши на трех ножках, разнообразные сосуды со сливами, в том числе со сложным сочетанием трубчатого носика и длинного слива, плоскодонные чаши, кубки и керамические сита (Массон В.М., 1959). Краснолощенная керамика Мисрианской культуры аналогична керамике второго этапа керамики поселения Курганча.

В Хорезме краснолощенная керамика встречается в комплексах переходного периода. На Джингильдже в комплексе керамики прослеживаются некоторые признаки, сходные с комплексом поселения Курганча, например, хумы с плоским дном, но венчики они имеют валикообразные. В стратиграфической колонке керамики Хорезма широко распространены тонкостенные сосуды с отогнутым снаружки венчиком. Джингильдже - один из памятников, где наиболее часто встречаются археологические материалы, характерные для ахеменидского Ирана. На материалах Джингильдже прослеживается тот же самый переходный период от цилиндрических сосудов к сосудам закрытой формы. В Хорезме, в отличие от Согда или Бактрии, много крашеной керамики (Воробьева, 1973).

Таким образом, за короткое время на территории Согда и в Приаралье прослеживаются изменения в производстве керамики: на смену сосудам с коническим дном приходят плоскодонные, краснолощенные сосуды с «Т»-образным венчиком. Вне этих влияний остаются Бактрия, Маргиана, Чач и Фергана.

А. Хаджаев, анализируя китайские источники Ханского времени, пришёл к выводу, что до появления государства Дайрузие (Даюэчжи), т.е. Кушанского царства, южная граница государства Кангюя доходила до северного побережья реки Амударьи, где данное государство граничило с Бактрией (Дася) и Парфией (Патия, Арсаесом-Аньси) (Хаджаев, 2004). По сообщениям разных китайских авторов можно локализовать местонахождение дахов к западу от Ферганы, т.е., в долине Зерафшана, до реки Сырдарья.

Заклучая обзор материальной культуры, можно сказать, что в керамике переходного периода Согда и Приаралья вместе с местной традиционной керамикой появляется керамика с «Т»-образным венчиком, а также краснолощенная и лепная керамика кострового обжига кочевников. Зона распространения этого комплекса керамики, скажем, чирикратского типа, совпадает с территорией, приведенной в античных и в китайских письменных источниках о месте заселения племени дахов. В кушанское время эта территория была защищена Железными воротами с южной

стороны близ Дербента (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990), а с севера укреплена каменной стеной, служившей защитой против других кочевнических племен.

Литература

- Абдуллаев К. Города в юэчжийский период (китайские источники и археологическая ситуация) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 2000.
- Абдуллаев К. Александр и номады Средней Азии // Цивилизация Центральной Азии: земледельцы и скотоводы традиции и современность. ТД., Международной научной конференции. Самарканд, 2002.
- Беляева Т.В. Нуртепа - городище древней Уструшаны // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXIII, (1983), Душанбе, 1991.
- Бердимуратов А.Э., Раимкулов А.А., Холматов Н., Франческини Ф., Мантелини С. Результаты исследований Узбекско-итальянской экспедиции в Самаркандской области // Археологические исследования в Узбекистане, 2003 год. Вып.4. Ташкент. 2004.
- Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Редактор текста, вступительная статья и комментарий А. Н. Бернштам и Н.В. Кюнера, т. I-III., М - Л., 1950-1953.
- Буряков Ю.Ф., Грицина А.А., Кочнев Б.Д. Древний Заамин (история, археология, нумизматика, этнография). Ташкент. 1994
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып.1. М., 1993.
- Васильев В.Н., Савельев Н.С. Ранние дахи Южного Урала по письменным источникам. Уфа. 1993.
- Воробьева М.Г. Джингильже - усадьба середины I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме // вып.9, М.1973.
- Грицина А.А. Уструшанские были. Ташкент. 2000.
- Иваницкий И.Д. Саратепа-2 поселение керамиков середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ, вып., 26. 1992.
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
- Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984
- Исамиддинов М.Х., Хасанов М.Х. К истории гончарного круга IV-I вв. до н.э. // ОНУ, №1. Ташкент, 1991, с. 42-45.
- История Узбекистана в источниках. Составитель Б.В. Лунин. Ташкент, «Фан», 1984.
- Кабанов С.К. Освоение западных районов города на ранних этапах его жизни // К исторической топографии древнего и раннесредневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
- Крашенинникова Н.И. Работы в Китабском и Шахриябском районах // АО-1981. М., 1983; Раскопки в Китабском районе // АО-1983. М., 1985.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., «Наука», 1972.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, №73. М-Л., 1959.
- Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш. Т. Городские памятники низовьев Заравшана в IV в. до н.э. - VIII в. н.э. // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда, античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского коллоквиума. Самарканд, 1986.
- Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Проблемы начального этапа урбанизации Уструшаны (по материалам Нуртепа) // Древние цивилизации Востока. (Материалы Советско-американского симпозиума). Ташкент, 1986.
- Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи поздней бронзы раннего железа- Нуртепа // Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе, 1982.
- Омельченко А. В. Культура восточных районов Южного Согда эпохи античности (конец IV в. до н.э. - IV в. н.э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самарканд. 2003.
- Пилипко В.Н. Парфянский слой поселения Коша-депе у Баба-Дурмаза // 1980, № 4.
- Пилипко В.Н. Поселение раннежелезного века Гары-Кяриз I // Туркменистан в эпохи раннежелезного века. Ашхабад. 1984.
- Пилипко В.Н. Средний слой юго-западного холма поселения Коша-депе у Бабадурмаза // Известия ТФАН, № 5, Ашхабад. 1987.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. (древность и средневековье). Таш-

кент. 1990;

Сулейманов Р.Х. Древний Нахшаб. (проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э.- VII в.н.э.). Самарканд-Ташкент, 2000.

Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм (К истории заселения и освоения древней дельты Сыр-дарьи)-СЭ № 4, 1961.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарты М., 1962;

Хаджаев А. Сведения китайских источников о южных границах государства Кангкя (Канцзюй). // Узбекистон этнологияси; янгича карашлар ва ёндашувлар. Узбекистон ФА академиги Карим Шониезов таваллудининг 80 йиллигига бағишланган халқорой илмий анжуман материаллари. Тошкент - 2004.

Хасанов М. Об одном раннеантичном сосуде из поселения Курганча / ИМКУ, № 26. Ташкент, 1992.

Хужаназаров М., Мирзаахмедов Дж, Грицина А.А., Рахимов К. Кармана ва унинг атрофида олиб борилган археологик ишлар // Археологические исследования в Узбекистане, 2000 год. Самарканд 2001.

Шишкина Г.В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба // Афрасиаб 1969.

Шишкина Г.В. Эллинистическая керамика Афрасиаба // СА, 1975, № 2.

Юсупов Х. Новые материалы с верхнего Узбоя. //КД., вып. VIII. 1975.

Юсупов Х. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1971 г. КД, вып. V. 1971.

Юсупов Х. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1972 г. //КД. Вып.,VI. 1972.

Юсупов Х. Результаты археологических работ в северо-западной Туркмении весной 1973 г. //КД., вып. VII. 1974.

Содержание

Абдугазиева Б. К исследованию сельских поселений Ферганы эпохи античности	4
Абдуллаев К. Изображение Афродиты в наосе из Тиллятепа (эллинистические традиции в сако-юэчжийский период)	9
Абдуллаев К., Алмазова Н. Каменные орудия античной эпохи на примере Паенкурмана (Северная Бактрия)	16
Абдуллаев К., Бердимуратов А. Античные сюжеты в раннесредневековой глиптике Согда по буллам городища Кафыркала под Самаркандом	25
Атаходжаев А. Ранне-античные монеты с Афрасиаба (новые находки).	33
Болелов С.Б. Жилые кварталы Кампыртепа кушанского времени	37
Грицина А.А., Хужаназаров М. Изучение нижних слоев городища Буркуттепа (Древней Карманы)	42
Ильясов Дж.Я. "Скорпион из алтаря"	50
Исамиддинов М.Х. Южные части Самаркандского Согда в период включения в империю Александра Македонского	55
Кириллова О.В. К изучению эллинистической архитектуры Самарканда	61
Малтаев К.Ж., Матбабаев Б.Х. Новые данные о памятниках античного времени в восточной Фергане (Ош-Карасуйский оазис)	66
Мустафокулов С. Население городища Старого Термеза в I в. до н.э. – I в. н.э.	70
Мухитдинов Х.Ю. Погребальные сооружения и погребальный обряд античного могильника Холниёттепа	73
Рузанов В.Д. Химико-металлургическая характеристика цветного металла некрополя Ялангуштепа	80
Сверчков Л.М. Эллинистическая крепость Курганзол	84
Хасанов М. К локализации Дахов в Средней Азии	102

Contents

Abdulgazieva B. To the Study of Rural Settlements of Ferghana of Ancient Epoch	4
Abdullaev K. Representation of Aphrodite in Naos from Tillyatepa (Hellenistic Traditions in Sako-Yueh-chih Period).	9
Abdullaev K., Almazova N. Stone Tools of the Ancient Epoch by the Example of Payonkurgan (North Bactria)	16
Abdullaev K., Berdimuradov A. Ancient subjects in the Early Medieval Age Glyptics of Sogdia after bullas of Kafirkala in the Environs of Samarkand	25
Atakhodjaev A. Early Ancient Coins from Afrasiab Site (New Finds).	33
Bolelov S. Housing Blocks of Kampyrtepa of the Kushan Period.	37
Gritsina A., Khudjanazarov M. The Study of Lower Layers of Burkuttepa Site (Ancient Karmana).	42
Ilyasov J. "The Scorpio from the Altar"	50
Isamiddinov M. Southern Parts of Samarkand Sogdia at the Period of including in the Empire of Alexander Macedonian.	55
Kirillova O. To the Study of Hellenistic Architecture of Samarkand.	61
Maltaev K., Matbabaev B. The New Evidence About the Ancient Time Monuments in Eastern Ferghana (Osh-Karasuy Oasis).	66
Mustafokulov S. The Population of Sary Termez Site in the I BC-I AD.	70
Mukhiddinov KH. Burial Constructions and Rites of Ancient Kholnieztepa Necropolis.	73
Ruzanov V. Chemical-metallurgical Characteristics of Non-Ferrous Metal from Yalangtushtepa Necropolis.	80
Sverchkov L. Hellenistic Fortress Kurganzol	84
Khasanov M. To the Localization of Dahae in Central Asia.	102

МАТЕРИАЛЫ ПО АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ УЗБЕКИСТАНА

**Печатается по решению Ученого совета
Института археологии АН РУз.**

Ответственный редактор: К.А. Абдуллаев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель: А.А. Анарбаев
А.А. Аскарлов, А.Х. Атаходжаев, М.Х. Исамиддинов, Р.Х. Сулейманов

Рецензенты
К.и.н Т.И. Лебедева
К.и.н А.А. Раимкулов

Зав.редакцией Е.И. Баданова
Компьютерный набор М.В. Кондрикова
Верстка и дизайн Т.Х. Очилов

Сдано в набор 25.01.2005. Подписано в печать 25.02.2005.
Формат 60x84 1/8. Усл.печ.л. 12,5. Тираж 200 экз. Заказ 113.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
703051. г. Самарканд, ул. акад. В.Абдуллаева, 3
Лицензия 18-0789